

930.1(075.8)  
3-17

Высшее профессиональное образование

Т. И. Зайцева

# ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА

Учебное пособие



Педагогическое  
образование

ACADEMA

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Т. И. ЗАЙЦЕВА

# ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА

*Рекомендовано  
Учебно-методическим объединением  
по специальностям педагогического образования  
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,  
обучающихся по специальности «История»*



Москва  
Издательский центр «Академия»  
2011

УДК 930.1(075.8)

ББК 63я73

3-17

an

Т. И. ЗАЙЦЕВА

Рецензенты:

доктор исторических наук, зав. кафедрой Древнего мира,  
Средних веков и историографии Томского государственного университета,  
профессор *Б. Г. Могильницкий*,  
кандидат исторических наук,  
доцент Северной технологической академии *Л. А. Гаман*

**Зайцева Т.И.**

3-177 Зарубежная историография : XX — начало XXI века : учеб.  
пособие для студ. учрежд. высш. проф. образования /  
Т. И. Зайцева. — М. : Издательский центр «Академия», 2011. —  
144 с.

ISBN 978-5-7695-6930-2

Учебное пособие посвящено истории западной исторической науки XX в.  
и в первую очередь сформировавшемуся в ее рамках течению, известному как  
«новая историческая наука». В нем представлен анализ теоретико-методологи-  
ческих представлений и конкретной исследовательской практики отдельных  
ученых, групп историков и национальных исторических школ. Выделены не-  
которые важные тенденции в развитии исторической науки.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования, об-  
учающихся по специальности «История», а также для всех, кто интересуется  
историей.

УДК 930.1(075.8)

ББК 63я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью  
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом  
без согласия правообладателя запрещается*

© Зайцева Т. И., 2011

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2011

ISBN 978-5-7695-6930-2

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2011

632638

## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

Актуальность изучения историографии несомненна. На сегодняшний момент опубликовано и продолжает выходить в свет огромное количество научных и научно-популярных изданий по истории — и студенту-историку необходимо научиться ориентироваться в этом потоке литературы. Тем более что развитие исторической науки вызывает потребность в критике, проверке, а зачастую — и в пересмотре и обновлении сложившихся концепций.

В рамках предлагаемого пособия не ставится задача систематического описания истории исторической науки. Речь пойдет только об одном разделе зарубежной историографии — западной исторической науке XX в., и в первую очередь о сформировавшемся в ее рамках течении, известном как «новая историческая наука», или «новая история».

Цель предлагаемого курса «Зарубежная историография XX в. “Новая историческая наука”» — формирование у студентов представлений об основных инновационных тенденциях в развитии западной историографии XX в. и умения анализировать историческую литературу, определять свое отношение к ней, а также использовать в собственной деятельности лучшие достижения исторической мысли.

В ходе изучения курса предполагается решить следующие задачи:

- изучить деятельность ведущих новаторских историографических направлений и школ Западной Европы и США в XX в.;
- проанализировать творчество ряда крупнейших западных ученых;
- ознакомиться с комплексом известных исторических исследований, статей и монографий;
- проследить влияние исследований зарубежных ученых-историков на отечественную историческую науку.

В пособии рассматриваются как теоретико-методологические представления, так и исследовательская практика отдельных ученых, групп историков и национальных исторических школ. Мы постарались выделить некоторые, наиболее важные тенденции в развитии исторической науки, обратиться к самым значительным явлениям, опираясь на отечественную аналитическую литературу



преимущественно конца XX—начала XXI в.<sup>1</sup> и на собственный исследовательский опыт.

Западной исторической науке XIX в. — представленной такими течениями, как немецкая историческая школа, историческая школа позитивизма, марксистская историческая школа, — были присущи некие общие доминанты. Господствующую в это столетие парадигму истории принято обозначать как классический историзм. В его основе лежали прогрессистски линейное видение исторического развития и представления о возможностях объективного познания прошлого.

Однако эти представления не выдержали проверки временем. Произошедшие на рубеже XIX—XX вв. серьезные общественные трансформации привели к кризису исторического сознания в том виде, в каком оно бытовало в XIX в., и обусловили поиски выхода из этого кризиса. Движение за обновление исторической науки зародилось в первой половине XX в. во Франции, где с появлением школы «Анналов» началось формирование нового научного течения — «новой исторической науки», — впоследствии далеко перешагнувшего пределы страны, в которой оно первоначально возникло.

«Триумфальное шествие» «новой истории» на Западе развернулось во второй половине XX в., когда в ее рамках сформировался целый ряд исследовательских направлений и школ. Сегодня традиционное, «классическое» историописание занимает лишь одну из позиций; большое значение в области исторических исследований имеют «новые подходы». В основном именно их характеристике уделяется внимание в предлагаемом издании.

\*\*\*

В числе современных учебных пособий для студентов по курсу «Зарубежная историография» назовем следующие: Адо А. В., Дементьев И. В., Патрушев А. М. Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. — М., 2002; Решина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. — М., 2004; Соколов А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. — Ярославль, 2007. Каждое из них имеет свои характерные особенности и отвечает поставленным в каждом конкретном случае целям. Серьезным академическим исследованием, выходящим за рамки учебного пособия, является курс лекций Б. Г. Могильницкого «История исторической

<sup>1</sup> Естественно, мы старались, насколько это возможно, избежать приведения «морально устаревших» оценок; однако идеологически окрашенные фразы публикаций советского времени бывают очень информативными.

мысли XX века», вып. 1—3 (Томск, 2002—2003, 2008). Существует также ряд учебников и монографических работ, посвященных отдельным национальным историческим школам.

Предлагаемое пособие, в отличие от перечисленных изданий, полностью посвящено возникшему в XX в. на Западе новаторскому исследовательскому течению — «новой исторической науке». При этом в нем рассматривается историография истории не какого-либо отдельного периода, а разных разделов всемирной истории; делается акцент на общих особенностях развития исторической науки в XX в. Материал сгруппирован по странам и отдельным историческим школам<sup>1</sup>, что позволяет выявить региональную специфику проводимых за рубежом исследований.

Цель предлагаемого пособия — представить по возможности целостную историографическую панораму. Мы постараемся создать картину как западной «новой исторической науки» в целом, так и отдельных национальных школ. Задача охвата всей проблематики не ставится, но ключевые исторические проблемы будут освещены; также по возможности будет показана связь историографических процессов с трансформацией культуры и общества.

Пособие состоит из пяти разделов. В помощь студенту в начале каждой главы приводятся основные термины, фамилии историков и названия работ. В конце каждой главы дается список историографических источников (в качестве которых выступают сочинения зарубежных историков) и рекомендуемой для более глубокого ознакомления с темой исследовательской (аналитической) литературы. Для облегчения поиска информации в списках литературы приводятся точные указания частей и параграфов книг.

В приложении читатель найдет контрольные вопросы и задания к курсу, а также примерные темы докладов, рефератов, курсовых работ. В конце пособия приводятся словарь терминов (выделенных в тексте полужирным курсивом) и список рекомендуемой литературы по всему курсу.

<sup>1</sup> Такой подход иногда называют «схоларным» (или «школярным»).



# РАЗДЕЛ I

## ВВЕДЕНИЕ В ЗАРУБЕЖНУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ

---

### ГЛАВА 1

#### Понятие историографии и ее значение для исторической науки

Историография • Марксистская историография • Позитивистская историография • Медиевистика • Историографические источники • Течение • направление • Школа.

Слово «историография» можно перевести как «история исторической науки», «история историописания». Выделяют несколько значений понятия *историография*:

1) совокупность работ по какому-либо вопросу или проблеме (историография Великой французской революции, историография Второй мировой войны);

2) историческая наука определенной страны и определенного времени (советская историография, английская историография);

3) работы, объединенные идейной общностью (основанная на теории марксизма — *марксистская историография*, следующая философии позитивизма — *позитивистская историография*);

4) история исторической науки в целом или отдельных ее разделов (историография всемирной истории, американистика, история Средних веков — *медиевистика*).

Историографическое исследование базируется на источниках, имеющих определенные особенности. Важнейшими *историографическими источниками* являются работы исследователей-историков — монографии или отдельные статьи. Источниками историографии являются также материалы научных дискуссий и рецензии, которые помогают определить общественную значимость трудов ученых.

К основным *объектам историографического изучения* относятся исторические течения, направления, школы, в рамках которых создаются концепции и теории — смена последних и составляет реальное движение исторической науки, исторической

мысли. Этому движению одновременно свойственны преемственность и постоянное обновление.

Под *течением* понимается наиболее широкая и аморфная группа историков, обычно объединенная самыми общими методологическими принципами. Течение, как правило, включает в себя самые разные направления и школы (во второй половине XIX в. позитивистская историография, в XX в. — «новая историческая наука»).

*Направление* — более конкретная группа ученых, тесно связанных не только общими методологическими принципами, но и их интерпретацией, а также общей проблематикой своих работ (например, внутри позитивизма — историко-экономическое, историко-культурное направления; внутри «новой исторической науки» — психоистория, клиометрия, «новая социальная история»).

*Школа* — еще более узкая группа ученых, ответвление течения или даже направления. Ученые одной школы используют общие методические приемы, могут быть последователями одного учителя или группироваться вокруг какого-либо университета, научного центра (например, школа Ранке, Оксфордская группа).

Таким образом, главными критериями выделения течений, направлений, школ являются методологические принципы и связанная с ними проблематика.

*Задача историографии* — рассмотрение движения различных направлений, течений и школ в их переплетении и взаимоотношениях. Конечно, выделение различных школ и направлений, как и каких-либо периодизаций в развитии исторической науки в значительной мере условно. Кроме того, есть «высокая мода», «подиум» исторической науки, где ведутся методологические дискуссии, разворачивается полемика, осуществляются «новые повороты» — и реальная практика конкретно-исторических исследований. В процессе написания последних подверженность влиянию моды и господствующим направлениям зачастую оказывается проблематичной.

Изучение истории исторической науки предполагает рассмотрение теоретико-методологических представлений, конкретной исследовательской практики, в каких-то случаях политических идей отдельных ученых или групп историков; основные тенденции историографического процесса в целом. Представляет интерес то, как на различных этапах развития исторической науки ставились и решались наиболее актуальные проблемы и вопросы. Смысл работы историографа — изучение опыта коллег, поиск наиболее типичного и выразительного.

Историческая дисциплина имеет кумулятивный характер: лучшие образцы, созданные той или иной историографической эпо-



хой, остаются в «копилке» исторического знания, их судьба не окончена, они продолжают волновать читателей. Можно привести примеры подобных работ, переживших свое время. И, напротив, на разных этапах развития исторической науки существовали работы, как говорят французы, «avant la lettre» — предлагающие новые подходы, опережающие свою эпоху.

## ГЛАВА 2

### Историческая наука в XIX в. Классический историзм

Классический историзм • Онтология • Гносеология • Европоцентризм • Сциентизм.

✓ Ш. В. Ланглуа, Ш. Сеньобос «Введение в изучение истории» (1898)

XIX столетие по праву считается «золотым веком» истории. Именно в этот период произошло становление научного исторического знания, прежде бывшего по преимуществу прерогативой исследователей-любителей. Это время, когда были написаны классические сочинения по истории, заложены основы профессионального исторического образования.

Можно выделить некоторые ключевые компоненты, наиболее широко принятые в рамках сообщества историков XIX в. представления, которые в совокупности принято обозначать как **классический историзм**.

В области **онтологии** господствовали представления о всемирном единстве исторического процесса и его прогрессивном движении, уверенность в «разумной поступи» истории. Идея прогресса — организующее начало новоевропейской исторической мысли. Гегелевская концепция мирового духа, проявляющегося последовательно в истории то одного, то другого народа — квинтэссенция линейно-прогрессистского видения истории, присущего XIX в. При этом характерной чертой западной исторической мысли являлся **европоцентризм** — точка зрения на всемирную историю, в которой ведущая роль в процессе исторического развития отводится европейской (шире — западной) цивилизации; наиболее ценными считаются европейские нормы и ценности.

Западная историческая наука XIX в. была **антропоцентричной** — в центре ее внимания находился человек. Однако понимание человека имело ряд отличительных черт. Поскольку история

воспринималась под знаком радио, то и человек прошлого рассматривался как мыслящий, сознающий свои цели и свободно действующий субъект, чья природа на протяжении времен остается неизменной. Французский историк XIX в. Ж. Мишле утверждал, что человек во все времена мыслил, чувствовал и любил одинаково. Видение человека отличалось односторонностью — как правило, внимание было обращено на выдающиеся личности, которые действовали в области политики, экономики или культуры. Преобладала политическая (государственная, военная, дипломатическая) история.

Картине мира соответствовала и *гносеология* — представления о возможностях познания прошлого. Рациональность истории предполагала ее умопостигаемость. Кредо классической науки XIX в. — требование писать историю «как это было на самом деле». Господствовала уверенность в возможности получения объективного знания, что нашло свое выражение в распространении жанра «всемирных историй» (примером может служить многотомная «Всемирная история» основателя немецкой исторической школы *Леопольда фон Ранке* (1795 — 1886), правда, доведенная автором лишь до XV в.). Это стало невозможно с усилением «гносеологической рефлексии» — размышлений историков о природе своего труда.

Вера в рациональную познаваемость прошлого дополнялась представлениями о возможности практического использования результатов познания. Ученые верили в то, что они могут формулировать универсальные, непреложные законы наподобие естественно-научных; господствовал *сциентизм* — наукообразность. Историки апеллировали к образцу естественных и точных наук, авторитету эксперимента. В исторической науке XIX в. своеобразие исторического метода, исторической мысли не осознавалось достаточно отчетливо. Одним из признаков этого было широкое использование в исторических сочинениях естественно-научной лексики. Преобладал повествовательный стиль изложения; собственный теоретический язык еще не был сформирован.

Господствовали представления об объективности фактов, в готовом виде содержащихся и затем извлекаемых из документов. Французские позитивисты *Шарль Виктор Ланглуа* (1863 — 1929) и *Шарль Сеньобос* (1854 — 1942) в своей ставшей знаменитой книге «Введение в изучение истории» (1898) утверждали, «что история пишется по источникам»; Ф. де Куланж писал: «...тексты, одни только тексты, ничего кроме текстов». Преобладающую роль в исследовании играла непосредственная обработка документов; проблема объяснения историками XIX в. зачастую игнорировалась. Например, лекции, которые читал Ш. В. Ланглуа перед студентами, представляли собой буквальный монтаж исторических текстов: ученый был уверен, что источники заменяют историка.



В качестве единственно допустимых исторических источников признавались архивные документы.

В XIX в. были написаны классические исторические труды, на которые ориентировались и продолжают ориентироваться ученые-историки последующих поколений. В их числе — сочинения Ф. Гизо «История цивилизации во Франции» (1829 — 1830) и Ж. Мишле «История Франции» (1833 — 1867); Т. Б. Маколея «История Англии от воцарения Якова II» (1842 — 1859) и Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (1857 — 1861); И. Г. Дройзена «История прусской политики» (1855 — 1886) и К. Лампрехта «История Германии» (1891 — 1909) и многие другие.

Произошло институциональное оформление исторической науки. Возникла историческая периодика. С 1859 г. в Германии начали издаваться «Исторический журнал», с 1876 г. во Франции — «Историческое обозрение», с 1886 г. в Великобритании — «Английский исторический журнал», с 1895 г. в США «Американский исторический журнал» и пр. Были заложены основы специального исторического образования в университетах. В Великобритании первый университетский систематический курс по истории начали читать в 1870-е гг., в США первая историческая кафедра была создана в 1881 г., в Германии уже в начале 1860-х гг. существовала специализация по различным отраслям исторических знаний. Именно в университетах Германии возникли семинары по истории, в которых важное внимание уделялось освоению работы с источниками<sup>1</sup>.

Во второй половине XIX в. этот опыт был воспринят университетами США, Англии, России. Многие университеты стали осуществлять публикацию документов, печатать собственные периодические издания наподобие «ученых записок».

Однако большую роль в изучении истории по-прежнему играли любители, а исторические сочинения по своему стилю были близки к литературе. Показательно, например, что немецкий историк *Теодор Моммзен* (1817 — 1903) в 1902 г. стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Итак, в XIX в. преобладала «классическая» модель историописания со свойственными ей представлениями и о прошлой действительности, и о научных основаниях постижения этой действительности. Это была эпоха «юности» исторической науки, когда были заложены ее основы и к истокам которой до сих пор обращаются исследователи.

<sup>1</sup> Неоценимое воздействие на все последующее развитие исторической дисциплины оказали семинары Л. Ф. Ранке, который обладал высокой эрудицией и строгим критическим анализом источников и специальной литературы (знаменитый «критический метод»), нормами и правилами научной полемики.

## ГЛАВА 3

### Кризис исторического сознания на рубеже XIX—XX вв.

Презентизм • Релятивизм • Кризис исторической науки • Парадигма.

✓ О. Шпенглер «Закат Европы» (1918—1922)

Историческая наука вступила в XX в., уверенная как в своем будущем, так и в будущем той цивилизации, к которой она принадлежала. Однако жизнь доказала недостаточность теоретических основ господствующего в XIX в. типа историзма. Реальность оказалась не соответствующей ожиданиям. Кризис, разразившийся вследствие катастроф первой трети XX в. (Первой мировой войны, Октябрьской революции в России, мирового экономического кризиса 1929 г.), принял всеохватный масштаб. Проявился он и в исторической науке. Новое мироощущение получило наиболее яркое выражение в вышедшей в 1918—1922 гг. в Германии книге *Освальда Шпенглера* (1880—1936) «Закат Европы». Немецкий философ выразил идею «бессмысленности» истории, рассматривая исторический процесс как поток единичных культур.

Начиная с 1920—1930-х гг. в западной исторической мысли получили распространение такие представления, как *презентизм* и *релятивизм*, в рамках которых утверждалось, что познание прошлого определяется настоящим, а писаная история есть иллюзия. Американский историк *Чарльз Бирд* (1874—1948) заявлял: «Всяк сам себе историк». Еще один американский ученый *Карл Беккер* (1873—1945) считал, что прошлое является продуктом настоящего. История стала рассматриваться как ветвь литературного творчества; дар историка сравнивался с даром оратора.

Кризис затронул не только научные основы исторической науки, но и собственно мировоззрение историков. Общественные катаклизмы разбили тот образ цивилизации, в создание которого большой вклад внесла историческая дисциплина. Потерпел изменение образ истории как науки, способной на понимание прошлого и на основании этого являющейся полезным руководством для общества в настоящем. Это был кризис социальной функции истории — осознание утраты профессиональным сообществом историков чувства своей полезности для общества.

*Кризис исторической науки* следует рассматривать как явление закономерное, как необходимый этап в ее развитии. Он знаменуется сменой *парадигмы* — лежащей в основе науки концептуальной схемы. Парадигма предполагает наличие определенных



методологических и теоретических представлений, а также понятийного аппарата и конкретных исследовательских методик. Кризис означает, что эти представления оказались недействующими, тогда как новая парадигма еще не сформирована. Он вызывает поступательное движение науки на концептуальном уровне; бурный поток, который несет множество новых теорий и концепций. Причем, поскольку история является общественной наукой, причинами ее кризиса выступает не только внутреннее развитие, но и социальные условия, которые во многом вписываются в него и влияют на его формы. Забегая вперед, следует отметить, что кризис — столь ярко проявившийся в начале XX в. — станет практически перманентным состоянием исторической науки в этом полном грандиозных потрясений столетии; и это будет стимулировать историков к поиску новых исследовательских подходов.

#### ИСТОЧНИКИ

*Ланглау Ш. В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. — М., 2004.

*Шпенглер О.* Закат Европы. — М., 1993.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Гутнова Е. В.* Введение // Гутнова Е. В. *Историография истории Средних веков.* — М., 1985.

*Дементьев И. П.* Введение // *Историография истории нового времени стран Европы и Америки.* — М., 1999.

*Могильницкий Б. Г.* Парадигма исторической науки XIX в. // *Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций.* — Вып. 1: Кризис историзма. — Томск, 2001.

*Могильницкий Б. Г.* Начало кризиса исторической науки // *Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций.* — Вып. 1: Кризис историзма. — Томск, 2001.

*Могильницкий Б. Г.* Начало общего кризиса исторической науки // *Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций.* — Вып. 1: Кризис историзма. — Томск, 2001.

*Мучник В. М.* Актуальность мифа. О тенденциях развития исторического сознания в канун III тыс. // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* — Вып. 21. — Томск, 1994.

*Мучник В. М., Николаева И. Ю.* От классики к постмодерну: о тенденциях развития современной западной исторической мысли // *К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / под ред. Б. Г. Могильницкого.* — Томск, 1994.

*Репина Л. П.* Позитивизм и научная история. Формирование исторических школ. Критический метод и принципы научного исследования // *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания.* — М., 2004.

## РАЗДЕЛ II

### «НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА» ВО ФРАНЦИИ

---

#### ГЛАВА 4

#### **Формирование школы «Анналов».** **М. Блок и Л. Февр**

Междисциплинарный подход • Новая историческая наука.

- ✓ Журнал «Анналы экономической и социальной истории»
- ✓ М. Блок «Короли-чудотворцы» (1924); «Феодальное общество» (1939—1946); «Апология истории, или ремесло историка» (1941—1942)
- ✓ Л. Февр «XVI век — Судьба: Мартин Лютер» (1928); «Проблема неверия в XVI веке; религия Рабле» (1942); «Вокруг "Гептамерона"»: любовь священная и любовь мирская» (1944)

#### **4.1. Возникновение школы «Анналов».** **Основные идеи нового направления**

Разразившийся на рубеже XIX—XX вв. кризис общественного сознания, и в частности исторического мышления, привел к поиску новых подходов к истории. Против релятивизма, за сохранение полезности исторической дисциплины выступил коллектив образованного в 1929 г. в городе Страсбурге (Франция) журнала «Анналы экономической и социальной истории» (*Annales d'histoire économique et sociale*). Впоследствии вокруг «Анналов» возникла целая научная школа или даже направление, в рамках которого были выработаны новые представления об историческом процессе, подвергся переосмыслению категориальный аппарат исторической науки.

Можно выделить основные идеи нового направления. В-первых, была поставлена задача актуализации исторического исследования. Подчеркивалась необходимость выявлять связь прошлого и настоящего. «Понять прошлое с помощью настоящего



и настоящее с помощью прошлого» — так видел задачу историка один из основателей «Анналов» М. Блок.

Во-вторых, была выдвинута цель гуманизации исторической науки. Человек объявлялся главным ее мерилем, оправданием самого ее существования: отмечалось, что вне человека история не существует и не может существовать. «История — наука о человеке в прошлом, а не о вещах или идеях», — заявил другой основатель школы «Анналов» Л. Февр. При этом подчеркивалось, что речь идет о человеке, живущем в конкретном обществе, а не об абстрактном, как бы находящемся вне времени и обстоятельств биопсихологическом субъекте.

В-третьих, был поставлен вопрос о специфике социальной реальности. Общество предполагалось рассматривать как целостную систему, в которой существует строгая подчиненность пространственных и социальных структур (с одной стороны, географии, демографии, экономики и т. д., с другой — совокупности представлений, идеологических норм, духовного).

М. Блок и Л. Февр утверждали, что все эти структуры могут быть поняты только в целостном единстве. По их мнению, не должно быть отдельных историй — социальной, экономической, демографической, биологической. В связи с этим была сформулирована задача создания «глобальной» науки об обществе, предполагающей интеграцию вокруг истории всех гуманитарных наук. И наконец, был сделан упор на изучении повседневности — окружающей человека природной среды, агрокультуры, хозяйственной деятельности, социальных отношений, обычаев и привычек мышления и пр.

#### 4.2. Творчество М. Блока. «Апология истории»

Один из создателей школы «Анналов» — *Марк Блок* (1886—1944). Он был университетским профессором, воспитавшим многие поколения историков, классиком науки, редактором журнала. М. Блок стал новатором в науке, выступавшим за открытие новых исследовательских перспектив.

Непосредственный участник истории, член французского Сопротивления, М. Блок погиб во время Второй мировой войны. Творческий расцвет ученого пришелся на 1919—1936 гг. Его работы в основном посвящены аграрной истории Франции и Западной Европы в целом. Перу М. Блока принадлежат монографии «Иль-де-Франс: страна вокруг Парижа», «Короли и сервы: глава из истории периода Капетингов», «Короли-чудотворцы», «Характерные черты французской аграрной истории», «Феодальное общество» и многочисленные статьи и рецензии.

Важным событием стало издание в 1924 г. монографии М. Блока «Короли-чудотворцы», в котором проанализированы коллективные верования и чувства. В центре внимания ученого находится народная вера в способности французских королей, начиная с династии Капетингов, исцелять золотушных больных прикосновением руки. Изучая представления о сверхъестественных способностях Капетингов (аналоги которым ученый обнаружил и в другом регионе — Англии), М. Блок стремился к открытию тайн монархической идеологии и восприятия власти. Целью его исследования стала не проверка действительности рассматриваемого феномена или изучение народных суеверий, но выявление ментальности средневекового человека, то, каким образом она стала одним из факторов возвышения династии в ходе объединения территории Франции в единое государство.

Своего рода научным завещанием М. Блока стала книга «Апология истории, или Ремесло историка» (1941 — 1942). Рукопись, оставшаяся незавершенной, посвящена «оправданию» исторической науки, определению ее социальной значимости и специфике профессиональной деятельности историка.

М. Блок отмечал, что историки не часто раздумывают над природой собственной деятельности, и предложил «заглянуть» в их «исследовательскую лабораторию». Одна из его главных идей — необходимость активности ученого, постановки проблемы и поиска научных объяснений. Мышлением фактографа назвал М. Блок простое накопление фактов и событий без проникновения в их механизм. Он процитировал позитивиста Ш. Сеньобоса, который считал, что задавать вопросы очень полезно, но отвечать на них очень опасно. М. Блок же полагал, что человеческое мышление должно быть проблематично, синтетично. «Бывают моменты, когда один синтетический труд, хотя бы казался и преждевременный, оказывается полезнее целого ряда аналитических исследований, то есть более важно хорошо сформулировать проблему, нежели пытаться ее разрешить», — утверждал французский ученый.

Эти и другие положения М. Блока нашли преломление в его конкретно-исторических исследованиях. Одна из наиболее значительных работ ученого — монография «Феодальное общество» (1939 — 1940). В центре внимания французского ученого — европейский феодализм как динамичная система. В монографии практически не встречается информация о конкретных исторических личностях, однако в результате вырисовывается не абстракция, а именно человеческое общество, во всех его сложных связях и отношениях; коллективная психология, массовые повторяемые явления. По мнению историка, характерные черты феодального общества — это социальные связи между человеческими группами и классами.



Одним из важных проявлений этих межличностных связей в исследовании М. Блока выступает ментальность — манера думать и чувствовать, которая раскрывается в человеческой деятельности. Он считал, что главное — духовная, психическая жизнь. М. Блок рассматривал экономику, географию, другие формы материальной жизни с точки зрения их влияния на восприятие людей. У него нет политической истории, крупных деятелей, неповторимого; на первый план у него вышли социальные структуры, социальные типы и коллективные умонастроения.

#### 4.3. «Бои за историю» Л. Февра

Творчество другого основателя школы «Анналов» *Люсьена Февра* (1878 — 1956) пришлось на первую половину XX в. Однако его работы сохранили свою актуальность и сегодня. Л. Февр был новатором в области исторической методологии и проблематики, его подход отличала широта взглядов и оригинальность постановки проблем.

С 1930-х гг. Л. Февр был профессором ведущего образовательного учреждения Франции — Коллеж де Франс, после Второй мировой войны стал признанным главой направления школы «Анналовы». В 1947 г. он возглавил вскоре ставшую знаменитой VI секцию Практической школы высших исследований<sup>1</sup>, занимал множество разнообразных постов и должностей.

Если М. Блок по преимуществу уделял внимание социальным структурам и массовым феноменам, то Л. Февр — историк духовной культуры элиты. Основные исторические сочинения Л. Февра — «XVI век — судьба: Мартин Лютер» (1928), «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле» (1942), «Вокруг “Гептамерона”»: любовь священная и любовь мирская» (1944) и др. — посвящены деятелям культуры эпохи Возрождения и Реформации. Однако основные задачи, которые поставил перед собой ученый, — обеспечение исторического познания новыми принципами, возвращение утраченного историей гуманитарного содержания, насыщение проблематикой, связанной с жизнью современного общества, диктуемой запросами сегодняшнего дня. Его перу принадлежит более 60 статей — исследовательских, полемических, критических; самые известные из них вошли в изданный на русском языке сборник «Бои за историю». Л. Февр вел эти «бои за историю» против «эрудитской» историографии, «укрывающейся» за фактами и выписками из текстов. Ученый писал о недопустимо-

<sup>1</sup> Позднее превратившаяся в самостоятельное учреждение — Высшую школу социальных исследований.

сти замыкания историка в «башне из слоновой кости», критиковал «мандаринов университетской науки», для которых тексты становятся не средством для решения научных проблем, а самоцелью.

В своих исторических монографиях Л. Февр выходил за рамки обычных биографических очерков или исследований духовной жизни. Он ставил и старался решить вопрос, каковы пределы мысли исторического деятеля, предоставленные ему эпохой или средой. По его мнению, интеллектуальная биография личности — это составная часть истории общества. Выдающийся деятель — дитя своего времени, выразитель определенной культуры, способ познания мира, сведения о которых можно прочесть в его текстах. Л. Февр полагал, что чем ярче человек и чем оригинальнее его мысли, тем больший резонанс они вызывают среди современников.

Л. Февр выступал против модернизации прошлого (по его выражению, «греха анахронизма») — представлений, что природа человека неизменна, и его отношение к миру во все времена одинаково. Французский ученый считал недопустимым проецировать на древность, Средневековье, Новое время современную манеру чувствовать и мыслить, ставить в один ряд Рамсеса II, Цезаря, Карла Великого, Филиппа II, Людовика XIV и человека XX столетия. Он говорил о необходимости составления ментального «словаря» исследуемых эпох: изучения образа мыслей, символов, моделей поведения и пр.

Л. Февр полагал, что вначале любой научной работы должен быть «пытливый дух»; главное в деятельности ученого — его исследовательская активность. Историк, считал он, не тот, кто знает, а тот, кто ищет. «Заставить заговорить вещи, чтобы они рассказали о своих владельцах то, что те не предполагали сообщать — не в этой ли попытке самая захватывающая и важная сторона исторического ремесла?» — размышлял французский историк.

В своих исследованиях Л. Февр широко применял методы других наук, используя *междисциплинарный подход*. Например, в книге о Ф. Рабле — это религиоведение, филология, лингвистика, психология. Причем такой подход, по его мнению, должен быть не целью, но средством построения науки о человеке — о человеке в группе, общественном человеке. Французский ученый утверждал, что историк должен стремиться к стереоскопичности, глобальности (тотальности), сочетанию многих точек зрения, созданию объемной картины прошлого, к тому, чтобы «увидеть за деревьями лес».

В книге «Проблема неверия в XVI в. ...» присутствует понятие «духовного оснащения» — ментальности. В интерпретации Л. Февра оно означает общественное сознание, неотделимое от



эмоций. Первоначально этот термин стали использовать антропологи в отношении первобытных народов. Его использовал, например, французский ученый К. Леви-Брюль в своей книге «Примитивная ментальность» (другой перевод «Первобытное мышление», 1922). Контраст первобытного и современного общества более ярок; историки же долгое время не принимали в расчет специфику мировосприятия человека прошлых эпох.

Основатели школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр впервые отнесли понятие ментальности к развитому обществу. Сегодня изучение истории ментальности является чрезвычайно популярным, ей посвящена обширная литература.

\*\*\*

С возникновением в 1929 г. во Франции журнала «Анналы» в западных странах началось движение за преобразование исторической науки, расширение ее проблематики и исследовательских методов. Надолго журнал стал центром сплочения новаторских научных кругов Франции, а затем и других стран. Стали даже говорить о формировании целого течения — *новой исторической науки*. Можно выделить некоторые общие особенности этого течения.

Во-первых, предлагается рассматривать историю как проблему. Подчеркивается, что значимость исследовательской деятельности историка заключается в ценности вопросов, которыми он задается. Знание фактов, эрудиция не должны существовать ради себя самих, необходимо перемещение акцента от отдельных тем и вопросов к выводам общего значения.

Во-вторых, предполагается изучение истории в широкой временной протяженности; научный интерес смешивается от отдельных изолированных событий к длительным процессам и явлениям, к целостным структурам.

В-третьих, важное значение приобрел междисциплинарный подход, т. е. привлечение историками в исследовании прошлого методов других дисциплин, гуманитарных и не только — фольклористики, антропологии, археологии, географии и пр.

#### ИСТОЧНИКИ

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. — М., 1988.

Блок М. Загробная жизнь царя Соломона // Одиссей. Человек в истории. — М., 2002.

Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. — М., 2001.

Блок М. Короли-чудотворцы. — М., 1998.

Блок М. Феодалное общество. — М., 2003.

Блок М. Феодальное общество // Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. — М., 1988.

Февр Л. Бои за историю. — М., 1991.

#### ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Ю. Н. М. Блок и Л. Февр: понимание истории как науки и как процесса исторического развития общества // Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. — М., 1980.

Гуревич А. Я. «Добротное ремесло» (первая биография Марка Блока) // Одиссей. Человек в истории. — М., 1991.

Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. — М., 1988.

Гуревич А. Я. Ментальность и цивилизация: Люсьен Февр // Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.

Гуревич А. Я. Новый взгляд на социальную историю: Марк Блок // Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.

Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. — М., 1991.

Далин В. М. Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов») // Далин В. М. Историки Франции XIX—XX вв. — М., 1981.

Дэвис Н.-З. «Анналы», Марк Блок и Люсьен Февр во время немецкой оккупации // Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М., 1993.

Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы. — М., 1998.

Ле Гофф Ж. Существовала ли французская историческая школа «Анналов»? // Французский ежегодник. 1968. — М., 1970.

Могильницкий Б. Г. Историческая концепция школы «Анналов» // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в.: курс лекций. — Вып. 2: Становление «новой исторической науки». — Томск, 2003.

Могильницкий Б. Г. Марк Блок: символ «Анналов» // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в.: курс лекций. — Вып. 2. Становление «новой исторической науки». — Томск, 2003.

Могильницкий Б. Г. «Анналы» после II Мировой войны. Люсьен Февр // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. — Вып. 2. Становление «новой исторической науки». — Томск, 2003.

Могильницкий Б. Г. Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов» // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. — Томск, 2002.

Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. — 1998. — № 5.

Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. «Бои за историю». История как проблема // Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. — М., 2004.



Соколова М. Н. Глобальная история // Соколова М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. — М., 1979.

## ГЛАВА 5

### Второе поколение «Анналов». Фернан Бродель

Время длительной протяженности («long durée») • Глобальная история • Мир-экономика и мировая экономика • Структура и конъюнктура • Рыночная экономика и капитализм.

- ✓ Журнал «Анналы. Экономики, общества, цивилизации»
- ✓ Ф. Бродель «Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949); «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв.» (1967); «Что такое Франция?» (1985); «История и социальные науки: время большой длительности» (1958)

#### 5.1. Особенности второго поколения школы «Анналов»

В 1950—1960-е гг. в историографии Франции началось «триумфальное шествие» школы «Анналов». Она получила финансовую поддержку от правительства, частных фондов (Рокфеллера, Форда). Произошла ее институционализация. Как уже отмечалось, в 1947 г. при Практической школе высших исследований в Париже была создана VI секция (экономических и социальных наук), в которой велась одновременно научно-исследовательская, учебная и издательская деятельность. Сорок два исследовательских центра этой секции располагались не только в Париже, но и во всей Франции и даже за ее пределами. «Анналы» играли в VI секции руководящую роль. Во главе нее — как и во главе журнала — стоял Л. Февр.

В 1956 г. после смерти Л. Февра и секцию, и журнал возглавил Ф. Бродель. По инициативе и под руководством последнего в 1962 г. был создан Дом наук о человеке (Maison des sciences de l'homme), представляющий собой комплексный научный и информационный центр, включивший в себя несколько исследовательских институтов.

«Анналисты» превратились в одно из господствующих во французском обществоведении направлений, «законодателей мод». Значительная доля диссертаций и дипломов по истории

стала защищаться в учреждениях «Анналов». Шестая секция стимулировала развитие тех областей гуманитарного знания, которые не получили широкого развития в Сорбонне: этнологии, социологии, антропологии, психологии, лингвистики; но главное место в ней отводилось истории. Предполагалось, что именно она должна стать интегрированной наукой, основой наук о человеке.

Журнал получил новое название — «Анналы. Экономики, общества, цивилизации»<sup>1</sup>, в котором содержалась идея сплочения гуманитарных наук. На обложке появилась фигура героя греческой мифологии, покровителя путешественников, послов, бродяг и воров Гермеса в крылатых сандалиях и с посохом, который должен был символизировать готовность к движению, изменению, переходу. «Новый мир — почему не новая история?» — заявил в 1956 г. в своем выступлении по поводу принятия одной из должностей Ф. Бродель.

Несомненны заслуги «второго поколения» школы «Анналов» в выработке нового научного метода познания истории, научной парадигмы, отличной от других. Основой новой парадигмы стала концепция глобальной истории.

## 5.2. Творческий путь Ф. Броделя

Деятельность второго поколения школы «Анналов» тесно связана с именем *Фернана Броделя* (1902 — 1985). Этот ученый, имевший международный авторитет, почетный член многих университетов, стал после М. Блока и Л. Февра общепризнанным лидером направления. Бродель продолжил начатые основателями школы «Анналов» «бои за науку», целью которой должно быть не простое описание событий, повествование, а проникновение в «глубины» исторического движения, стремление к охвату и выявлению всех сторон жизни общества в их синтезе.

Проведя детство в сельской местности с присущим ей медленным ритмом жизни, Ф. Бродель на всю жизнь сохранил исследовательский интерес к «рутине» материального существования; а его работа после окончания учебы в Алжире способствовала формированию интереса к Средиземноморскому региону. Первоначальная тема диссертации Ф. Броделя «Филипп II: Испания

<sup>1</sup> Первоначально журнал назывался «Анналы экономической и социальной истории», затем — «Анналы социальной истории», с 1946 по 1995 г. — «Анналы. Экономика, общества, цивилизации»; в настоящее время он носит уже четвертое название — «Анналы. История, социальные науки». Изменение подзаголовка каждый раз было связано с трансформацией видения истории и изменением научных акцентов.



и Средиземноморье» (1923) была посвящена политической истории. Для ее написания ученому пришлось собирать материал во многих европейских архивах (Парижа, Мадрида, Венеции, ряда немецких городов).

В Париже Ф. Бродель встретился с М. Блоком и Л. Февром и стал сотрудничать с «Анналами». К 1939 г. подготовка диссертации была закончена. Но тут началась война, он ушел на фронт и попал в плен. 1940—1945 годы. Ф. Бродель провел в концлагерях, где, однако, не прекращалась его интеллектуальная жизнь, продолжалось формирование и переосмысление видения истории. Имея феноменальную память, он много работал, даже находясь вдали от библиотек и своего кабинета. В плену был написан первый вариант огромной (более тысячи страниц) книги.

Со времени начала обдумывания книги о Средиземноморье до выхода ее в свет прошло около двадцати лет. За это время принципиально изменилось название книги; в итоге и по форме, и по содержанию она вписалась в русло школы «Анналов». В 1947 г. состоялась защита диссертации, в 1949 г. монография была опубликована.

С середины 1950-х гг. Ф. Бродель стал олицетворять собой второе поколение анналистов. С 1949 г. он стал заведовать кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс, являлся председателем жюри по защите диссертаций по истории, с 1956 по 1973 г. был президентом VI секции. «Анналы» в этот период стали «рупором» броделевского видения истории; ученый получил возможность широкого распространения своих идей, определения направления поиска молодых исследователей. В 1960-е гг., когда Ф. Бродель стал главным администратором Дома наук о человеке, заговорили о феномене «Анналов», их доктрине как концепции истории, отличной от других.

Ф. Бродель написал огромное количество работ. Среди них можно выделить две фундаментальные книги — «Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949) и «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв.» (1967)<sup>1</sup>. Именно они являются практическим выражением броделевских идей глобальной истории.

Книга о Средиземноморье была задумана Ф. Броделем в 1923 г. как история политики Филиппа II — испанского короля XVI в., при котором это государство достигло пика своего могущества. Однако в процессе работы ученый отошел от политической трактовки и обратился к целостному изображению региона и протекавших в нем процессов.

<sup>1</sup> В 1967 г. был издан первый том, в полном и окончательном варианте книга увидела свет в 1979 г.

Большое значение Ф. Бродель придавал природе, он считал ее необходимой составной частью человеческой истории. Отдельные главы посвящены климату и рельефу — горам, равнинам, плоскогорьям, морям и пр.; дается как их физическая характеристика, так и характеристика в связи с человеческой жизнью (развитие коммуникаций, городов и поселений и пр.).

Еще один пласт исследования — экономика, в рассмотрении которой акцент сделан не на производстве, а на особенностях товарообращения, торговле, торговых путях. Ф. Бродель обратился к цивилизациям Турции и Испании; показал борьбу двух традиционных международных торговых путей, средиземноморского и атлантического, завершившуюся упадком Средиземноморья и перемещением торговых центров в Атлантику.

Только в последней главе шла речь о политической истории, которая Ф. Броделю казалась «скучной». Событиям было отведено подчиненное место; главной точкой «прицела» стала «конфронтация» пространства и времени, географии и истории. Реальность рассматривалась ученым в разных преломлениях, на трех уровнях — быстротечные события политики, более долговременные социально-экономические процессы и, наконец, глубинное, почти вневременное природно-географическое состояние.

В своей второй и главной книге — «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» — Ф. Бродель представил глобальную историю уже не отдельного региона и даже не Европы в целом, а всего мира в XV—XVIII вв. Ученый рассмотрел повседневную жизнь и экономическую историю (в первую очередь торговую сферу) с точки зрения становления капитализма, перехода к новой экономической системе во всемирно-историческом масштабе.

Книга состоит более чем из полутора тысяч страниц. Ф. Бродель постарался преодолеть механическое сцепление истории разных стран, создать органическое соединение, целостную картину. Преимущество было отдано западноевропейскому региону, но ученый обратился и к истории России, Азии и Африки, эффективно используя сравнительный метод.

Первый том книги называется «Структуры повседневности». Он начинается с демографического очерка, в котором описаны плотность населения, эпидемии, войны и т. д. Далее идет глава о «хлебе засушном» — основных зерновых культурах (пшенице, рисе, маисе). Третья глава посвящена всевозможным видам пищи; четвертая описывает жилище (полы, стены, двери, окна), одежду и пр. В книге можно найти историю засух и разведения животных, развития путей сообщения и использования топлива; сведения о технических материалах и изобретениях, денежном обращении, городах. Вырисовывается «рутина» повседневной жизни.



ни. Неслучайно первый том имеет подзаголовок «Возможное и невозможное». Ф. Бродель задался вопросом, какие возможности предоставляла для человека повседневность. Он пришел к выводу, что в этой сфере столетиями практически ничего не менялось. Ученый отметил плохое качество пищи, непроизводительный характер труда, слабую степень овладения природой.

Во втором томе — «Игры обмена» — описывается экономическая жизнь и ее законы. Центральная проблема в нем — становление капитализма. Французский ученый предложил собственное понимание того, что такое капитализм. Как уже отмечалось, он считал главным не процессы в сфере производства, а сферу обращения — ярмарки, рынки и пр. При этом рыночная экономика, по его мнению, не тождественна капиталистической, хотя и является ее необходимой предпосылкой. Рыночная экономика — это лавочки и местные ярмарки, тогда как собственно капитализм представлен банками и торговлей на большой территории. Ф. Бродель выделил период до промышленной революции, когда производство оставалось докапиталистическим (капитализм «в гостях») и время повсеместного утверждения капиталистических экономических отношений (капитализм «у себя дома»). Однако ученый подчеркивал, что даже со времени своего утверждения капиталистические отношения не заполнили все общество до конца, остаются сегменты экономической жизни вне капитализма.

Третий том называется «Время мира». Если в двух первых томах исследована экономическая история (повседневная жизнь, рыночная экономика и капитализм), то в третьем томе эти реальности выстроены в хронологический ряд. Здесь представлен исторический синтез, история мировой экономики в течении XV—XVIII вв. Ф. Бродель показал, что единая общность человечества стала складываться только с XV в., а до этого отдельные страны были похожи на планеты, движущиеся по своим орбитам. По мнению ученого, в течение веков чередовалось господство автономных регионов — Дальневосточного, Урало-Азиатского, Евроатлантического, на основе которых в рассматриваемый им период сформировалась мировая экономика.

Это исследование отличают необычность и оригинальность. Всю работу Ф. Бродель представил в виде своего рода многоэтажного сооружения, сложной конструкции, «вписанной» в естественный и разноплановый рельеф местности. Один пласт — конкретно-исторический срез, описание материальной культуры, начиная с эпохи Возрождения и до промышленной революции. Второй — общий взгляд на мировую экономическую историю с XV по XVIII вв., т. е. в один из переломных периодов истории, когда происходило разрушение феодального и становление капиталисти-

ческого общества. И наконец, «венец» всей книги — изображение общества в масштабе ойкумены. Французский ученый предпринял попытку преодоления фрагментарности и плоскостного взгляда на историю, создания объемного изображения.

### 5.3. Теория разных скоростей времени

Ф. Бродель много сделал в области изучения природы исторического и социального времени. В 1958 г. в свет вышла его основополагающая методологическая статья «История и социальные науки: время большой длительности», в которой он отмечал, что историки трудно и с большим опозданием осознавали природу основной для исторической науки категории — категории времени. Французский ученый полагал, что античные историки вообще не обращали внимания на время (так, Фукидид, по его наблюдению, ограничился всего лишь противопоставлением зимы и лета). Позднее, в связи с олимпийскими играми, в Древней Греции была введена упорядоченная хронология. Большой вклад внесло христианство, с которым было связано утверждение единого летоисчисления. Ф. Бродель подчеркивал, что хронология имеет дело с астрономическим временем, которое не соответствует полностью времени собственно историческому, социальному; он поставил вопрос о специфике социального времени и его разных скоростях.

Ф. Бродель выделил два главных типа социального времени — короткое и долгое. Короткое время дает моментальный исторический срез. Французский ученый считал, что историк должен заниматься не отдельными фактами, традиционной событийной историей, но глубинными процессами. Подлинная вотчина историка — *время длительной протяженности* (фр. *long durée*), где открываются широкие возможности для глобальности. Ученый метафорически сравнил историю с морем: как волны бегут по бескрайней поверхности моря, так и исторические события сменяют друг друга; но главный интерес историка должен быть обращен сквозь поверхность вглубь, туда, где течение времени становится незаметным, история почти не движется на протяжении десятилетий и даже столетий. Именно здесь происходят самые важные процессы, тектонические сдвиги, которые имеют большое значение для исторического развития.

В третьем томе «Материальной цивилизации» Ф. Бродель продемонстрировал, как эти идеи можно воплотить в конкретно-историческом исследовании. Он выделил три временных протяженности, каждая из которых соответствует определенному уровню исторической реальности. На первом уровне низших глубинах



действительности господствуют постоянные, стабильные структуры; протекающее здесь время медленно, почти неподвижно. Взаимоотношения общества и природы, привычки мыслить и действовать изменяются в течение столетий и даже тысячелетий. Второй уровень реальности составляют экономика и социальная действительность, которые развиваются более динамично, их изменения измеряются десятилетиями. И наконец, третий уровень составляет поверхностный слой, в котором события чередуются короткими хронологическими единицами — так протекает политическая, дипломатическая и событийная история. Таким образом, каждый уровень действительности существует в своем временном ритме; социальное время оказывается множественным.

#### 5.4. Концепция глобальной истории

Главным в деятельности Ф. Броделя является создание историко-социологической концепции *глобальной истории* — исследования прошлого, стремящиеся всесторонне охватить человеческую деятельность, а также взаимоотношения человека и природы. Глобальная история выступает у Ф. Броделя как своего рода модель действительности. Реальность изображена им «эшелонированной» в глубину, структурированной. В истории выделяется несколько уровней, ступеней, ярусов — с целью представить объемное изображение прошлого. «Три пласта истории» — это окружающая человека среда, социально-экономические структуры и институты и, наконец, события.

В книге «Материальная цивилизация, экономика, капитализм» Ф. Бродель стремился уйти от европоцентризма, продемонстрировать единство всемирной истории в пространстве и времени. Однако, как он показал в других своих работах, глобальной может быть история не обязательно всего мира; может быть взят отдельный регион или даже общество, но — всеохватно. В том числе изучение человека должно осуществляться целостно, нерасчлененно на отдельные составляющие его бытия; и человек, и общество в целом должны рассматриваться во всех своих проявлениях. Причем, по мнению Ф. Броделя, внимание должно уделяться и тем реальностям, которые с трудом поддаются измерениям — ментальности, демографическим и технологическим факторам.

Глобальный подход в понимании Ф. Броделя требует междисциплинарности, объединения усилий всех наук о человеке. По его мнению, любая область научных знаний, где речь идет о человеке, должна быть интегрирована в историю, которая возьмет у них материалы, обобщения, концепции и даст им свою особую интерпретацию. В этой связи большое значение отводится и меж-

дисциплинарным исследованиям коллективов — групп квалифицированных специалистов. Глобальная история по замыслу ее изобретателя должна писаться постепенно, как бы снизу, через отдельные частные исследования к последовательному укрупнению работ, как путем расширения охвата документов, применения различных подходов, так и через интеграцию все новых исследований. Таким образом, глобальная история выступает одновременно и как цель исследования и как его средство, метод, подход.

Изучая историю, Ф. Бродель использовал целый ряд специальных категорий. Наиболее часто и широко он применял дополняющие друг друга пары терминов: мир-экономика и мировая экономика; структура и конъюнктура; рыночная экономика и капитализм.

Особые социальные организмы или, по Ф. Броделю, миры-экономики — это особого рода пространственно-временные единства. *Мир-экономику* составляют почва и пространство со своими пределами (место, где поселяются и живут народы); а также характеристики, определяющие ее социальную и политическую целостность. В ходе истории различные мир-экономики соперничают и сменяют друг друга. Их примерами являются Европа со Средиземноморьем, позднее — Атлантикой; Китай, Япония, Индия, исламские страны, Османская империя, Россия до Петра I, Советский Союз и др. В центре мир-экономики находится город — место сосредоточения ее деловой активности. Города — экономические столицы — тоже борются за право господства (Рим и Александрия в древности; Венеция и Генуя в эпоху Средневековья; Амстердам и Лондон в XVIII в.; с 1929 г. — Нью-Йорк). Ученый выделял зону вокруг столицы (называя ее промежуточной) и зависимую от центра периферию.

В отличие от мира-экономики *мировая экономика* простирается на весь земной шар и представляет собой рынок всего мира. По мнению Ф. Броделя, она сформировалась только в Новое время. Ее созданию способствовало раздвижение границ отдельных миров-экономики, в том числе Великие географические открытия, деятельность Петра I в XVIII в., «открытие» СССР и Китая в XX в. и пр.

Другая пара терминов, которые часто употреблял Ф. Бродель, — «структура — конъюнктура». *Структура*, по мнению ученого, — некое устойчивое явление, обусловленное безличными силами (географическими, климатическими) и не меняющееся столетиями, если не тысячелетиями. Под структурой может подразумеваться духовный склад или глубоко укоренившиеся обычаи, привычки образа жизни, мышления, этические предрассудки; самые глубинные явления в экономике, обладающие сопротивляемостью к изменениям — инертные, медленно эволюционирующие в дли-



тельной временной протяженности. Медленно совершаются структурные преобразования во взаимоотношениях человека и природы, медленно подготавливаются условия для создания общечеловеческой общности.

В отличие от структуры, *конъюнктура* — это определенный, достаточно краткий период исторической эволюции с характерными сочетаниями разных тенденций. Существует множество конъюнктур, затрагивающих экономику, культуру, политику и пр. К конъюнктуре относятся изменения в демографической сфере, в технологии производства, социальные кризисы и пр.

И наконец, следующая пара понятий — «рыночная экономика — капитализм». Как уже отмечалось, по мнению французского историка, *рыночная экономика* представляет собой повседневный рыночный обмен, местную торговлю или обмен на небольшой территории — с регулярным, рутинным, предсказуемым характером. Такой экономике присущи лавки, ярмарки, торговцы вразнос, кредитные операции. В ней много участников, между которыми идет конкурентная борьба.

В отличие от рыночной экономики в условиях *капитализма* торговля ведется на дальние расстояния, имеется возможность свободного маневрирования, устанавливаются сложные связи, происходит получение высоких прибылей при относительно небольшом числе партнеров-участников.

Ф. Бродель продолжил традиции междисциплинарного подхода к истории, заложенные основателями школы «Анналов» М. Блоком и Л. Февром. Особенностью его трудов (как и, наверное, первых двух поколений «Анналов» в целом) стало то, что в них получил развитие диалог истории и географии, истории и экономической науки. Методологический подход ученого отличается уважением к марксизму, переключением с идеями структурализма, именно с его именем связывают становление структурной истории. Ф. Бродель сделал шаг от антропоцентризма, являвшегося одним из важнейших ориентиров основателей школы, от интереса к субъективному в истории, от исторического события, отдельного периода или страны — к широкой панораме «бессобытийной» истории. Объектом исследований стали динамические структуры, в первую очередь экономические.

В своих работах Ф. Бродель впервые поднял многие темы материальной жизни, привел большое количество ранее неизвестного фактического материала. Им была учтена практически вся существовавшая на тот момент исследовательская литература по изучаемой им проблематике, в монографиях приводятся огромное количество сносок, карт, схем, графиков; крупные линии развития сочетаются с самыми мелкими подробностями. Неслучайно широкую известность получила оценка его трудов российским

историком В. М. Далиным, который писал: «Бродель — сторонник широких обобщений, но как исследователь, как историк он, к счастью, искатель жемчуга, охотник за конкретным».

В целом выдвинутая Ф. Броделем концепция глобальной истории вызвала большие дискуссии и даже острую критику. Ученого обвиняли в том, что его исследование «задыхается под толщиной эмпирических наблюдений, в которых тонут теоретические конструкции». Однако эта концепция повлияла на сам характер мышления значительной части историков, задав общую направленность научного поиска; способствовала расширению предмета исторической науки<sup>1</sup>. Ф. Бродель стал одним из самых знаменитых историков XX в., сопоставимым по своему значению для исторической науки с Л. Ранке, Т. Моммзенем, Л. Февром.

1970-е годы ознаменовались изменением ориентации исторической науки во Франции. В «Анналах» был избран новый, коллективный директорат — Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри, М. Ферро. Ф. Бродель по-прежнему номинально остался у руководства, но по духу «Анналы» стали для него чужими. В 1970—1980-е гг. он работал над завершением и публикацией своей главной книги «Материальная цивилизация, экономика, капитализм», написал еще один фундаментальный труд «Что такое Франция?» (1985), который, правда, остался незавершенным.

#### ИСТОЧНИКИ

*Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. — М.; Екатеринбург, 2009.

*Бродель Ф.* Динамика капитализма. — М., 1993.

*Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. — М., 1977.

*Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV—XVIII вв. — Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное; Т. 2. Игры обмена; Т. 3. Время мира. — М., 2006.

*Бродель Ф.* Свидетельство историка // Французский ежегодник. 1982. — М., 1984.

*Бродель Ф.* Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. — Ч. 1. Роль среды. — М., 2002; Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. — М., 2003; Ч. 3. События. Политика. Люди. — М., 2004.

*Бродель Ф.* Что такое Франция? — Кн. 1. Пространство и история. — М., 1994; Кн. 2. Люди и вещи. — Ч. 1. Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. — М., 1995; Ч. 2. «Крестьянская экономика» до начала XX века. — М., 1997.

<sup>1</sup> Историко-социологическая по своему характеру концепция Ф. Броделя оказала сильное влияние не только на историков, но и на социологов, экономистов и пр. В США с 1976 г. существует Центр Броделя по изучению экономики, исторической системы и цивилизации (Биргемтонский университет, штат Нью-Йорк).



## ЛИТЕРАТУРА

*Афанасьев Ю. Н.* Ведущее направление французской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография / отв. ред. В. Л. Мальков. — М., 1989.

*Афанасьев Ю. Н.* Вчера и сегодня французской «новой исторической науки» // Вопросы истории. — 1984. — № 8.

*Афанасьев Ю. Н.* Историко-социологическая концепция Броделя // Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. — М., 1980.

*Афанасьев Ю. Н.* Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм, XV—XVIII вв. — Т. 1. — М., 1986.

*Вжозек В.* Человек в социальной системе Броделя // Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М., 1993.

*Грабски А. Ф.* Фернан Бродель: вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. — 1990. — № 5.

*Гуревич А. Я.* «Геоистория» и экономический материализм: Фернан Бродель // Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.

*Далин В. М.* Французские историки XX в. (Судьбы школы «Анналов») // Далин В. М. Историки Франции XIX—XX вв. — М., 1981.

*Изергин А. М.* «Глобальная история» Фернана Броделя: вопросы методологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1995.

*Изергин А. М.* Парадигма «Анналов» 40—60-х гг.: проблемы эпистемологии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 22. — Томск, 1996.

*Могильницкий Б. Г.* Второе поколение «Анналов». «Глобальная история» Фернана Броделя // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. — Вып. 2: Становление «новой исторической науки». — Томск, 2003.

*Могильницкий Б. Г.* Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов» // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. — Томск, 2002.

*Могильницкий Б. Г.* «Тотальная история» Фернана Броделя как опыт слияния макро- и микроподходов в историческом исследовании // Социальная история. Ежегодник. 2001—2002. — М., 2004.

*Петров А. В.* Экономическая социология и социальная история Ф. Броделя. — СПб., 2004.

*Ревель Ж.* История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. — 1998. — № 5.

*Репина Л. П.* и др. «Новая историческая наука» // Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. — М., 2004.

*Смирнов В. П.* Французская историография во II половине XX века. «Новое историческое мышление». Направление «Анналов». Фернан Бро-

дель // Историческая наука в XX в. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. — М., 2002.

Соколова М. Н. Глобальная история // Соколова М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. — М., 1979.

Уваров П. Ю. Социально-структурная история (1950 — начало 1970-х годов) // Уваров П. Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. — М., 2004.

Февр Л. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II // Февр Л. Бои за историю. — М., 1991.

Эмар М. Один Бродель или несколько? // Историческая наука на рубеже веков / под ред. А. А. Фурсенко. — М., 2001.

## ГЛАВА 6

### «Анналы» в 1970—1980-е гг. «Раздробленная» история

Структурализм • Семиотика • «Сериальная» история.

- ✓ П. Шоню «Севиля и Атлантика, 1504—1650 гг.» (1955); «Европейская цивилизация классической эпохи» (1970); «Цивилизация Европы эпохи Просвещения» (1971); «История — наука социальная. Время, пространство и человек в эпоху Нового времени» (1974)
- ✓ Э. Ле Руа Ладюри «Территория историка» (1973—1976); «Крестьяне Лангедока» (1966); «История климата с 1000 года» (1967); «Монтайю, окситанская деревня (1294—1324)» (1975)
- ✓ «Изучать историю» (под ред. П. Нора и Ж. Ле Гоффа) (1974)
- ✓ Энциклопедия «Новая историческая наука» (1977)

#### 6.1. Третье поколение школы «Анналов»: теория, предмет исследования, метод

На 1960—1970-е гг. в западном гуманитарном знании пришелся пик сциентизма; получили распространение *структурализм*, клиометрия, психоанализ. Во Франции вышли новаторские работы М. Фуко по истории тюрем, сексуальности и безумия, в исторической науке США произошла «квантитативная революция», получила развитие психоистория в духе Э. Фромма и Э. Эриксона.

Во Франции важным рубежом стали события знаменитого «красного мая» 1968 г., захватившего Париж студенческого дви-



жения, сопровождавшегося забастовками и даже строительством уличных баррикад. Протест был направлен против устаревшей системы высшего образования, шире — против патриархального общества, против трех «р»: «patron, pater, professor» (хозяин, отец, профессор). Результатом стала реформа образования во Франции, демократизация и модернизация жизни страны в целом.

Происходившие во французском обществе изменения затронули и «Анналы». На экстренном собрании «друзей и сочувствующих» (май—июнь 1968 г.) Ф. Броделя отстранили от руководства; вместо него был выбран коллективный директорат, в который вошли М. Ферро, Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри (так называемый «триумvirат»). Э. Ле Руа Ладюри также заменил Ф. Броделя на посту заведующего кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс.

В «Анналах» в 1970-е гг. возникло так называемое «третье поколение». Его представители отказались от глобальности и выбрали путь тщательного исследования отдельных моментов истории, парцелляции и углубления специализации. Еще Л. Февр писал, что история — это наука о человеке, а не о вещах или понятиях.

Ф. Бродель сделал шаг от человека к структурам, но теперь возобладали новые подходы, новая проблематика и тематика. Произошла поляризация тем, подчас до крайности. Одни историки стремились в своих исследованиях уйти подальше от людей, изменяющегося, непредвиденного; другие, напротив, обращались к злободневным, событиям.

Названия тематических выпусков журнала отражают некоторые из поднимаемых на его страницах проблем: биологическая история и общество, история и урбанизация, семья и общество, история и окружающая среда, история и другие науки, антропология, ментальность и общество и пр.

В 1970-е гг. продолжился институциональный рост «Анналов». Выделялась масса субсидий со стороны правительства. В 1975 г. VI секция Практической школы высших исследований была преобразована в самостоятельный исследовательский и учебный центр — Высшую школу социальных исследований, которая наравне с Сорбонной получила право присваивать научные звания и степени.

Начался новый пересмотр арсенала средств познания, предмета, принципов, методов историописания. Объектом критики теперь стали уже не работы Ш. Сеньобоса и других позитивистов, а самих представителей «Анналов» — М. Блока и Ф. Броделя. Ф. Фюре заявил о революции историографического знания. В 1970-е гг. вышел в свет ряд работ теоретического характера, в

том числе «Территория историка» Э. Ле Руа Ладюри; трехтомный сборник «Изучать историю» под редакцией П. Нора и Ж. Ле Гоффа (1974), коллективная энциклопедия «Новая историческая наука» (1977). В них были намечены шаги по дальнейшей перестройке исторического знания.

Можно выделить некоторые общие моменты. Во-первых, отрицалось существование единой теории познания и единой философии истории. Однако не принимались и позитивистские подходы, подчеркивалась необходимость концептуализации. Отмечалось, что историк должен не только изображать взаимосвязь событий и фактов, но также показывать эволюцию социальных, экономических, психологических структур, процессов, отношений; история должна выступать как проблема, а не просто как исторический рассказ.

Во-вторых, обсуждению подверглись вопросы метода. «Третье поколение» «Анналов» отличала приверженность «изменчивым величинам» — открытость к самым различным теоретическим подходам, готовность использовать практически любые концепции. Однако при этом от историка требовалось в своем труде дать определение, что он ищет, какие материалы имеют отношение к данному вопросу; четко оформить свои гипотезы, доказательства, результаты, сомнения.

И наконец, в-третьих, был пересмотрен вопрос о предмете исторической науки. Еще в 1930 — 1960-е гг. «Анналы» интересовались довольно широким спектром вопросов, ранее историками не затрагивавшихся: географией, городским строительством, историей людей во взаимоотношении с природой, техникой, медициной и пр. Теперь круг интересов истории еще больше расширился, у нее появились новые, зачастую весьма необычные для прежней историографии предметы — вневременные (такие как миф или погода), неподвижные (детство, старость, смерть), тривиальные (меню); история стала едва ли не всеядной наукой. Начали исследоваться такие феномены, как колдовство, случайности, народные праздники, фольклор — все, что оказывалось доступно историкам.

«Новая историческая наука» во Франции в целом и третье поколение школы «Анналов» в частности наибольших успехов достигли в изучении истории Средних веков и раннего Нового времени (XVI — XVIII вв.). При этом школа и журнал не идентичны. Не все ученые, печатавшиеся на страницах журнала, были приобщены к «новой исторической науке». Но именно журнал стал воплощением духа этого направления. Как и прежде, «Анналам» было присуще стремление к контактам, к поиску нового: новых типов источников и нового прочтения старых, уже давно известных текстов, новых тем.



При этом каждая проблема рассматривалась в контексте глобальной истории. Ф. Бродель попытался воссоздать глобальную историю как обширных регионов, так и всего человечества в целом; теперь же произошло ограничение в пространстве и времени и сужение поля исследований. Так, Ж. Ле Гофф применил глобально-исторический подход в изучении европейской средневековой цивилизации; Э. Ле Руа Ладюри обратился к материалам, касающимся одной небольшой деревни, выходя на их основе на общеевропейские ценности; Ф. Арьес и М. Вовель исследовали многовековую историю одного из частных элементов восприятия мира и пр.

Как и прежде, большое значение отводилось междисциплинарным связям. Если первые два поколения «Анналов» ориентировались на союз истории и географии и обращались к экономической истории, то в 1970—1980-е гг. историки-анналисты стали активно сотрудничать в первую очередь с этнологией, стремясь к изучению явлений духовной жизни, рассмотрению прошлого не только «сверху», но и «снизу». Постоянные поиски смысла, находящегося под поверхностью событий и явлений привели к сближению истории с *семиотикой* — наукой о знаковых системах.

Среди основных исследовательских направлений этого периода можно выделить количественную или «серийную» историю (П. Шоню); «историю без людей» (Э. Ле Руа Ладюри); историческую антропологию, изучающую мир ценностей и ментальностей (Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Ж. Деломо, Ф. Арьес, М. Вовель и др.), на характеристике которых мы остановимся более подробно.

## **6.2. «Серийная» история Пьера Шоню: исследования по исторической демографии**

Одним из вариантов исследований, господствовавших в рассматриваемый период в «Анналах», стала появившаяся впервые в США количественная история (клиометрия), которая во Франции получила название *«серийной» истории*.

В «серийной истории» отдается предпочтение не изолированным фактам, а множественным однородным историческим данным, поддающимся объединению во временные серии с учетом сравнимых единиц в равные промежутки времени на длительном временном отрезке.

Характерны высказывания представителей школы. Э. Ле Руа Ладюри утверждал: «Историк будущего или будет программистом, или не будет вообще»; П. Шоню заявил, что история не может быть достойна этого названия, если она не будет серийной.

Одним из основателей количественной истории во Франции стал *Пьер Шоню* (род. в 1923 г.). В 1966 г. он возглавил исследовательский центр квантитативной истории в университете Кана (где изучались такие проблемы, как история сельскохозяйственного производства, городского строительства, демография), в 1970 г. стал профессором Сорбонны и сотрудником журнала «Анналы».

П. Шоню полагал, что события нужно рассматривать только в серии, математически обработанной; что без математики нет и научного знания. Особое место он отводил демографии, которую считал наравне с географией важнейшей наукой, с которой история должна вести и ведет диалог. Он был противником политической, чисто событийной истории.

Первая крупная работа, которая принесла П. Шоню известность, называется «Севилья и Атлантика, 1504—1650 гг.» (1955)<sup>1</sup>. Она состоит из 12 томов и 7,5 тысяч страниц. Основной сюжет книги — торговля Испании с Америкой в 1504—1650 гг.; в ней исследуются цифровые «серии» с целью сделать измеримым испанское могущество XVI в.

С середины 1960-х гг. интерес П. Шоню переместился от сеvilской истории к истории Европы в целом. Он написал работы «Европейская цивилизация классической эпохи» (1970), «Цивилизация Европы эпохи Просвещения» (1971), «История — наука социальная. Время, пространство и человек в эпоху Нового времени» (1974). Остановимся на последней монографии подробнее.

Французский историк не вычленил отдельных регионов, у него нет точной хронологии. Временные рамки работы — XIV—XIX вв., хотя ученый, с одной стороны, совершал экскурсии в эпоху Античности и раннего и классического Средневековья, а с другой — доводил исследование до начала XX в.

При этом в истории были выделены четыре поворотных момента, исходя из демографического критерия плотности населения. Первый перелом, по мнению П. Шоню, пришелся на XIV в. — время, когда мир, по выражению ученого, стал «полным». Плотность населения достигла примерно 40 человек на квадратный километр, и тогда стал возможным «горизонтальный» рост цивилизации, освоение географического пространства вширь. По мнению исследователя, это была эпоха моделирования основ европейской цивилизации. Произошло становление торгового капитализма, на 40 % возросла грамотность, численность общинного прихода достигла 500 человек. Получили развитие информация, отношения обмена, транспортные средства.

<sup>1</sup> Эта работа была написана П. Шоню в соавторстве с его женой Гогеттой.



Со вторым этапом — 1482 — 1565 гг. — П. Шоню связывал разрыв замкнутости в мировом масштабе отдельных систем — мира западного христианства и превосходящего его во много раз мира Азии, Африки и Америки. Третий этап, выделенный французским историком — 1620 — 1650 гг. принес революцию в структуре знания, математизацию мышления, прорыв в познании природы (именно тогда были сделаны открытия И. Ньютона, П. Ферма, Р. Декарта, И. Кеплера). И наконец, на четвертый этап — рубеж XVIII и XIX вв. — пришлось взлет экономики и культуры, значительный рост валового экономического продукта. Фундаментом всех рассматриваемых процессов, по мнению ученого, стал рост плотности населения.

Таким образом, П. Шоню взял за основу последовательность освоения европейцами земного пространства. На первом месте он поставил природные факторы, в первую очередь биолого-демографические. Демографические сюжеты ученый совместил с историей науки и образования; изучением экономических процессов и пр.

П. Шоню пересмотрел многие устоявшиеся положения. Так, например, с его точки зрения, Великая французская революция имела регрессивное значение для истории Франции, так как она привела к проблемам в области экономики, как и Гражданская война в США. Историк отверг принятое во французской науке понятие Старого порядка, связанное с Великой французской революцией, так как, по его мнению, первой исторической революцией были не «волнения мелкого люда», но преобразования в промышленности в Англии в XVIII в. Гораздо большее значение по сравнению с революцией он отдал повышению во Франции брачного возраста.

П. Шоню — «историк числа», его исследования основаны на математических, сериальных методах. Проведенная им работа была очень трудоемкой и кропотливой. Исследователь разработал теорию трех уровней: экономики, общественной жизни (социума) и идеологии (ментального). И на третьем уровне, изучая религиозные представления, повседневное поведение, ученый также выстраивал числовые серии.

### **6.3. Э. Ле Руа Ладюри: от концепции «истории без людей» к «этнографическому роману»**

*Эммануэль Ле Руа Ладюри* (род. в 1929 г.) — мэтр школы «Анналов», один из руководителей VI секции и «триумvirата», возглавившего «Анналы» в начале 1970-х гг., профессор Коллеж де Франс, директор Национальной библиотеки в Париже. Его на-

зывают «браконьером в истории», «бродягой», «самым разносторонним и самым неуловимым». Э.Ле Руа Ладюри не признавал монополии никакой теории — по его мнению, выбор ее зависит от темы. Ученый использовал в своей работе различные концепции (глобальную историю, структурализм, фрейдизм, марксизм, многие положения квантитативной истории). Он изучал то многовековые структуры, то мелочи повседневности жизни.

В ранней молодости Э.Ле Руа Ладюри был фанатичным католиком, даже хотел стать священником. С 1949 г. будущий известный ученый стал коммунистом, но позднее покинул коммунистическую партию. Эти увлечения повлияли на его подходы к истории. В 1956 г. историк опубликовал свои первые статьи, одна из которых называется «Климат и история». Климатологии и демографии было посвящено большинство его исследований 1960-х гг.

Докторская диссертация Э.Ле Руа Ладюри называлась «Крестьяне Лангедока» (1966). Историк исследовал небольшой район между Роной и Пиренеями в XV—XVIII вв. В основу исследования легли материалы переписей населения и имущества, на основании которых изучались производство сельскохозяйственной продукции, движение земельной собственности, эволюция доходов и цен и пр. Кроме того, был собран обильный материал по демографии, этнографии, коллективной психологии. Э.Ле Руа Ладюри использовал данные, подвергаемые компьютерной обработке. Книга была написана в русле «серийной» истории — в ней приводятся серии цифр о движении народонаселения, производстве, ценах, доходах и пр.

В «Крестьянах Лангедока», несмотря на название, нет главы о социальной структуре. Как писал один из оппонентов Э.Ле Руа Ладюри, фактически главный персонаж в этом исследовании не крестьяне, а большой аграрный цикл. Ученый выделил четыре фазы этого цикла — вызревание условий экономического подъема, сам подъем, зрелость развития, начало упадка. Исследователь показал присущее изучаемой им эпохе технологическое бессилие и в то же время обремененность людей культурными «тормозами» (нравами, обычаями, образом жизни), поскольку, по его мнению, отсутствие прогресса наблюдалось не только в области технологии, но и в сфере сознания. Защита диссертации и последующая публикация монографии принесли Э.Ле Руа Ладюри широкую известность как в самой Франции, так и за ее пределами.

Еще одна известная работа Э.Ле Руа Ладюри — «История климата с 1000 года» (1967). В ней ученый разработал оригинальную концепцию «истории без людей». Исходные установки автора отражены уже в названии. В книге представлены история климата Европы, главным образом Франции, отчасти соседних



с ней стран и Северной Америки; а также сделаны некоторые сопоставления в мировом масштабе. Отбросив антропологические установки, ученый обратился к развитию природы как независимой от человека реальности. Внимание сконцентрировано не на человеческой деятельности, а на физических процессах природы. Из-за отсутствия до XVIII в. системы метеорологических наблюдений Э. Ле Руа Ладюри использовал данные *дендрологии* (наличие или отсутствие годового прироста деревьев), *фенологии* (данные о сроках сбора урожая винограда), *гляциологии* (полевых исследований альпийских ледников) и другие подобные материалы.

Э. Ле Руа Ладюри применял юридический термин «досье», стремясь, как он писал, привести строгую документацию и аргументацию. Обилие мелких подробностей, которые превращены в важные свидетельства — таков исследовательский метод ученого. Изображено взаимодействие человека с разрушительными силами природы: изменениями климата, движением ледников, засухами и пр. Это исследование носит необычный характер, человек в нем перестал быть центром внимания, главным стал контекст его существования (климат, суровые и мягкие зимы, условия для сбора урожая, воздействие циклонов и дождей и пр.).

В середине 1970-х гг. автор истории климата резко сменил сферу научных интересов и написал книгу, названную критиками «этнографическим романом». В 1975 г. вышла монография Э. Ле Руа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня (1294 — 1324)», которая имела сенсационный успех, стала самой известной из его публикаций. В отличие от своих предшествующих исследований ученый широко применил в этом исследовании этнологические методы.

Э. Ле Руа Ладюри обратился к сюжету из истории ереси катаров. Как известно, движение катаров было подавлено в Южной Франции в первой половине XIII в., однако не исчезло окончательно, найдя последнее прибежище в малодоступных горных областях на границе с Испанией. В 1318 г. сюда, в графство Фуа, приехали инквизиторы, во главе которых стоял Жак Фурнье, епископ Памье и будущий папа Бенедикт XII (1336 — 1342). С 1318 по 1324 г. в двух соседних селениях, Монтайю и Сабартес, было проведено расследование. Состоялось около шестисот допросов местных священников, дворян, нотариусов, но больше всего — крестьян, ремесленников, кабатчиков. Примерно половину допрошенных составили женщины. Протоколы этого процесса уже исследовались в XIX в. позитивистскими историками в рамках изучения истории ересей. Однако Э. Ле Руа Ладюри задался иными вопросами, чем его предшественники.

Ученый стремился к воссозданию образа жизни, мировоззрения и ценностей деревенских жителей. Так, например, выяснилось, что богатство обитателей Монтайю — это обладание не деньгами, а землей и стадами. Э.Ле Руа Ладюри продемонстрировал, что и в деревенском обществе, которое находилось ниже не только государственных — королевских, но и феодальных и вотчинных структур, шла своя ожесточенная борьба местных кланов за власть.

Французский историк показал читателю неграмотных, плохо знакомых с церковным учением людей. Персонажи Э.Ле Руа Ладюри обладают высокой эмоциональностью и склонностью к слезам, они плачут, ищут вшей, редко моются, едят из одной посуды и спят в одной постели. Однако при этом они соблюдают ритуальную чистоту рта и рук. Специфичным было отношение жителей Монтайю к смерти. У них много детей, которых они очень любили. Но во время болезни самые добрые матери не давали своим детям еды и питья — смерть в младенчестве считалась лучшим условием, чтобы попасть в рай. Особое внимание французский ученый обратил на множество сексуальных отклонений: проституцию, гомосексуализм, прелюбодеяние, насилие, рождение незаконных детей. При этом он выяснил, что половая распущенность не только позволялась, но и провоцировалась местным священником, который оказался, как показало следствие, тайным катаром.

В целом историческим исследованиям Э.Ле Руа Ладюри присущи широкий диапазон проблематики (история экономики, климатология и биологическая история, этнология и культурная история), нестандартность теоретических подходов, «открытость», определенная тотальность; ученый часто пересматривал свое научное мировоззрение.

Помимо П. Шоню и Э.Ле Руа Ладюри, видными представителями количественной истории во Франции были историки-экономисты Я. Марчевский и Ф. Перру; широко математические методы в изучении истории применяли историки «третьего поколения» «Анналов» М. Вовель, Ф. Лебрен и др.

\*\*\*

Итак, «третье поколение» школы «Анналов» отказалось от глобальности в духе броделевской концепции, его отличало разнообразие тем и самого видения истории. Нужно отметить, что именно начиная с 1970 — 1980-х гг. повсеместно заговорили о «новой исторической науке» как особом течении в исторической науке.

Несколько особняком в «третьем поколении» «Анналов» стоит история ментальности, также оформившаяся во второй половине XX в. Понятие ментальности было введено в арсенал исторической науки еще в начале XX в. основателями школы «Анналов» М. Блоком



и Л. Февром, а в 1970—1980-е гг. история ментальности превратилась в новую самостоятельную область науки с собственной периодикой, международными институтами и конгрессами.

#### ИСТОЧНИКИ

*Ле Руа Ладюри Э.* Застывшая история // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. — Т. 1. — Вып. 2. — М., 1993.

*Ле Руа Ладюри Э.* История климата с 1000 года. — М., 1971.

*Ле Руа Ладюри Э.* Климат и история // Homo historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2 кн. — М., 2003.

*Ле Руа Ладюри Э.* Королевская Франция: от Людовика XI до Генриха IV. — М., 2004.

*Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294—1324). — Екатеринбург, 2001.

*Шоню П.* Цивилизация классической эпохи. — Екатеринбург, 2005.

*Шоню П.* Цивилизация Просвещения. — М.; Екатеринбург, 2009.

*Шоню П.* Экономическая история: эволюция и перспективы // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. — Т. 1. — Вып. 1. — М., 1993.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Афанасьев Ю. Н.* «Анналы» и раздробленная история. История без людей // Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. — М., 1980.

*Афанасьев Ю. Н.* Ведущее направление французской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография. — М., 1989.

*Афанасьев Ю. Н.* Вчера и сегодня французской «новой исторической науки» // Вопросы истории. — 1984. — № 8.

*Бабинцев В. А.* Волшебник из страны ОК // Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294—1324). — Екатеринбург, 2001.

*Гуревич А. Я.* «Неподвижная история» Эммануэля Ле Руа Ладюри // Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.

*Далин В. М.* Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов») // Далин В. М. Историки Франции XIX—XX веков. — М., 1981.

*Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. Человек в истории. — М., 1991.

*Кром М. М.* Классика исторической антропологии 70—80-х гг. (Избранные работы) // Кром М. М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. — СПб., 2000.

*Люблинская А. Д., Малов В. Н. Е.* Le Roy Ladurie. Les paysans de Languedoc. Paris. 1966. Рецензия // Средние века. — Вып. 34. — М., 1971.

*Максимов С. Н.* Концепция «серийной» истории в трудах французского историка Пьера Шоню: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1997.

*Покровская Т.* Предисловие к российскому изданию // Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. — М., 1971.

*Ревель Ж.* История и социальные науки во Франции на примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. — 1998. — № 5, 6.

*Смирнов В. П.* Французская историография во II половине XX века. «Новое историческое мышление». «Новая историческая наука» // Историческая наука в XX веке. Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки. — М., 2002.

*Смирнов В. П.* Французская историография во II половине XX века. «Новое историческое мышление». Школа «Анналов» в 70—80-е годы // Историческая наука в XX веке. Историография истории Нового и Новейшего времени Европы и Америки. — М., 2002.

*Соколова М. Н.* Глобальная история // Соколова М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. — М., 1979.

*Соколова М. Н.* Наука о человеке и история. Теория факторов // Соколова М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. — М., 1979.

*Уваров П. Ю.* «Новая историческая наука», «история в осколках», новые «вызовы» и «повороты» (1970-е — начало 1990-х годов) // Уваров П. Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. — М., 2004.

## ГЛАВА 7

### История ментальности или историческая антропология

Ментальность • Казус • Историческая антропология • Верификация.

- ✓ Ж. Ле Гофф «Цивилизация средневекового Запада» (1964); «О другом Средневековье: время, труд и культура на Западе» (1977); «Средневековый мир воображаемого» (1985)
- ✓ Ж. Дюби «Рыцарь, женщина и священник. Брак в средневековой Франции» (1981)
- ✓ Ж. Делюмо «Страх на Западе (XIV—XVIII вв.): осажденный остров» (1978)
- ✓ Ф. Арьес «Перевернутая смерть» (1967); «Эссе по истории смерти на Западе со Средних веков до наших дней» (1975); «Человек перед лицом смерти» (1977)
- ✓ М. Вовелль «Умирать прежде»: коллективное поведение перед лицом смерти в XVII и XVIII вв.» (1974); «Смерть и Запад: с 1300-х годов до наших дней» (1983)
- ✓ П. Шоню «Умирать в Париже: XVI, XVII и XVIII вв.» (1978)



### 7.1. История ментальности как новая парадигма истории

Итак, с конца 1960-х гг. начался новый пересмотр методов и подходов к исторической науке; появилось осознание, что история оказалась «без людей». Ф. Бродель и его последователи представляли собой направление, которое минимизировало человеческий фактор, отдавая приоритет надличностным структурам. В 1970—1980-е гг. снова заговорили о необходимости гуманизации исторической науки. Наравне с экономическими, социальными и идеологическими проблемами начали рассматриваться проблемы ментальности.

Под **ментальностью** понимается не выраженное явно общественное сознание, неосознанные коллективные представления и чувства, массовая психология. Ментальность — это совокупность коллективного и индивидуального опыта; наличие у людей определенного общего мысленного инструментария, психологической «оснастки», при помощи которой они воспроизводят себя и среду, перерабатывают поток восприятия в упорядоченную картину мира, которая, в свою очередь, влияет на поведение. Понимаемая таким образом ментальность стала инструментом познания, включилась в систему объяснения исторических явлений.

При обращении к истории ментальности существенно расширилось поле исследований. Объектами внимания стали такие нетрадиционные для исторического исследования темы, как детство, брак, семья, женщина, старость, болезнь, смерть; соотношение народной и ученой культур, история культурной практики, символы и символические обряды, низшие социальные категории, маргинальные группы. Начала изучаться история *казуса*, случайности, в каждом из которых исследователи старались выделить общезначимое. Характерной чертой появившейся в рамках третьего поколения «Анналов» истории ментальности стало то, что в ней мало внимания было уделено древности и XIX—XX вв. и максимум — Средним векам и раннему Новому времени; особенно большой вклад в ее развитие внесли историки-медиевисты. Главная проблема, на которой сосредоточилось внимание ученых — процесс рождения современного мира из «христианского космоса» Средневековья. При изучении истории ментальности нашли применение сериальные, демографические источники; историки выдвинули задачу обнаружить не только то, о чем документы повествуют, но и то, о чем они умалчивают — к прочтению «за кадром». При таком подходе объектом изучения потенциально стало практически любое творение человека.

История ментальности, иначе называемая *исторической антропологией*, выступила как глобальная концепция истории, может быть, даже парадигма. В центр внимания был помещен феномен человеческой личности, сформированной культурой эпохи. Постепенно историческая антропология практически превратилась практически в синоним «новой исторической науки». Принцип инаковости стал условием адекватной расшифровки исторических источников. Историки стремились через изучение истории ментальности решить проблему *верификации* — проверки истинности исторического знания. Документ начал восприниматься не как заранее готовый для анализа текст, а как манускрипт, который нужно расшифровать; важное место заняло искусство интерпретации. Ученые все чаще стали говорить об установлении своего рода «диалога» между прошлым и настоящим, необходимости поиска ответов на вопросы, задаваемые их собственным временем; стремиться к конструированию, а не описанию прошлого, анализу его следов. Предмет истории гуманизировался: так, вместо истории торговли акцент стал переноситься на изучение истории купцов, вместо традиционной аграрной истории — на историю крестьян, вместо истории капитализма — на историю банкиров и ростовщиков.

Право на существование получили различные варианты понимания ментальности. Существенной чертой этого термина является его размытость, разнообразие постановок вопроса; историки говорили о ментальности и небольших общественных групп, и целых цивилизаций. Ф. Арьес выделял некий общий дух эпохи, М. Вовель писал о ментальности различных социальных страт; у П. Шоню ментальность выступила как синоним идеологии. Ж. Ле Гофф утверждал, что притягательная сила мировидения как раз и покоится на ее неопределенности. Сущностной чертой ментальности является также ее консервативность. Еще Ф. Бродель отмечал, что ментальности — это темницы, в которых заключено время большой длительности.

В рамках изучения ментальности можно встретить самый широкий спектр тем. Так, Ж. Ле Гофф в своей самой известной книге «Цивилизация средневекового Запада» (1964) выявил культурную специфику средневекового мира Европы. Еще одна тема исследований этого ученого, к которой он обратился в серии работ под общими названиями «О другом Средневековье: время, труд и культура на Западе» (1977) и «Средневековый мир воображаемого» (1985) — категория времени в Средние века. Ж. Ле Гофф показал время как орудие социального господства и борьбы церкви и купечества. Ж. Дюби, изучая в своей монографии «Рыцарь, женщина и священник. Брак в средневековой Франции» (1981) институт семьи и отношение к женщине во Франции XI—XIII вв.,



сделал выводы о формах наследования, отношениях собственности, этических ценностях. Жан Делюмо написал монографию с характерным названием «Страх на Западе (XIV—XVIII вв.): осажденный остров» (1978); Ф. Арьес и М. Вовелль реконструировали отношение к основным ценностям жизни через анализ поведения человека перед лицом смерти.

## 7.2. «История смерти» в контексте исторической антропологии

Среди других тем исторической антропологии в 1970—1980-е гг. немалое место заняла так называемая «история смерти». Можно назвать имена таких исследовавших «историю смерти» французских ученых, как Ф. Арьес, М. Вовелль, П. Шоню, Э. Ле Руа Ладюри, Ф. Лебрен, Ж. Шиффоло, Ж. Делюмо и др. В самом журнале «Анналы» в 1970—1980-е гг. было опубликовано множество статей на эту тему. В 1969 г. вышел специализированный номер «Анналов», посвященный вопросам отношения к старости, болезни, смерти; в 1971 г. — проблематике восприятия смерти и представлений о потустороннем мире. Исследовались демографические данные, религиозные и философские воззрения, погребальные обряды и пр. Развернулись поиски мотивов человеческого поведения. Восприятие смерти изучалось в качестве одного из параметров коллективного сознания.

Начало изучения этой проблематики связано с именем *Филиппа Арьеса* (1914—1984). Этот ученый, прославившийся своими работами по истории семьи и детства, обратился к проблеме смерти со второй половины 1960-х гг. В 1967 г. вышла статья Ф. Арьеса «Перевернутая смерть», в которой он объяснял причины своего обращения к рассматриваемой проблеме. Ученый отмечал, что тему смерти обходят вниманием гуманитарные науки, в течение XIX—XX вв. установилось и общественное молчание. Упоминание о смерти можно встретить в художественной и философской литературе — у Э.-М. Ремарка, Ж. Женэ, Ж.-П. Сартра; но не в повседневности. По мнению французского ученого, ее отсутствие — серьезный симптом, характеризующий состояние западного общества. Даже на само упоминание смерти установлен запрет как на нечто непристойное. В XX в. произошла, по его словам, «медицинализация» смерти — люди стали умирать в больнице без присутствия близких и духовного единения с ними. Умиравший человек уподобился недееспособному ребенку, попал в зависимость от воли окружающих. Мертвое тело стали тщательно гримировать; зрелище смерти скрыто от детей; близких на период скорби подвергают остракизму, налагая запрет на проявления

скорби. Все эти черты, по мнению Арьеса, противоречат тысячелетней европейской традиции, став результатом взаимного отчуждения. Неслучайно ученый использовал метафору «перевернутая смерть», заявляя об исчезновении важного жизненного этапа.

В своих монографиях «Эссе по истории смерти на Западе со Средних веков до наших дней» (1975) и «Человек перед лицом смерти» (1977) Ф. Арьес поставил проблему в историческом ракурсе. Он рассмотрел историю западноевропейского общества с особой, даже неожиданной точки зрения. Его главный объект — восприятие одного из важных жизненных этапов человека. Целый ряд эпох и множество исторических явлений получили оценку с точки зрения изучаемого им феномена. Широкий временной диапазон позволил обнаружить связь с конкретно-историческими явлениями, пролить дополнительный свет на социально-психологическую сторону исторического процесса. Книги Ф. Арьеса можно назвать своего рода энциклопедией повседневной жизни: в них нашли освещение религиозные верования и демографические данные, погребальное искусство и художественная литература и многие другие темы и сюжеты.

Ф. Арьес использовал индивидуальные источники: роман, эпос, церковную иконографию, погребения. Он работал на стыке археологии, этнографии, искусствоведения. Был взят огромный промежуток времени — полторы тысячи лет от поздней античности и раннего христианства до наших дней. На фоне длительной временной протяженности (броделевского «*long durée*») ученый выделил ряд этапов и некоторые доминанты в них. Первый этап — тысячелетняя традиция «прирученной смерти». Ей были присущи естественность, простота принятия смерти; коллективное переживание кончины «всем миром». Второй этап — «смерть своя» — пришелся на VIII—XII вв. В его рамках человек начал переживать свою индивидуальную смерть, что выразилось в персонификации погребений, распространении мрачной «макабрической» иконографии<sup>1</sup>. Третий этап — «смерть твоя» — был связан с формированием частной семьи и семейной привязанности и появлением переживаний по поводу потери близкого человека. Четвертый выделяемый Ф. Арьесом этап выпал на барочный период. Ученый назвал его «смерть далекая и близкая». В эту эпоху были детально разработаны представления о посмертном существовании, церемониал, институт завещаний, культ мертвых, погребальные образы искусства. В XVI—XVII вв. в иконографии стала преобладать тема тщеты и суеты жизни, в церквях и на кладбищах были выставлены

<sup>1</sup> Наиболее распространенный сюжет популярных в Средние века так называемых *dance macabre* — «плясок смерти»: живые люди, увлекаемые скелетами или полурасложившимися трупами в хоровод.



напоказ кости и черепа. Стали популярными погребальные эпитафии, благодаря которым, по мнению ученого, массы людей вышли из анонимности. О развитии в эту эпоху семейной привязанности свидетельствуют семейные усыпальницы, широкое распространение которых произошло с XV в., но особенно в XVI—XVII вв.

Ф. Арьес утверждал, что изменение чувств столь же важно для истории, как и революция идей, политическая, индустриальная или демографическая революции. Ученый полагал, что между всеми этими трансформациями существует некая более глубокая связь, нежели простая взаимозависимость во времени. В процессе изменения отношения человека к смерти на Западе со Средних веков до наших дней Ф. Арьес выявил отражение более широкого явления индивидуализации личности.

Другой историк, который обратился к проблематике восприятия смерти — Мишель Вовель (род. в 1933 г.), директор института истории Французской революции, марксист, специализирующийся на изучении истории Великой французской революции и эпохи раннего Нового времени (XVII—XVIII вв.). Ученый изучал проблему смерти с 1970-х гг. Наиболее крупные его работы по «истории смерти» — «Умирать прежде»: коллективное поведение перед лицом смерти в XVII и XVIII вв.» (1974) и «Смерть и Запад: с 1300-х годов до наших дней» (1983); он рассматривал в них историю как Франции, так и Европы в целом. М. Вовель, также как и Ф. Арьес, полагал, что отношение к смерти координируется с видением мира; в нем как в зеркале отражается человеческое отношение к жизни и к себе. Французский исследователь отмечал, что в этой сфере существует много запретов и деформаций; смерть окружена идеологической «мишурой». М. Вовель рассматривал проблему во времени большой длительности, отмечая на его фоне зачастую малозаметные трансформации. Он применил социально-психологический и культурно-антропологический подходы. Главный вопрос, который интересовал ученого: почему изменяется отношение к смерти? По его мнению, можно найти определенную корреляцию происходящих изменений со стадиями развития личности; так, например, наблюдается подавление страха перед смертью в эпохи, когда человек мало выделен из природы и общества.

Книга М. Вовелля «Умирать прежде» основана на анализе завещаний, проповедей, иконографии «искусства умирать» (*ars moriendi*), литературных произведений. В отличие от Ф. Арьеса он использовал серийные источники и системный подход к проблеме. М. Вовель выделил три уровня рассмотрения — демографические данные (войны, голод, преступления), церемониал и литературную рефлексию. Ученый также разделял христианский и народный («магический») типы восприятия. М. Вовель пола-

гал, что в эволюции в восприятии смерти наблюдаются, с одной стороны, постепенная медленная трансформация, с другой — резкие единовременные изменения. Он выделил целый ряд этапов со своими характерными особенностями. В отношении к смерти, по мнению М. Вовелля, находит отражение социальный климат эпохи; поэтому он постарался учесть развитие экономики, социальные, демографические, идеологические факторы.

Сторонник «серийной истории» П. Шоню, обращаясь к «истории смерти», широко применял количественные методы. Он анализировал однородные, сопоставимые на протяжении определенного периода длительности серии исторических данных. Особенно масштабное исследование П. Шоню на эту тему — «Умирать в Париже: XVI, XVII и XVIII вв.» (1978). Ученый изучил несколько тысяч завещаний и документов муниципалитета французской столицы с целью исследования религиозных чувств. По его мнению, в XVII в. наблюдался пик религиозности парижан. Верующие стремились к выполнению рекомендаций церкви делать завещания — которые, в отличие от современных, были посвящены главным образом религиозным вопросам, и прежде всего спасению души. Выросло число просьб помощи в этом вопросе у «небесных заступников» — святых. Завещатели стремились к погребению в церковной земле, заказывали все более многочисленные мессы и свечи для обеспечения своего посмертного существования. Постепенно расширилось участие общества и семьи в похоронной церемонии. Сначала церковное вмешательство было незначительным, но с XV в. смерть стала окружать целая «экономика». Непременным атрибутом культуры XVI в. был похоронный спектакль — своеобразная форма религиозной проповеди. XVII век явился высшей точкой церковной «социализации» смерти. Не только кончина стала зрелищем для близких и далеких, но и погребение превратилось в грандиозный спектакль городского соучастия в самой процедуре публичной скорби членов семьи и плакальщиц. Погребальные ритуалы отличала вычурность, обилие «земных почестей бренному телу». Даже у мелкого буржуа в их число входил ход торжественной процессии, сопровождаемый сотнями ударов колоколов, множеством священников, бродячим оркестром, группой бедных детей и пр.

Однако, как показал ученый, с рубежа XVII—XVIII вв. начал наблюдаться спад религиозности. Все большую долю в завещаниях стали составлять вопросы о судьбах близких и состоянии, исчезли рекомендации души святым заступникам. Исчезли и заказы на погребение в церковной земле. Упало количество заказываемых месс, обращений к Деве, вес свечей. Уменьшилось внимание к выбору места погребения и требование торжественности похорон. Все эти черты поведения были сведены П. Шоню в еди-



ный комплекс и использованы как знаки роста безразличия к сверхъестественному, секуляризации, «десоциализации». Ученый пришел к выводу, что отделение от религиозной идеологии и общественного влияния — одна из ведущих тенденций изменения поведения перед лицом смерти. Это результат длительной эволюции, в ходе которой произошло постепенное разрушение традиционного восприятия смерти, коллективистской ментальности и становление индивидуализма.

\* \* \*

Рассмотрение поведения человека перед лицом смерти — лишь один, частный пример исследовательской практики «Анналов» в рамках изучения исторической антропологии. Возраста жизни, отношение к труду, богатству и власти, восприятие пространства и времени, мир воображаемого — спектр тем и проблем в этой области необычайно широк. В целом можно констатировать, что в ходе обращения к проблемам ментальности произошло переосмысление самого предмета истории, внимание было перенесено на внутренний мир как отдельной личности, так и целых коллективов.

Нужно отметить, что французская история ментальности оказала очень сильное влияние на развитие российской исторической науки. В частности, в русле, проложенном французскими коллегами, уже в 1970 — 1980-е гг. стали проводить свои исследования ученые Института всеобщей истории Российской академии наук. Среди них в первую очередь нужно назвать А. Я. Гуревича и Ю. Л. Бессмертного. Перу А. Я. Гуревича принадлежит бестселлер отечественной медиэвистики «Категории средневековой культуры» (1972), издание которого положило начало волне отечественных исследований ментальности. В монографии Ю. Л. Бессмертного «Жизнь и смерть в Средние века» (1992) автору удалось показать влияние особенностей мировидения людей той или иной эпохи на специфику индивидуального или коллективного поведения<sup>1</sup>.

Проблематике ментальности были посвящены организуемые как этими историками, так и их многочисленными учениками семинары и круглые столы, а также целые исследовательские проекты. В числе последних следует назвать, например, альманах «Одиссей» (первый выпуск которого вышел в 1989 г.). В октябре

<sup>1</sup> Следует отметить, что в значительной мере именно этим двум историкам принадлежит заслуга доброжелательной профессиональной оценки творчества представителей школы «Анналов» в целом и широкого знакомства с ним российских читателей. Впрочем, интерес к деятельности этой школы среди наших соотечественников носил перманентный характер, о чем свидетельствует обилие аналитических публикаций в научной литературе на протяжении уже нескольких десятилетий.

1989 г. в Москве был проведен международный colloquium, посвященный шестидесятилетию школы «Анналов». На нем присутствовали шесть из семи членов редколлегии журнала. По материалам этого colloquium был выпущен сборник «Школа “Анналов” вчера и сегодня». Стала проводиться широкая работа по переводу на русский язык и публикации лучших сочинений французских историков-анналистов<sup>1</sup>.

Впрочем, как выяснилось, некоторые российские ученые предугадали заложенные французской «новой исторической наукой» традиции. Среди них можно назвать русских историков начала XX в. Л. П. Карсавина («Культура Средних веков», 1918) и О. Ф. Добряш-Рождественскую («Западная Европа в Средние века», 1920; «Как люди научились считать время», 1922); создавших свои работы в 1960-е гг. филолога и культуролога М. М. Бахтина («Рабле и народная культура Средних веков и Возрождения», 1965) и историка В. М. Райцеса («Аженская коммуна». — 1-е изд. — 1992) и некоторых других. Само их появление стало свидетельством закономерности и своевременности произошедших в историописании перемен.

#### ИСТОЧНИКИ

*Арьес Ф.* Возрасты жизни // *Философия и методология истории.* — М., 1977.

*Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом режиме. — Екатеринбург, 1999.

*Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. — М., 1991.

*Вовель М.* Идеология и умонастроения // *Общественные науки за рубежом.* — 1983. — № 6.

*Вовель М.* К истории общественного сознания эпохи Великой Французской революции // *Французский ежегодник.* — 1984. — М., 1986.

*Вовель М.* Ментальность // *50/50. Опыт словаря нового мышления.* — М., 1989.

*Делюмо Ж.* Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII—XVIII века). — Екатеринбург, 2003.

*Дюби Ж.* Время соборов. Искусство и общество. 980—1420. — М., 2002.

*Дюби Ж.* Европа в Средние века. — Смоленск, 1994.

*Дюби Ж.* История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны Д'Арк. 987—1460. — М., 2001.

*Дюби Ж.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // *Одиссей. Человек в истории.* — М., 1990.

<sup>1</sup> Характерно, что эта деятельность проводилась не только в Москве. Хотелось особо упомянуть исследователей из Уральского государственного университета и прежде всего В. А. Бабинцева, по инициативе которого были осуществлены многие переводы классических работ школы «Анналов».



*Дюби Ж.* Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе. — М., 2000.

*Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. — Екатеринбург, 2000.

*Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы Средневековья. — СПб., 2003.

*Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. — М., 2001.

*Ле Гофф Ж.* С небес на землю // Одиссей. Человек в истории. — М., 1991.

*Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. — М., 2001.

*Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. — М., 1992.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Гинзбург К.* Опыт истории культуры: философ и ведьмы // Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М., 1993.

*Гуревич А. Я.* Диалог с Жоржем Дюби // Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.

*Гуревич А. Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. — 1988. — № 1.

*Гуревич А. Я.* Ментальность, система ценностей, воображение. Историческая антропология Жака Ле Гоффа // Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.

*Гуревич А. Я.* От истории ментальности к исторической антропологии // Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.

*Гуревич А. Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. — Вып. 1. — М., 1989.

*Гуревич А. Я.* Смерть как проблема исторической антропологии // Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.

*Гуревич А. Я.* Смерть как проблема исторической антропологии // Одиссей. Человек в истории. — М., 1989.

*Гуревич А. Я.* Этнология и история в современной французской медиэвистике // Советская этнология. — 1984. — № 5.

*Зайцева Т. И.* Проблема смерти в современной французской историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1995.

*Ким С. Г.* История ментальностей: основные характеристики // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 22. — Томск, 1996.

*Кром М. М.* От истории ментальности к исторической антропологии (традиции школы «Анналов») // Кром М. М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. — СПб., 2000.

*Кром М. М.* Историческая антропология в поисках самоопределения // Кром М. М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. — СПб., 2000.

*Ревель Ж.* История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем вокруг французской исторической школы «Анналов». — М., 1993.

*Ронин В. К. Легофф Ж. Мир воображаемого в Средние века // Культура и общество в Средние века в зарубежных исследованиях. Реферативный сборник. — М., 1990.*

*Соколов А. Б. Новая культурная история: основные направления исследований // Соколов А. Б. Введение в современную западную историографию. — Ярославль, 2002.*

*Уваров П. Ю. «Новая историческая наука», «история в осколках», новые «вызовы» и повороты» (1970-е — начало 1990-х годов) // Уваров П. Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. — М., 2004.*

*Ходонова А. С. История ментальности в современной французской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 21. — Томск, 1994.*



## РАЗДЕЛ III

### «НОВАЯ НАУЧНАЯ ИСТОРИЯ» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

---

#### ГЛАВА 8

#### Американская психоистория

Психоистория • Фрейдизм, психоанализ • Бессознательное • Неофрейдизм • Тоталитаризм • «Низы среднего класса» • Социальный характер • Авторитарный характер • Идентичность • Кризис идентичности • Харизма • Социализация.

- ✓ З. Фрейд, У. Буллит «Томас Вудро Вильсон. 28 президент США. Психологическое исследование» (1938)
- ✓ Э. Фромм «Бегство от свободы» (1941); «Анатомия человеческой деструктивности» (1973)
- ✓ Э. Эриксон «Молодой Лютер» (1958), «Детство и общество» (1964); «Идентичность: юность и кризис» (1967); «Истина Ганди» (1969)

#### 8.1. Неофрейдизм и возникновение психоистории

Одним из наиболее популярных новаторских направлений в американской историографии второй половины XX в. стала **психоистория**. Первые психоаналитические интерпретации истории восходят еще к **фрейдизму**. Труды австрийского ученого **Зигмунда Фрейда** (1856 — 1939) совершили буквально «коперниковский» переворот в психологии XX в., а он сам стал центральной фигурой, вокруг которой до сегодняшнего дня группируются почти все теории **бессознательного**: кто-то исследует эту область вслед за ним, кто-то — оппонировав ему. Идеи З. Фрейда оказали весьма значительное влияние на историческую науку в Соединенных Штатах Америки.

Становление психоистории как самостоятельной дисциплины относится к началу XX в. Уже в первой трети столетия главным образом в Австрии и Германии появились многочисленные биографии политических деятелей, ученых, деятелей искусства, напи-

санные с применением идей психоанализа. А с начала 1940-х гг. в США — куда вынуждены были эмигрировать многие европейские ученые — интенсивно развернулись психоаналитические исследования немецкого национал-социализма. Важным рубежом в развитии новой исследовательской области стала вторая половина 1950-х гг.

В 1958 г. была опубликована книга Э. Эриксона «Молодой Лютер», в которой на конкретно-историческом материале были сформулированы и обоснованы общетеоретические принципы психоаналитического изучения личности в истории. На 1960—1970-е гг. пришелся бум публикаций по психоистории. Появились специализированные периодические издания; психоистория стала университетской дисциплиной, которую стали преподавать ученые, получившие подготовку в специальных психоаналитических институтах.

Хотя родословная психоистории восходит к З. Фрейду, было бы упрощением представлять ее просто как приложение принципов *психоанализа* к истории. Методологической основой психоистории явился не сколько классический фрейдизм, делающий особый упор на подавление сексуального влечения, сколько различные течения *неофрейдизма*, ставящие акцент на социальных мотивах поведения. Кроме того, психоисторики стремятся переориентироваться с детского возраста на взрослый, для изучения которого возможно более широкое привлечение исторических источников, таких как дневники, переписка, мемуары и пр. Э. Эриксон определил психоисторическое исследование как изучение «индивидуальной жизни комбинированными методами психоанализа и истории».

Психоистория изучает бессознательное как важную сферу человеческой психики. Особенно широкое применение нашла она в жанре исторических биографий. Сегодня ни один историк уже, наверное, не может писать биографическое исследование, не обратившись хотя бы отчасти к фрейдизму или неофрейдизму. Именно использование методологии психоанализа позволяет рассмотреть иррациональные мотивы поведения человека, бессознательные реакции. В значительной мере психоистория обращается и к поведению больших и малых социальных групп; объектами изучения стали бессознательные детерминанты поведения не только отдельных исторических личностей, но и различных общностей — социальных, национальных, расовых. Психоисторики отмечают, что иррациональные силы особенно сильно проявляют себя в периоды социальных волнений и стрессов, в переходные эпохи.

Одна из ранних попыток использовать психоанализ в истории принадлежала самому З. Фрейду, который совместно с американским историком У. Буллитом написал работу «Томас Вудро Виль-



сон 28 президент США» (1938). Среди известных американских психоисториков можно назвать таких ученых, как П. Левенберг, Б. Мэзлиш, П. Монако, Л. Демоз и др. Мы обратимся к творчеству двух самых известных представителей этого направления, стоявших у его истоков — Э. Фромма и Э. Эриксона.

## **8.2. Теория авторитарной личности и социального характера Эриха Фромма**

Идеи немецко-американского ученого *Эриха Фромма* (1900—1980) во многом представляют собой развитие выводов знаменитого австрийского психоаналитика З. Фрейда, этот исследователь возглавил одно из направлений неофрейдизма. Э. Фромм изучал интимный, внутренний мир человека, но описываемый им индивид действует на широком социальном фоне, включен в социальную реальность.

Попытки психоаналитической интерпретации истории были предприняты Э. Фроммом в его исследованиях «Бегство от свободы» (1941) и «Анатомия человеческой деструктивности» (1973). Первая книга увидела свет в США, куда в 1930-е годы ученый был вынужден эмигрировать из Германии. Э. Фромм предложил в ней собственное понимание сущности человека, которая, по его мнению, заключается в двойственности, противоречии. С одной стороны, человек представляет собой биологическое существо, а с другой — он отделен от животного мира. Поступки человека уже не полностью определяются инстинктами, у него также есть сознание, разум, воображение, способность к творчеству. Как писал ученый, человек утратил единство с природой, целостность существования, выделился из природы; но это явилось для него источником страданий, поскольку он почувствовал себя одиноким странником в этом мире, причем странником, объатым страхом; утратил гармонию и пытается найти ее вновь.

Содержанием истории является стремление человека обрести самого себя, реализовать свои «истинные» потребности, которые возникли взамен разорванной целостности связей с природой — потребности в общении, познании, творчестве и преобразовании мира; ощущении собственных корней и, наконец, уподоблении или идентификации (последнее, по мнению Э. Фромма, часто сводится к простому поиску признанного образца, кумира для подражания).

В «Бегстве от свободы» Э. Фромм отмечал, что свобода является одной из основных человеческих ценностей. Однако в истории известно много случаев не только самоотверженной борьбы за свободу, но и добровольного закабаления, торжества психоло-

гии подчинения. Ученый проанализировал варианты массового добровольного отречения от свободы, закабаления, психологического подчинения на примере Германии 1930-х гг. и прихода нацистов к власти, предложив оригинальную концепцию *тоталитаризма*. Э. Фромм применял понятие тоталитаризма для характеристики не только немецкого нацизма, но и режима Б. Муссолини, сталинизма, китайского коммунизма эпохи правления Мао Цзедуна. Он ставил цель выявить психологические предпосылки и исторические корни этих тоталитарных режимов, видя причины утверждения тоталитаризма в усилении психологического отчуждения личности.

Ученый нашел истоки тоталитарного сознания еще в период Средневековья. Он предложил рассматривать всеобщую историю как биографию человечества, а Средние века — как его детство. В эту эпоху каждый был прикован к своей роли в обществе, жизнь регламентировалась правилами и обязательствами; у средневекового человека не было развито самосознание, он не видел себя в качестве индивидуальной личности. Поскольку средневековое общество было крайне стратифицировано, то каждый занимал строго и определенно фиксированное место и вырваться за предел своей ниши не мог. Человек был включен в систему связей самого разнообразного характера, зависел от власти, церкви, общины, природы; и эта зависимость создавала устойчивость, стабильность, давала ощущение гарантированности бытия. Свобода индивида отсутствовала, но было важное преимущество такого положения: он не был одинок и изолирован. Э. Фромм считал, что средневековый человек подчинялся внешним силам, т.е. проявлял *мазохизм*, который, по его мнению, являлся механизмом бегства от свободы и одновременно — средством преодоления отчуждения.

Еще один важный этап, к которому обратился Э. Фромм, — эпоха Реформации. Ученый подробно проанализировал установки, которые вырабатывали у индивида доктрины протестантизма. Он показал, что новая форма религии освободила человека от традиционных уз средневекового общества. Однако, как показал Э. Фромм, она и дала индивиду новое чувство независимости, но одновременно заставила его ощутить одиночество и изолированность, наполнила сомнением и тревогой, вынуждая к новому подчинению — совести, самоконтролю. Более того, дальнейшее развитие капитализма воздействовало на личность в том же направлении, которое было задано в эпоху Реформации, формируя интериоризованный, внутренний тип зависимости и превращая посредством этого человека в послушный винтик машины капиталистического производства. Таким образом, предшествующая история стала как бы подготовительной почвой для установления в XX в. тоталитарных режимов.



Общей чертой тоталитарных режимов XX в., по мнению Э. Фромма, было то, что они предложили индивиду новое убежище и безопасность. Его заставили испытывать чувство бессилия и незначительности и переносить все свои ожидания на вождя, государство, отечество, которым он должен был подчиняться и которых должен был обожать. Человек бежал от свободы в новое идолопоклонство, все достижения в развитии индивидуальности и разума, начиная с эпохи Средневековья и до конца XX в., были принесены на алтарь новых идолов.

Как уже отмечалось, главную социально-психологическую причину победы тоталитарных режимов Э. Фромм видел в отчужденности личности. Он предпринял психологический анализ немецкого общества 1930-х гг., собрав статистические данные, согласно которым около 10 % населения Германии фанатично приняли нацистскую идеологию и стали опорой режиму, 15 % встали на путь антифашистской борьбы, а остальные 75 % не приняли режим, но и не оказали сопротивления диктатуре. Ученый пришел к выводу, что решающую роль в укреплении фашистов у власти сыграли пассивность и конформизм основной массы населения. В эту группу вошли рабочие и буржуазия — особенно та ее часть, которую Э. Фромм определил как «*низы среднего класса*».

В 1929—1930 гг. отделом социальной психологии Франкфуртского института социальных исследований под руководством Э. Фромма было проведено прикладное социологическое исследование, целью которого стало выявление подсознательных мотивов политического поведения рабочих и определение присущего их среде *социального характера*. Основным методом стало анкетирование. Большинство рабочих выражало недовольство политическим порядком и экономической ситуацией в стране. Для опрошенных была характерна высокая политическая активность — многие из них являлись членами политических партий и профсоюзов. Однако Э. Фромм считал такое членство активностью конформистов, поскольку анализ ответов на многие вопросы позволил выявить неверие рабочих в возможность изменения своего положения, недоверие к своим лидерам. Ученый писал о том, что рабочие оставались членами своих партий и на уровне сознания выступали за политические доктрины, но в глубине души потеряли всякую веру в эффективность политической борьбы. Революция 1918 г. и установление Веймарской республики породили надежды на улучшение положения, но ситуация, сложившаяся в последующие годы, принесла разочарование и потерю веры в эффективность политической борьбы. Огромное количество народа испытывало чувство собственного бессилия и ничтожности, что стало одной из причин неспособности оказать сопротивление нацистской диктатуре.

Еще одна черта социального характера рабочих, по мнению Э. Фромма, — их скрытая авторитарность. Она была выявлена из анализа ответов на вопросы о семье, об отношении к женщинам и воспитанию детей. Например, большинство из них, независимо от партийной принадлежности, на вопрос: «Должны ли женщины работать» — ответили: «Нет, их место на кухне, с детьми». Э. Фромм пришел к выводу, что женщина нужна им как слабое повинующееся существо, находящееся в их распоряжении.

\* Авторитарность в еще большей мере была присуща «низам среднего класса». По мнению ученого, именно эта группа населения составила социальную основу тоталитаризма в Германии. Рабочие относились к фашизму отрицательно или равнодушно; мелкие лавочники, ремесленники, служащие приветствовали нацистскую идеологию. Э. Фромм выделил такие психологические черты этой группы, как узость взглядов на мир, жизнь в замкнутом мире, подозрительность, ненависть к чужакам, зависть к знакомым, выражаемые в форме негодования.

Для авторитарной личности характерно следование общепринятым нормам, подчинение авторитету; агрессия, косность мышления, цинизм, враждебность. *Авторитарный характер*, или садомазохистский комплекс, как считал Э. Фромм, представляет собой один из механизмов бегства от свободы, попытку преодолеть отчуждение личности. Он проявляется в стремлении к подчинению и господству. Причем *садизм* для Э. Фромма — нечто иное, чем в классическом психоанализе, где главным является сексуальный фактор. По мнению ученого, сердцевина садизма состоит в стремлении к власти. При этом, как отмечал Э. Фромм, садизм всегда сочетается с чувством слабости, приниженности, незначительности, стремлением подчиняться — т. е. с мазохизмом; садизм и мазохизм представляют собой два способа преодоления отчуждения, для чего оба (и садист, и мазохист) нуждаются в объекте — другом человеке.

По мнению Э. Фромма, именно садомазохистский или авторитарный характер стал определяющей социально-психологической чертой «низов среднего класса» в Веймарский период. Это было обусловлено спецификой ситуации в Германии в 1920-е гг. и в предвоенный период в целом. Авторитарный характер был присущ среднему классу и до 1914 г., но послевоенные события усилили его. Ученый отмечал, что раньше авторитет монархии, традиционалистской религиозной морали, незыблемость семьи, прочность экономического положения давали мелкому буржуа чувство уверенности, национальной гордости. Но поражение в войне, публичная дискредитация кайзера, превращение бывших красных агитаторов в министров нанесли удар по престижу государства. Наступивший после войны экономический кризис, сопровождав-



шийся поглощением инфляцией 1923 г. многолетних сбережений, Великая депрессия 1929 г. разрушили традиционные мелкобуржуазные ценности. Средний класс оказался самым незащищенным слоем, по которому ситуация ударила сильнее всего. Произошло резкое снижение социального престижа — перед лицом рабочего класса, молодежи. Таким образом, одной из причин роста популярности нацизма в среде «низов среднего класса», по мнению ученого, явилось выросшее чувство социальной неполноценности.

Особенно ярко черты, присущие среднему классу, воплотились в личности А. Гитлера. Как полагал Э. Фромм, А. Гитлер по своему происхождению был типичным представителем «низов среднего класса», в нем отразилась озлобленность мелких буржуа. Он выступил как мессия, обещая покончить с властью финансового капитала и предоставить власть сотням тысяч мелких буржуа. Нацистская идеология давала мелким буржуа почувствовать национальную гордость и превосходство. Таким образом, осуществлялась мобилизация, психологическое возрождение класса.

Идеи Э. Фромма о природе тоталитаризма в дальнейшем нашли развитие в исследованиях Х. Арндт, К. Г. Юнга и других неопрейдистов.

### 8.3. Концепция идентичности Э. Эриксона

Еще один американский ученый, стоящий у основания психиатрии, *Эрик Эриксон* (1902—1994) также родился в Германии. Он получил психоаналитическое образование, а затем практиковал в Австрии, в Венской школе психоанализа, под руководством дочери З. Фрейда А. Фрейд. В 1933 г., как и Э. Фромм, этому ученому пришлось эмигрировать из Австрии в США, где ему довелось работать во многих институтах и клиниках, а также преподавать в ряде университетов; он стал почетным профессором Гарварда.

Э. Эриксон известен как этнолог, политолог, историк; кроме того, он был практикующим психоаналитиком. В своих исследованиях он использовал многие ключевые термины и принципы классического фрейдизма. Главный вклад Э. Эриксона в науку — разработка понятия *идентичности*. Этот термин означает твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру. Это чувство адекватности и стабильности; владение собственным «Я» независимо от состояний «Я» и изменения ситуации. Сформировавшаяся идентичность — показатель зрелой, взрослой личности.

Э. Эриксон построил оригинальную схему развития человека на протяжении жизни (над которой он работал более двадцати

лет и неоднократно перерабатывал). По его мнению, в течение жизни человек претерпевает постоянную личностную эволюцию под влиянием социальных изменений, которая проходит в форме ряда психосоциальных кризисов. В книгах «Детство и общество» (1963) и «Идентичность: юность и кризис» (1967) ученый привел специальную таблицу этапов жизни. Он выделил восемь стадий развития идентичности, на каждой из которых человек делает выбор между двумя альтернативами; и от этого выбора зависит вся последующая жизнь индивида.

Э. Эриксон относил первую стадию к периоду от рождения до полутора лет. По мнению ученого, на данной стадии младенец решает главный вопрос всей последующей жизни: доверяет ли он окружающему миру. Это происходит через общение со взрослыми, в контакте со средой обитания: ребенок впитывает звуки, цвета, свет, тепло и холод, узнает язык улыбок и жестов. Ключевую роль в формировании доверия к миру играет мать.

Вторая стадия длится с полутора до четырех лет. В этот период ребенок становится более автономным. Он решает следующую задачу — обретение самостоятельности. Негативными вариантами становятся неуверенность в себе, непрерывные сомнения.

На третьей стадии — четыре — шесть лет — возникает альтернатива между инициативой и чувством вины. Расширяется жизненное пространство ребенка, все больше людей входит в орбиту его внимания. Происходит идентификация не только с родней, но и с другими взрослыми. Это время игры — игры во взрослые игры.

На четвертой стадии — шесть — одиннадцать лет — ребенок овладевает различными умениями, это оптимальное время для обучения. При ненормальном протекании этого процесса возникает чувство неполноценности.

Пятая стадия — одиннадцать — двадцать лет — ключевая для приобретения идентичности. На нее приходится кризис подросткового возраста. Человек объединяет все, что знает о себе, и создает целостное представление. В негативном случае возникает *спутанная идентичность*.

На шестой стадии — двадцать — двадцать пять лет — происходит переход к решению взрослых задач. Молодые люди вступают в дружеские отношения, в брак, появляются дети. Альтернативой становится изоляция, неумение общаться.

На седьмую стадию — двадцать пять — шестьдесят лет — приходится большая часть жизни. Главное содержание этой стадии, по Эриксону, составляет противоречие между способностью к развитию и медленным регрессом личности в процессе обыденной жизни, между генеративностью и стагнацией.



И наконец, восьмая стадия наступает после шестидесяти лет. Это время завершения жизненного пути, когда человек пожинает плоды собственной жизни. Покой и уравновешенность становятся итогом целостности личности, отчаяние выступает как следствие спутанной идентичности.

Таким образом, идентичность по Э. Эриксону — это и субъективное ощущение тождества и целостности с миром, и объективное качество. Формирование идентичности — длительный процесс, который происходит на бессознательном уровне и итогом которого становится адаптация индивида к среде и миру.

Идентичность у Эриксона имеет персональную и групповую модификации. *Персональная идентичность* — основной жизненный стержень человека. Это результат осознания себя существом, лишенным внутренней разобщенности и находящимся в гармонии с миром; ощущение своего бытия как родового существа *Homo sapiens*. Под *групповой идентичностью* ученый понимал приспособление индивидов к обществу через механизм восприятия коллективных традиций.

Важнейшее понятие концепции Э. Эриксона — **кризис идентичности**. По наблюдениям ученого, резкое изменение условий существования личности может привести к потере идентичности или чувства личной тождественности. Кризис идентичности наиболее часто проявляется в эпоху социальных перемен, когда разрушаются прежние нормы, когда люди испытывают беспокойство за будущее свое и своей социальной группы. Еще один важный вывод, к которому пришел Э. Эриксон: кризис идентичности по-разному переживается разными людьми, причем некоторыми особенно чувствительно и остро. Через призму идентичности исследователь построил модель *харизматического лидера-новатора*, которая была им апробирована на материалах биографий двух харизматических личностей — М. Лютера и М. Ганди.

**Харизма**, по Э. Эриксону, — это особый путь *социализации* будущего лидера. В силу личностных особенностей и жизненных обстоятельств он переживает социокультурные конфликты особым образом, принимая творческие решения. Сначала лидер-новатор учится разрешать конфликты в малых группах (таких, как семья, школа, монастырь у М. Лютера, каста у М. Ганди), а затем в силу своих качеств он становится олицетворением новой идентичности для широких слоев общества, где действуют те же механизмы. Харизматический лидер способен решать проблемы, актуальные для масс, которые ждут спасения в условиях кризиса. В результате он становится безусловным авторитетом у своих последователей, так как олицетворяет для них выход из создавшегося тупика. Этим проблемам посвящены книги Э. Эриксона «Молодой Лютер» (1958) и «Истина Ганди» (1969).

В своей книге о лидере Реформации Мартине Лютере (1483 — 1546) Эриксон показал социальное происхождение будущего лидера протестантизма в контексте миграции немецкого средневекового крестьянства. Ученый искал истоки кризиса идентичности Лютера, который привел к разрыву с католической ортодоксией, в конфликте с отцом. Следствием этого конфликта стал уход в монастырь, где мучительные размышления над вопросом, как согласовать подчинение воле небесного отца и отца земного вылились в углубление личностного кризиса. В итоге М. Лютер провозгласил новый тип отношений с «небесным отцом», основание веры без посредничества церкви. Он пришел к созданию новой религии, ставшей идеологией целой эпохи<sup>1</sup>.

Чтобы решить, как и почему Мохандас Ганди (1869 — 1948) стал лидером Индии не только для современников, но и для последующих поколений, Э. Эриксон также проанализировал пройденные им жизненные стадии. Ученый проследил, как задатки молодого М. Ганди в общественно-историческом контексте его существования трансформировались в новый тип лидерства. Он показал, что формирование основных жизненных установок Ганди началось еще в детстве; очень рано тот стал выступать как арбитр. Стремление стать примирителем проявилось сначала в детских играх, затем в адвокатской практике взрослого Ганди и, наконец, в политике, когда он помог достичь мирного соглашения с Англией.

Э. Эриксон отмечал особую роль родителей, которым молодой М. Ганди доверял и через которых воспринимал стереотипы окружающего мира. Исследователь показал, что в Индии в начале XX в. установка на авторитет была одним из главных компонентов ментальности: в детстве авторитет отца, в зрелости — общества, государства, нации, религии. Ученый разобрал и другие стороны жизни будущего лидера. Он реконструировал поиски юношей своей социальной роли в обществе. В условиях британского господства в Индии среди сверстников М. Ганди было распространено чувство *приниженности по сравнению с англичанами*. Как и все примеряя стиль жизни европейца, он почувствовал внутреннее противоречие и не смог пожертвовать своими ценностями. Э. Эриксон описал учебу М. Ганди в Англии, «примеривание» им английской идентичности и внутренний конфликт, к которому она привела; профессиональное фиаско М. Ганди в начале карьеры юриста, столкновение его с унижительным отношением

<sup>1</sup> В отечественной науке исследование Э. Эриксона биографии лидера европейской реформации на сходной методологической основе продолжил Э. Ю. Соловьев. См. его работы: *Соловьев Э. Ю.* Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. — М., 1984; *Он же.* Время и дело Мартина Лютера // *Прошлое толкует нас.* Очерки по истории философии и культуры. — М., 1991.



к индийцам и господством расовых предрассудков в Южной Африке, куда он отправился работать. Э. Эриксон показал, как эти этапы жизненного пути привели его героя сначала к разворачиванию кризиса идентичности, а затем к осознанию своей особой миссии — изменить существующую ситуацию, найти общее согласие. Согласно рассуждению Э. Эриксона, старые стереотипы патриархального индийского общества в сознании М. Ганди трансформировались. Он создал новую идентичность, но с преимущественно индийскими традиционными ценностями; основой ее стала идея взаимного служения.

Э. Эриксону в его историко-биографических исследованиях удалось выявить историческую обусловленность деятельности личности. Он показал, что, с одной стороны, формирование лидера происходит под влиянием социальной действительности, а с другой — осуществляется его обратное влияние на окружающий мир. Кризис идентичности лидера предстает в концепции Э. Эриксона двигателем общественного развития. Как писал Эриксон, великая личность в процессе поисков самой себя и формирования своего характера может создать характер целого исторического периода. Нужно отметить, что за свои изыскания ученый удостоился почетной Пулитцеровской премии.

\*\*\*

В ходе своего бурного развития психоанализ из узкой клинико-психологической концепции превратился в доктрину философского и социологического плана. Выводы возникшей на базе психоанализа психоистории выходят далеко за рамки ортодоксальной фрейдистской концепции сексуальности. Применяются более широкие подходы, порывающие с первоначальными биологизирующими тенденциями. Введенная в психоанализе категория бессознательного стала фактором, учет которого стал необходимым при анализе вопросов поведения, эмоций, произведений искусства, взаимоотношениях в больших и малых группах, истории общей и истории культуры.

Применение психоанализа позволяет историкам проникать в области, к которым ортодоксальный фрейдизм не имел отношения, ставить и решать проблемы, которыми З. Фрейд никогда не занимался. Сегодня психоистория является одной из исторических субдисциплин; особенно широкий размах она приобрела в США.

#### ИСТОЧНИКИ

*Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. — М., 1996.

*Демоз Л.* Психоистория. — Ростов н/Д., 2000.

- Мэтьюел Ф.* О пользе и вреде психологии для истории // *Философия и методология истории.* — М., 1977.
- Фрейд З.* Леонардо да Винчи. — М., 1991.
- Фрейд З., Буллит У.* Томас Вудро Вильсон. 28 президент США. Психологическое исследование. — М., 1992.
- Фромм Э.* Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. — М., 1992.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. — М., 2006.
- Фромм Э.* Некрофилы и Адольф Гитлер // *Вопросы философии.* — 1991. — № 9.
- Эриксон Э.* Детство и общество. — СПб., 1996.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. — М., 1996.
- Эриксон Э.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. — М., 1996.
- Эриксон Э.* Юность и кризис // *Возрастная психология. Хрестоматия.* — М., 2003.
- Юнг К. Г.* Психология нацизма // *Юнг К. Г. О современных мифах.* — М., 1994.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Гаджиев К. С., Сивачев Н. В.* Проблемы междисциплинарного подхода и «новая научная» история в современной американской буржуазной историографии // *Вопросы методологии и истории исторической науки.* — Вып. 2. — М., 1978.
- Гульбин Г. К.* Об эволюции идейно-теоретических основ американской «психоистории» фашизма // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* — Вып. 17. — Томск, 1983.
- Гуревич П. С.* Философская антропология Эриха Фромма // *Фромм Э. Бегство от свободы.* — М., 1990.
- Гуревич П. С.* Диагностика человеческих страстей // *Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя.* — М., 2004.
- Заводская И. Н.* Эрих Фромм как историк тоталитаризма: дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1997.
- Ким С. Г.* К вопросу о «психоисторической» биографии // *Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения.* — М., 1987.
- Могильницкий Б. Г.* Американская «психоистория»: претензии и реальность // *Новая и новейшая история.* — 1986. — № 1.
- Могильницкий Б. Г.* Психоистория // *Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций.* — Вып. 3. — Историографическая революция. — Томск, 2008.
- Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Гульбин Г. К.* Американская буржуазная психоистория. Критический очерк. — Томск, 1985.
- Мучник В. С.* Некоторые аспекты проблематики «личность — сознание — бессознательное» в современной историко-психологической литературе // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* — Вып. 21. — Томск, 1994.



*Николаева И. Ю.* Проблема революционной личности в американской «психоистории» // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. — М., 1987.

*Николаева И. Ю.* Проблема социальной революции в современной буржуазной «психоистории»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1984.

*Николаева И. Ю.* Э. Эриксон — пионер «психоистории» // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 15. — Томск, 1982.

*Рахмиров П. Ю.* Социологические и психологические интерпретации фашизма в современной буржуазной науке // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 11. — Томск, 1976.

*Руткевич А. М.* «Анатомия деструктивности» Э. Фромма // Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. — М., 1992.

*Соколов А. Б.* Американская историография во второй половине XX — начале XXI в. Психоистория // Соколов А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. — Ярославль, 2007.

*Соколов А. Б.* Психоистория // Соколов А. Б. Введение в современную западную историографию. — Ярославль, 2002.

*Соловьев Э. Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Вопросы философии. — 1981. — № 9.

*Сонин В. А.* Эрик Эриксон: эго-психология и феномен личности // Эриксон Э. Детство и общество. — СПб., 1996.

*Телятников Э. М.* Биографическая справка // Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998.

*Шестопал Е. Б.* Психоаналитическое движение в исторической науке // История СССР. — 1991. — № 4.

*Шкуратов В. А.* Психоаналитическое направление в исторической психологии // Шкуратов В. А. Историческая психология. — Ростов н/Д, 1994.

*Элкинд Д.* Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни // Эриксон Э. Детство и общество. — СПб., 1996.

## ГЛАВА 9

### Количественная история в американской историографии

Клиометрия (квантитативная история, количественная история) • «Новая экономическая история» • Гипотетическая дедуктивная модель • Контрфактическая ситуация • Контент-анализ • Клиополитология • «Новая политическая история» • Историческая демография • Новая научная история.

✓ Р. У. Фогель «Тихоокеанская железная дорога» (1960); «Железные дороги и американский экономический рост. Очерки по эконометрической истории» (1964)

- ✓ Р. У. Фогель, С. Энгерман «Время на кресте» (1974)
- ✓ Р. Меррит «Зарождение американского национализма: квантитативный подход» (1968)
- ✓ Дж. Г. Силон «"Делегаты из народа": Количественные исследования поведения американских законодателей» (1982)
- ✓ М. Хаммарберг «Анализ численных данных о выборах в США» (1982)
- ✓ Э. Д. Коул «Снижение рождаемости в Европе со времен Французской революции до Второй мировой войны» (1979)

### 9.1. Общая характеристика количественной истории

Рассматриваемое направление имеет различные наименования — *клиометрия*, *квантитативная*<sup>1</sup>, или *количественная история*. Речь при этом идет об одном — о математизации исторической науки. Характерно, что сам термин ввели почти одновременно математики и историки. Об этом направлении заговорили в 1950—1960-е гг., когда обратились к активному использованию электронной вычислительной техники — результата научно-технической революции. Сегодня клиометрия и компьютерные технологии — вещи неразделимые.

Историки и до возникновения количественной истории при качественном анализе явлений нередко делали приблизительную оценку, которую выражали в статистических (количественных) суждениях: большая или меньшая роль; сильная или слабая тенденция, выше или ниже темп развития; развитые и неразвитые отношения. Однако это достаточно неопределенные оценки; существует необходимость измерить, детализировать — не просто мало или много, а насколько.

При обращении к методам математики вместо двух крайних оценок (больше — меньше) появилась целая шкала значений, что позволяет значительно расширить возможности сравнительно-исторического метода. Историки-квантификаторы стали создавать сложные математические модели, использовать процентные соотношения, строить графики, чертить таблицы; использовать численные, статистические материалы для подтверждения тех или иных положений.

Количественная история потребовала обращение историков к методам других наук — не только математики, но и таких связанных с применением математических методов дисциплин, как статистика, экономическая наука, демография, социология и др.

<sup>1</sup> Первое название происходит от лат. слова *quantum* — «сколько», второе от греч. «клио» — «история» и «метрио» — «измерять».



Было характерно стремление увести историю из сферы гуманитарных наук в число точных, т.е. сделать ее собственно наукой, «научной историей».

Поклонники этого нового направления связывали с использованием математических методов большие надежды. Высказывалось мнение, что грядет настоящая «клиометрическая революция», которая «сметет» традиционную историю, так как компьютерные технологии откроют возможность выйти на недоступный прежде уровень исторических обобщений.

Особенно широкое применение математические модели получили в изучении экономической истории. Еще в 1957 г. национальным бюро экономических исследований США совместно с американской ассоциацией экономической истории была проведена конференция, посвященная изучению дохода и благосостояния американцев в исторической ретроспективе. На этой конференции впервые было провозглашено новое направление — *новая экономическая история*. Это направление основано на применении в изучении экономики прошлого методов статистики, математики и экономической теории. Влиятельные частные фонды — Форда и Рокфеллера — поддержали начинание; была получена поддержка и от Национального научного фонда.

Одним из основателей «квантитативной школы» в США был С. Кузнец; среди виднейших представителей можно назвать также Д. Норта, С. Энгермана и Р. Фогеля.

## **9.2. Роберт Фогель об особенностях клиометрии. Исследования Р. Фогеля по экономической истории**

Мировой величиной в клиометрии является *Роберт Уильям Фогель* (род. в 1926) — профессор Гарвардского, Техасского, Чикагского университетов. Сильное влияние на ученого оказала теория стадий экономического роста английского историка-экономиста У. У. Ростоу. Р. Фогель развивал идеи технологического детерминизма, изучал методы математического моделирования. Именно он первым обратился к теоретическому обоснованию содержания количественной истории. По мнению Р. Фогеля, клиометрия — это не просто сбор и исследование цифрового материала как иллюстрации к качественным выводам. Количественные характеристики должны стать основой, фундаментом для выводов. Исследователь выявил отличительные черты клиометрии, которыми, по его мнению, являются статистическая ориентированность, приложение к изучению экономической истории экономической теории и, наконец, попытка представить прошлое в виде

*гипотетических дедуктивных моделей.* Построение последних состоит в том, чтобы теоретически воссоздавать и изучать *контрфактические ситуации* — те, которых на самом деле не было, но которые возникли бы, если бы имелись или наоборот отсутствовали некоторые условия.

Первая книга Р. Фогеля, вышедшая в 1960 г., называлась «Тихоокеанская железная дорога» и содержала попытку определить экономический эффект названной дороги. Во второй книге — «Железные дороги и экономический рост Америки. Очерки по эконометрической истории» (1964) — он постарался рассчитать экономический эффект от железнодорожного строительства в США в XIX в. в целом.

Р. Фогель поставил задачу провести разбор и опровергнуть существующее в традиционной американской историографии положение о том, что железные дороги были необходимы для экономического развития США в XIX в. Аргументы «за» понятны. Железные дороги сыграли главную роль в освоении Запада; они расширили внутренний рынок; потребность в угле, железе, локомотивах, вагонах, шпалах явилась основной причиной роста промышленного производства в США; за счет строительства и обслуживания железных дорог выросла занятость населения; наконец, они обеспечили удобство (комфорт и скорость) и дешевизну передвижения.

Однако Р. Фогель считал иначе — описание того, что сделали железные дороги, еще недостаточно для доказательства их необходимости. С его точки зрения, положение о необходимости железных дорог для экономического роста США подразумевает, что в случае отсутствия этого вида транспорта уровень экономического развития был бы значительно ниже, чем тот, который был на самом деле. Таким образом, нужно было исследовать, как развивалась бы страна в XIX в., если бы ей пришлось обходиться только водным и гужевым транспортом. По мнению ученого, чтобы правильно оценить роль железных дорог, следовало рассмотреть контрфактическую ситуацию, построить гипотетическую модель: США в XIX в. в ситуации отсутствия железных дорог.

Была поставлена цель измерить уровень экономического развития в этой контрфактической ситуации и сравнить с тем, который был на самом деле. Предполагалось, что если анализ покажет, что влияние железных дорог на рост экономической мощи США в XIX в. значительно по сравнению с другими видами транспорта, и что именно это влияние объясняет экономический рост Америки в XIX в., только тогда правомерно говорить о необходимости железных дорог. Такого исследования никто никогда не проводил, а значит, положение о необходимости железных



дорог спорно; более того, оно неверно, и его можно и нужно опровергнуть.

Р. Фогель предположил, что воздействие железных дорог на экономическое развитие и социальную структуру страны сильно преувеличено. Он поставил своей главной целью доказать, что железные дороги не сыграли решающей роли в экономическом развитии США в XIX в. Показатели, которые нужны были для этого, никогда не существовали. Выход — построить гипотетическую дедуктивную модель, вывести возможные величины. Р. Фогель положил в основу своей модели понятие *общественного сбережения* железных дорог. Общественное сбережение в каждый конкретный год — величина, на которую действительная цена перевозки товаров отличалась от альтернативной цены в случае отсутствия железных дорог — водным и гужевым транспортом. Предполагалось, что если окажется, что общественное сбережение мало, то это будет означать, что железные дороги не оказали значительного влияния на экономическое развитие страны.

Р. Фогель в своей работе рассмотрел сельскохозяйственные перевозки, высчитывая общественное сбережение, полученное при перевозке пшеницы, ржи, свинины и говядины. На сельскохозяйственном рынке это были самые ходовые товары, на которые всегда есть спрос. Рассматривая перевозки товаров между областными пунктами в течение одного, 1890, года, ученый применил специальную формулу с тремя неизвестными, в которой учел действительную цену перевозок товаров и гипотетическую цену в условиях отсутствия железных дорог, среднее расстояние перевозок в том и другом случае и, наконец, общий тоннаж перевозок товаров в рассматриваемом году.

Часть данных была в сельскохозяйственных переписях, часть пришлось вычислить самостоятельно. Р. Фогель провел огромную работу и в результате рассчитал искомое общественное сбережение, которое оказалось равным 0,6 % валового национального продукта (ВНП) США 1890 г. Для учета внутриобластных перевозок (с ферм на рынки) Р. Фогель сконструировал другую формулу, в которой было уже не три, а девять переменных. В этом случае общественное сбережение получилось равным 2,8 % ВНП. Эта цифра была больше первой, что Р. Фогелю не понравилось. Ученый заявил, что она завышена, и рассчитал степень завышения. В итоге, в результате всех расчетов, общественное сбережение оказалось равным 1,8 % от национального дохода страны. Исследователь сделал вывод, что при уровне экономической мощи США, который был в 1890 г., падение национального дохода на 1,8 % задержало бы развитие страны на три месяца. Это означало, по его мнению, что применение железных дорог для сельскохозяйственных перевозок не оказало значительного влияния на

рост производственного потенциала страны. Р. Фогель писал о том, что не паровая машина и не паровоз, а усилия фермера и старое рабство создали американское богатство в прошлом столетии.

Исследование Р. Фогеля было проведено по всем канонам одного из направлений клиометрии — «новой экономической истории»: была рассмотрена контрфактическая ситуация, построена гипотетическая дедуктивная модель; применена экономическая теория; широко использованы математические уравнения, которые ученый сам сконструировал. Работа пестрит цифрами и процентными выкладками.

Как выяснилось, Р. Фогель допустил много недочетов, многие его расчеты были отвлеченными. Например, из-за отсутствия холодильников невозможно было перевозить мясо; перевозился живой скот, для которого был необходим корм, стоимость которого не была учтена; не были учтены болезни и падеж скота и др.

Главный вопрос состоит в том, нужно ли все это истории: исследование ситуации, которой не было, вымыслы, предположения, нереальный мир? Конечно, работа Р. Фогеля не стала доказательством ненужности железных дорог, которые обеспечили скорость передвижения, возможность перевозить товары, которые раньше не перевозились, и многое другое. Однако в целом можно утверждать, что предлагаемый американским ученым подход открывает для исторического познания новые горизонты, что это еще один вариант междисциплинарной интеграции.

Сенсационный характер носила еще одна книга Р. Фогеля — «Время на кресте» (1974), написанная им в соавторстве со Стенли Энгерманом (род. в 1936 г.). Выводы, к которым пришли авторы, потрясли не только историков и интеллектуальный мир, но и всю Америку. Ученые обработали при помощи математических и статистических методов комплекс архивных данных плантационных хозяйств Юга накануне Гражданской войны 1861 — 1865 гг. и получили результаты, прямо противоположные устоявшимся в исторической науке. Они пришли к выводу, что рабовладельческие хозяйства с экономической точки зрения были более эффективны, чем вольнонаемный труд в сельском хозяйстве и Юга и Севера; что труд негров-рабов был более производительным, чем труд свободных; что рабы находились в довольно сносных условиях существования, и их положение нельзя назвать невыносимым. Р. Фогель и С. Энгерман заявили, что некоторые категории белых вольнонаемных работников жили хуже, работали дольше, чем рабы-негры, не пользовались никакой помощью и получали гроши. Однако если положение негров было довольно сносным, а рабовладельческие хозяйства рентабельными, то чем было вызвано движение за отмену рабства? Исследователи заявили, что в



этом движении за важную роль сыграли не столько экономические и социальные, сколько моральные факторы.

Эти неожиданные выводы заставили ученых — историков и экономистов — вернуться к, казалось, хорошо изученной теме плантационного рабства в США. Как и в случае исследования железных дорог, оппоненты противопоставили концепции Р. Фогеля и С. Энгермана целый ряд контраргументов. Крупные плантационные хозяйства действительно имели много преимуществ, но рост общественного благосостояния в северных штатах заметно опережал аналогичный же процесс на юге. Экономическая эффективность была свойственна лишь для крупных и средних плантаций, а их было всего 4—6 % от общего числа плантационных хозяйств.

Кроме того, как показали противники Р. Фогеля, он снова не учел многие важные экономические факторы. Хлопок — товар, производимый на продажу, и США были монополистами в его производстве на мировом рынке. Перерабатывалось сырье на севере страны, там же оно проходило все стадии превращения в конечный товар, если не продавалось за рубеж. Таким образом, в сохранении рабства были заинтересованы не только плантаторы-рабовладельцы, но и элита северных штатов, извлекающая немалые выгоды от эксплуатации труда негров.

В целом книга Р. Фогеля и С. Энгермана вызвала бурные историографические дискуссии. На нее было написано более 800 рецензий. Американская историческая ассоциация в 1974 г. провела специальную конференцию, на которой была высказана суровая критика в адрес авторов «Времени на кресте». В 1970-е гг. Р. Фогель стал любимцем прессы, создав рекламный образ своего рода «клиометриста-революционера».

### 9.3. Контент-анализ как один из методов количественной истории

Основная часть методов, применяемых клиометристами, была заимствована ими из математики и статистики (в том числе к ним относятся и методы исторического моделирования, которые нашли применения в работах Р. Фогеля<sup>1</sup>). Однако один из методов, применяемых в количественной истории — контентный анализ — заимствован из социологии. *Контент-анализ* в переводе с английского буквально означает «анализ содержания». В отличие от традиций, заложенных Р. Фогелем, использование этого метода

<sup>1</sup> В числе других методов, не поясняя их специфику, можно назвать методы выборки и группировки, графические методы, метод корреляции, методы многомерной типологии и пр.

не требует от историков специальных математических или экономических знаний и дает хорошие результаты; этот метод надежен и сравнительно прост.

В контент-анализе выделяется четыре основных понятия:

*единица текста* — ей может быть газетное сообщение, заметка, приветственная телеграмма;

*смысловая единица* — ей может быть отдельная проблема, тема;

*индикатор (слово-символ)* — признак, по которому определяется наличие проблемы, темы и отношение автора сообщения к ней;

*единица счета* — частота упоминания слова-символа.

В исследованиях текстов с помощью контент-анализа смысловой единицей может выступать понятие, выраженное отдельным словом, термином или сочетанием слов. Понятие может быть из разряда политических (например: «демократия», «самодержавие», «реформа», «конституция»), правовых («закон», «преступность», «коррупция»), философских («материализм», «индивидуализм», «гносеология», «диалектика») и пр. Смысловой единицей могут выступать идея, суждение, отдельная законченная мысль, а также имена людей, географические названия, названия организаций и т.д. Всякий раз они выбираются не произвольно, а исходя из задач исследования и особенностей источника. Определение смысловой единицы чрезвычайно важно для всей процедуры контент-анализа. Позитивные результаты дает контент-анализ, когда слова-символы являются опознавательными знаками какой-либо национальной принадлежности (русский, немецкий, американский), политической ориентации (консервативный, радикальный, демократический), религиозных убеждений (мусульманский, протестантский, буддийский).

Интересным опытом исследования при помощи контент-анализа служит работа американского историка Р. Меррита «Зарождение американского национализма: квантитативный подход» (1968). В 1775—1783 гг. североамериканские колонии развернули освободительную войну против колониального господства. Войне за независимость предшествовало складывание североамериканской нации, а оно, в свою очередь, было следствием подъема национального самосознания. Вопрос, когда произошла психологическая, духовная эмансипация, предшествовавшая освобождению жителей колоний от метрополии, долгое время оставался дискуссионным. Высказывались разные точки зрения; согласно одной из них «американизация» колонистов проходила медленно и постепенно в течение всего колониального периода, согласно другой — что оно возникло только после обретения колониями свободы.



Для проверки высказанных в историографии мнений был проведен контент-анализ. Было исследовано семь американских газет, выходящих в 1735—1775 гг. в пяти крупнейших городах (Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Чарльстон, Вильямсбург). Была разработана специальная программа. В качестве смысловой единицы были взяты слова-символы, которые отождествляли (идентифицировали) население колоний с британским или с североамериканским сообществом. Для точности слова-символы были разделены на пять групп:

- символы прямой британской идентификации («Британская Северная Америка», «английские колонии», «английские провинции», «британские колонисты»);

- символы идентификации с британской короной («колонии его величества», «королевские колонии», «королевские американцы»);

- символы неявной, скрытой британской идентификации («колониальные провинции», «колонисты», «провинциалы»);

- символы неявной, косвенной американской идентификации («континент», «страна», «соединенные колонии в Северной Америке»);

- символы прямой американской идентификации («Америка», «Северная Америка», «американцы», «северные американцы»).

Три первых группы символов были объединены в один класс родственных понятий, которые связывали колонии и колонистов с Британией; две последние группы — во второй класс понятий, которые отождествляли колонии и их население с Америкой.

Газетный материал огромен, задача стояла сверхсложная. Чтобы ее облегчить и сделать реальной, нужно было избавиться от пустых заметок. Была взята та часть информации, которая посвящалась политическим новостям (где самосознание американцев проявлялось лучше, чем в рекламных объявлениях или хронике). Для уменьшения объема работы изучались не все выпуски газеты, а по пять номеров каждой из семи газет в год; их выбор определялся случайностью. Единицей текста стал один номер газеты, единицей счета — частота упоминания слова-символа. Всего было проанализировано 1435 газет; их прочитали, выявили и зафиксировали каждое появление слова-символа — и заменившие его местоимения.

Контент-анализ показал, что за 41 год использование символов американской национальной идентичности выросло в 320 раз. Вначале было 0,66 символа на один газетный номер (1730-е гг.), а позже — 22 символа в одном номере. Таким образом, накануне войны за независимость эти слова-символы стали чаще употребляться на страницах газет. Изменилось и соотношение символов британской и американской идентификации. В 1730 г. преоблада-

ли британские символы, на их долю приходилось 57 %. А к 1775 г. все изменилось с точностью до наоборот. К концу колониального периода число североамериканских символов выросло до 63 %, причем с 1755 г. их доля никогда не опускалась ниже 50 %.

Таким образом, использование контент-анализа достаточно определенно указало то время, когда чувство принадлежности к североамериканской нации охватило большинство населения Северной Америки и послужило психологической причиной для начала войны за независимость. Полученные результаты нетрадиционны, но вполне оправданы.

#### **9.4. Применение количественных методов в изучении политической и демографической истории**

Наиболее продуктивными сферами применения клиометрии, помимо экономической истории, стали политическая история, историческая демография и социальная история (о которой речь пойдет в следующей главе). В области политической истории количественные методы стали применяться в начале 1980-х гг. На их основе возникло новое исследовательское направление — *клиополитология*, — рассматриваемое как часть так называемой *новой политической истории*. В рамках этого направления выделилось три группы исследований. Первая, наиболее обширная, группа представлена исследованиями процессов голосования и выборов в США. Ко второй группе можно отнести работы о парламентском поведении представителей на основе анализа общих списков голосования. И наконец, целая серия работ посвящена анализу коллективных биографий представителей политических элит (законодателей, сенаторов и пр.). Цель этих исследований — связать социально-экономические условия жизни представителей политических верхов с их политическими решениями на уровне штатов или государства. В качестве примеров осуществленных в этом русле исследований можно назвать опубликованные в составленном по материалам совместных советско-американских конференций клиометристов отечественном сборнике статьи американских ученых Дж. Г. Силона «“Делегаты из народа”: Количественные исследования поведения американских законодателей» и М. Хаммарберга «Анализ численных данных о выборах в США» (1982).

Хорошие результаты математико-статистические методы дают в исследованиях по *исторической демографии*. Применяемые в ее рамках источники — метрики, записи церковных приходов и пр. — анализировать вручную слишком трудоемко. Нужно учесть записи о крещениях, венчаниях, похоронах и пр. Составляются специальные бланки с отметками о датах рождения, месте жи-



тельства, профессии, детях, данные по дворам и хозяйствам и пр. Создаются специальные программы, и на их основе делаются выводы о социальном составе населения, занятиях, имущественном положении, социальной мобильности и т.д. Можно сослаться на опубликованную на русском языке статью по исторической демографии американского историка Э.Д. Коул «Снижение рождаемости в Европе со времен Французской революции до Второй мировой войны» (1979).

\*\*\*

В целом нужно констатировать широкое распространение клиометрии как в США, так и за их пределами<sup>1</sup>. Как уже отмечалось, «третье поколение» «Анналов» во Франции выдвинуло целую плеяду энтузиастов количественной истории; здесь количественные методы особенно широко использовались в исследованиях по демографической истории. В Великобритании математические методы нашли широкое применение в рамках изучения исторической демографии и социальной истории. Своя модель количественной истории есть и в немецкой историографии; акцент в ней ставится на изучении массовых явлений. В отечественной науке, начиная с рубежа 1970—1980-х гг. количественной историей занимался московский ученый И.Д. Ковальченко. По его инициативе были созданы особая комиссия по применению количественных методов при Академии наук, а также ряд исследовательских лабораторий в вузах. Под руководством И.Д. Ковальченко были выпущены первый учебник и целая серия сборников, посвященных применению методов математики в историческом исследовании. Другой заметной фигурой в этой области истории является руководитель лаборатории исторической информатики исторического факультета МГУ Л.И. Бородин. В отличие от стран Запада, в России спектр количественных исследований оказался очень широким, он не концентрируется в какой-то определенной области (делались попытки применить количественные методы и к изучению экономической и политической жизни, и к анализу общества и культуры).

Таким образом, в каждой стране клиометрия приобрела определенные особенности. Однако есть и нечто общее, что объединяет все национальные школы — это стремление к выявлению внутренних закономерностей различных исторических явлений и процессов методами математики. Нужно отметить, что количественная история была особенно популярна в 1960—1980-е гг., однако с начала 1990-х гг. интерес к ней стал падать, это направ-

<sup>1</sup> Международное признание нового направления выразилось, в частности, в присуждении в 1993 г. Нобелевской премии американским ученым Р. Фогелю и Д. Норту — за развитие новых подходов в исследованиях по экономической истории.

ление немного уступило свои позиции, хотя и не утратило совсем своего значения. Сегодня в американских университетах преподаются специальные квантитативные курсы, созданы общества историков-квантификаторов, есть свои журналы. Претензии количественной истории на создание всеобщей, универсальной методологии истории оказались несостоятельными, но как вспомогательная дисциплина она оказалась очень полезной.

С появлением квантитативной истории в США стали говорить о формировании так называемой *новой научной истории*, к которой помимо клиометрии обычно относят также «новую социальную историю» в ее первоначальном варианте, психоисторию и некоторые другие новаторские исторические направления и школы, ориентирующиеся на взаимодействие с естественными и точными науками.

#### ИСТОЧНИКИ

*Виновскис М.А.* Квантификация и история образования: изучение роста образовательного уровня посещаемости школ и школьная реформа накануне Гражданской войны в США // Количественные методы в советской и американской историографии. — М., 1982.

*Голдин К.* Количественный подход к пониманию долговременных изменений роли замужних женщин в экономике США // Количественные методы в советской и американской историографии / отв. ред. И.Д. Ковальченко, В.А. Тишков. — М., 1982.

*Линдсрем Д.* Макроэкономические модели развития США в XIX веке // Количественные методы в советской и американской историографии. — М., 1982.

*Коул Э.Д.* Снижение рождаемости в Европе со времен Французской революции до Второй мировой войны // Новое в зарубежной демографии. Брачность, рождаемость, семья за три века / под ред. А.Г. Вишневского, А.С. Кона. — М., 1979.

*Силон Дж.Г.* «Делегаты из народа»: Количественные исследования поведения американских законодателей // Количественные методы в советской и американской историографии. — М., 1982.

*Смит Д.С.* Смерть в Соединенных Штатах Америки до 1900 г. // Количественные методы в советской и американской историографии. — М., 1982.

*Хаммарберг М.* Анализ численных данных о выборах в США // Количественные методы в советской и американской историографии. — М., 1982.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Болховитинов Н.Н.* Клиометристы и рабство в США (о книге Р.У. Фогеля и С.Л. Энгермана «Время на кресте») // Новая и Новейшая история. — 1976. — № 3.



Болховитинов Н. Н., Согрин В. В. Об основных тенденциях в развитии историографии США // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. — М., 1989.

Бородкин Л. И. Методы моделирования в зарубежной клиометрике: новые тенденции // Проблемы исторического познания. — М., 1999.

Бородкин Л. И. Метод Фогеля в зарубежной клиометрии. Новейшие тенденции // Проблемы исторического познания. — М., 1999

Гаджиев К. С., Сивачев Н. В. Проблемы междисциплинарного подхода и «новая научная» история в современной американской буржуазной историографии // Вопросы методологии и истории исторической науки. — Вып. 2. — М., 1978.

Гульбин Г. К. К вопросу о новых течениях в современной историографии США. Деп. в ИНИОН. — Томск, 1988.

Гусейнова А. С. и др. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. — М., 1984.

Кахк Ю. Ю. Математические методы в исторических исследованиях (опыт советских и американских ученых) // Вопросы истории. — 1989. — № 2.

Левчик Д. А. Р. Фогел и «новая экономическая история» // Новая и новейшая история. — 1989. — № 6.

Левчик Д. А. Историко-демографические сюжеты в «новой экономической истории» США (70—90-е гг. XX в.) // Женщина, брак, семья до начала нового времени. Демографические и социокультурные аспекты. — М., 1993.

Левчик Д. А. Узловые проблемы домонополистического развития США и школа «новой экономической истории»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1990.

Ломова С. А. Экономическая история и клиометрика: самоидентификация направлений в России и за рубежом // Новая и новейшая история. — 1997. — № 5.

Миронов Б. Н. Когда возникло национальное самосознание в США? // Миронов Б. Н. История в цифрах. — Л., 1991.

Могильницкий Б. Г. Клиометрия // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. — Вып. 3. Историографическая революция. — Томск, 2008.

«Новая политическая история» в США: анализ концепций и методов: реферативный сборник. — М., 1985.

Нохотович В. Г. «Новая экономическая история» и проблемы экономического развития США в первой половине XIX века // Американский ежегодник. — 1973. — М., 1973.

Плющев В. И. Психоаналитическое направление в историографии США (1940—1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1989.

Попова Е. И., Станкевич С. Б. Математические методы в американской историографии политической борьбы в конгрессе США // Американский ежегодник. — 1981. — М., 1981.

Промахина И. М. Количественные методы исследования в работах представителей «новой экономической истории» // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. — М., 1975.

*Селунская Н. В.* Количественная история в США: итоги, проблемы, дискуссии // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. — М., 1977.

*Соколов А. Б.* Американская историография во второй половине XX — начале XXI в. Клиометрия // Соколов А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. — Ярославль, 2007.

*Соколов А. Б.* Клиометрия // Соколов А. Б. Введение в современную западную историографию. — Ярославль, 2002.

*Соколов А. К.* О применении новых методов в исследованиях историков США // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. — М., 1981.

*Супоницкая И. М.* Американская клиометрия: эконометрика в истории // История и историки. — 1978. — М., 1981.

*Тош Д.* История в цифрах // Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. — М., 2000.

*Ушаков В. А.* Математические методы в исследованиях современных буржуазных историков США // Критика концепций современной буржуазной историографии. — Л., 1987.

*Ярауш К.* Роль количественных методов в исторических исследованиях: упадок или возрождение? // История и историки. — 1990. — М., 1990.

## ГЛАВА 10

### Американская «новая социальная история»

«Новая социальная история» • «История женщин» • Гендерная история • Гендер • «Новая городская история» (историческая урбанистика, урбан-история).

- ✓ «Журнал социальной истории» (1967)
- ✓ М. Б. Катц «Власть и политика в американской истории» (1983)
- ✓ Г. Гатман «Черная семья в рабстве и свободе. 1750—1925» (1976)
- ✓ Л. Литвак. Л. Гордон «Женское тело, права женщины: социальная история контроля над рождаемостью в Америке» (1976)
- ✓ Н. З. Дэвис «Городские женщины и религиозные изменения» (1973); «Общество и культура во Франции в раннее Новое время» (1975); «Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века» (1995)
- ✓ «Становясь видимыми: Женщины в европейской истории» (под ред. Р. Брайденталь) (1987)
- ✓ Дж. Скотт «Гендер — полезная категория исторического анализа» (1986)
- ✓ С. Тернстром «Нищета и прогресс. Социальная мобильность в городе XIX столетия» (1964)
- ✓ «Проект социальной истории Филадельфии» (под ред. Т. Хершберга)



### 10.1. Особенности американской «новой социальной истории»

Обращение к клиометрии привело к формированию ряда новых направлений, среди которых можно назвать *новую социальную историю*, являющуюся одной из самых динамично развивающихся областей современной историографии США. Именно бум критических, научных и общественно-популярных работ новых социальных историков — конечно, как и психоисториков — ознаменовал обновление историописания в США во второй половине XX в. Это была, по образному выражению профессора Д. Ратмэна, «бескровная научная революция». Как самостоятельная дисциплина американская «новая социальная история» оформилась в середине 1960-х гг. Ученые-новаторы объединились вокруг своего печатного издания «Журнал социальной истории» («Journal of Social History», 1967). В состав «новой социальной истории» вошли такие исторические субдисциплины, как «история семьи» и связанная с ней «история женщин», история города, история спорта, история увлечений, потребительская история и пр.

Особенностью этого направления является то, что большую роль в его формировании сыграли социальные факторы: не только стремительное развитие социальных наук и произошедшая научно-техническая революция, но и общественные «бури» 1950—1960-х гг. В их числе можно назвать всплеск демократических движений за улучшение экономических условий, за гражданские права, против расизма, против войны во Вьетнаме и Индокитае, студенческое движение и феминизм «второй волны».

На этом фоне развернулись исследования культурных традиций американского народа, начала широко изучаться история разных слоев американского общества: «новая рабочая история», история афроамериканцев, история иммигрантов, локальная история и пр.

С момента своего появления и до сегодняшнего дня «новая социальная история» активно вторгается в научную и общественную жизнь американского общества. Историки не только создают аналитические работы, но и активно используют средства кино, телевидения, радио и печати, вовлекают в исследовательскую деятельность любителей истории. Им самим свойственна социальная активность, они нередко становятся участниками общедемократических движений. Преподавательская, научная и публицистическая деятельность представителей этого направления способствовала обновлению демократического сознания американского общества в целом, и особенно высшей школы США.

«Новая социальная история» оформилась как самостоятельное направление в бурных дебатах со сторонниками традиционной

историографии. В 1960—1970-е гг. представители «новой социальной истории» магистральный путь развития исторической науки усматривали в идеях математизации истории и компьютеризированных научных исследованиях (неслучайно для их исследований было характерно обращение к массовым источникам и количественным методам их обработки). Однако это новое историческое направление испытало сильное влияние не только клиометрии, но и французской школы «Анналов». С середины 1970-х гг. в «новой социальной истории» усилились историко-антропологические течения, произошла ее гуманизация, отказ от одностороннего увлечения количественными методами.

### 10.2. «История семьи». Исследования семей бедняков и афроамериканцев

Одним из направлений «новой социальной истории» является «история семьи». В ее рамках проводятся демографические исследования (их объектом являются основные демографические параметры: брачность, смертность, фертильность и пр.); правовые исследования (законы и обычаи, регулирующие брачные отношения, процедура наследования и пр.); экономические исследования (семья как производственная и потребительская ячейка, женский и детский труд дома и вне дома, мужчина как главный добытчик в семье и т. д.); изучаются социальные структуры (системы родства, половозрастные группы, домохозяйство) и психологические аспекты (семейные и сексуальные отношения, нормы поведения, эмоции, чувства, ценности). Это довольно общие характеристики «истории семьи». Чтобы посмотреть, как конкретно развивались исследования, остановимся на некоторых примерах.

Признанным авторитетом в этой области стал профессор Пенсильванского университета *Майкл Б. Катц*. Ему принадлежит исследование истории бедняков и бедняцкой семьи «Власть и политика в американской истории» (1983). Традиционный имидж бедняков в США был таков: нерадивые, нерасторопные, неумелые, часто вообще мошенники. Они не хотят работать, желая лишь «отхватить лакомый кусочек от общего пирога», т. е. получить социальное пособие, деньги от благотворительных фондов.

М. Б. Катц изучил историю одной бедной семьи по фамилии Сэлливан на рубеже XIX—XX вв. и постарался развенчать традиционные представления о бедняках как тунеядцах. Ученый реконструировал умонастроения представителей этой семьи: отношения друг к другу, восприятие разных событий, например переездов, покупок, болезней. Он проанализировал, как члены семьи



относились к родне, как складывались их взаимоотношения с соседями, с работодателями, с представителями органов социального обеспечения. Исследователь привлек нетрадиционные источники: квитанции о выплате детских пособий, счета за покупки и вызовы врачей, записи врачей о болезнях, счета об оплате вызовов и пр.

М. Б. Катц доказал, что Сэлливаны — нормальная американская семья; отношения в ней носили добросердечный характер. Это порядочные люди, все не лишенные способностей. Но их судьба была искалечена безработицей родителей. Отец, потеряв работу, выпал из жизненной колеи, а система социального обеспечения, помощь государства оказалась неадекватной. Сэлливаны не были ленивыми или слабыми; напротив, они жаждали работать. «Скорее силы, потенциально разрушительные для любой семьи рабочего класса — нерегулярный труд, болезнь и неадекватное социальное обеспечение, — сплелись в ударе по ним», — писал исследователь. Также М. Б. Катц подчеркивал человеческие качества Сэлливанов, то, что они вовсе были не безнравственными, но, напротив, весьма порядочными людьми.

Семья Сэлливанов хоть и бедняцкая, но это семья белых. Особым было отношение в Америке к черным семьям. В конце 1950 — 1960-х гг. (до начала активного выступления негров за свои права) в США были широко распространены расовые теории, представления, что люди с черной кожей — дикари, которые не способны усваивать достижения цивилизации, что они не имели своей культуры и семьи. Против такой трактовки выступил профессор Ньюйоркского городского университета *Герберт Гатман* (1929 — 1988). Он исследовал особенности семейной жизни черных американцев-рабов на плантациях Миссисипи, Северной и Южной Каролины, Луизианы и Вирджинии в XVIII — XIX вв. Его работа называется «Черная семья в рабстве и свободе 1750 — 1927» (1976). Ученый доказывал в ней, что у черных американцев также существовали семьи. Это были большие, расширенные семьи, их можно было назвать кровнородственными общинами, когда несколько поколений родственников жили вместе, вели совместное хозяйство. Правда, они могли существовать в устойчивых плантационных хозяйствах, в которых труд черных невольников использовался длительное время. Ученый установил, что браки черных американцев были прочными — до 15 и более лет. В таких семьях родители много внимания уделяли детям, хотели, чтобы они заняли достойное место в обществе. Исследователь показал, что у чернокожих американцев также присутствовали семейные чувства и привязанности. Кроме того, Г. Гатман описал искренние религиозные эмоции; отмечал, что негры хотят иметь собственность, хотя бы личную, например собственный дом. Они

умели и желали трудиться. В противовес расистскому положению о «спонтанной патологичности» негров, ученый продемонстрировал существование у них самобытной культуры и высокоморальных норм поведения.

Таким образом, Г. Гатман развенчал представления о черных американцах как о дикарях, среди которых господствует промискуитетные отношения. С его подачи история семьи афроамериканцев стала новой субдисциплиной социальной истории. Заметный вклад в упрочение гуманистического отношения к черным американцам внесли Л. Литвак, С. Линд, Э. Фонер, Ю. Дженовезе, Г. Лернер. Коллектив под руководством И. Берлин осуществил сбор и публикацию источников по истории семьи черных американцев.

Именно новые социальные историки способствовали вытеснению из исторической литературы — и не только из нее — понятия «негры». В 1960—1970-е гг. стал широко использоваться термин «черный американец», а в 1980-е — «афроамериканец», который утвердился в настоящее время в американской историографии. Вытеснение устарелой и малопривлекательной для черных американцев терминологии постепенно способствовало общественному пониманию того, что они составляют достойную часть американского общества.

### 10.3. «История женщин» и гендерная история

С «историей семьи» тесно связана *история женщин*. Те, кто занимается ею, справедливо считают, что женщины нечасто становятся героями исторических публикаций — и вовсе не потому, что они пассивны в истории. Главная задача этого направления — раскрыть роль женщин в истории, которая часто игнорируется. Важный нюанс — женщины хотят показать исторический процесс в соответствии с собственным видением прошлого. «История женщин» — новое междисциплинарное научное направление, сформировавшееся на рубеже 1960—1970-х гг. под влиянием «второй волны» феминизма.

Известная исследовательница «истории женщин» Л. Гордон — сейчас признанный авторитет в этой области: она состоит в Американской Исторической Ассоциации, является профессором истории Массачусетского университета, редактором известного политико-исторического журнала «Радикальная Америка». Однако тридцать лет назад ей с большим трудом удалось опубликовать свою монографию «Женское тело, права женщины: социальная история контроля над рождаемостью в Америке» (1976). Представители традиционной истории организовали кампанию против



Гордон, объявив ее книгу безнравственной. В середине 1980-х гг. в США прокатился настоящий бум в научной и популярной литературе по проблеме рождаемости и аборт. Но в конце 1960-х — 1970-е гг. это была научная отвага. Л. Гордон осмелилась как историк обратиться к обсуждению этого социального вопроса, важного для женщин и для всей семьи, вопроса, который нередко приобретает даже политическую окраску (например, в Испании, Польше, США). Ее труду чинили трудности, но затем он был издан сразу в нескольких издательствах и быстро завоевал читательскую аудиторию, в первую очередь среди борцов за женское равноправие.

Одной из самых известных современных американских исследовательниц «женской истории» является профессор Калифорнийского, а затем Принстонского университетов, президент Американской исторической ассоциации 1987 г. *Натали Земон Дэвис* (род. в 1928 г.). В значительной части ее творчество посвящено исторической феминологии. Предметом специального исследования Н. З. Дэвис является история женщины во Франции в эпоху Реформации. Ранняя работа исследовательницы — «Городские женщины и религиозные изменения» (1973), в которой рассмотрена история женщин «третьего сословия», в частности влияние экономики на формирование духовной жизни городских женщин той эпохи. Еще одной темой, к которой обратилась Н. З. Дэвис, является изучение неформальных женских и молодежных организаций из городских и сельских низов, их ментальность и поведение в различных событиях Реформации. В своей книге «Общество и культура во Франции в раннее Новое время» (1975) историк исследовала историю неравенства и борьбы женщин эпохи Реформации за свои права. Переведенная на русский язык книга Н. З. Дэвис «Дамы на обочине. Три женских портрета XVII в.» (1995) посвящена трем неординарным женщинам XVII в., судьбы которых разрушают стереотипы нашего восприятия.

В начале 1980-х гг. произошла институционализация «женской истории» как исследовательского направления: появились многочисленные специализированные институты и центры, стали издаваться журналы и книги. Поддержку оказывали университетские бюджеты и частные фонды. Вышли целые антологии и хрестоматии по материалам женской истории. Среди них можно назвать, например, получивший широкую известность коллективный труд под редакцией Р. Брайденталь «Становясь видимыми: Женщины в европейской истории» (1987).

Можно выделить ряд наиболее распространенных в «истории женщин» исследовательских тем. Первая тема — изучение биографий известных женщин, популярных в мужской среде. Вторая тема — женские институты, ассоциации, школы и пр. Третья

тема — деятельность женщин в сфере производства и домашнего хозяйства. В рамках «истории женщин» ставятся вопросы об изменении статуса женщин в различные исторические эпохи, о положении женщин в годы войн и многие другие проблемы. Одной из популярных тем является история афроамериканских женщин.

Женские исследования развернулись в Америке в конце 1960-х — 1970-е гг. В 1980-е гг. появилось понятие *гендерной истории*, в рамках которого история женщин получила новое измерение. Под *гендером* понимают социальный пол, который противопоставляется понятию биологического пола. Стал подчеркиваться социальный характер конструирования взаимоотношений между полами. Программной стала статья американской исследовательницы-историка Джоан В. Скотт (род. в 1941 г.) «Гендер — полезная категория исторического анализа» (1986), в которой отмечалось, что гендер, во-первых, — составляющая социальных отношений, основанная на представлениях о различиях между полами, и, во-вторых, — первичный способ обозначения отношений власти. Женские исследования включились в более широкий круг исследований отношений господства и подчинения в истории.

На сегодняшний момент «история женщин» и гендерная история насчитывают несколько десятилетий своего существования. Они приобрели самый широкий международный резонанс, выйдя далеко за рамки национального развития. С подачи американских «новых социальных историков» изучение «женской» и гендерной истории завоевало себе место в мировой историографии.

#### 10.4. Историческая урбанистика.

##### Исследования истории рабочих, иммигрантов и других городских слоев

Существующая в рамках «новой социальной истории» *«новая городская история»*, или *историческая урбанистика*, возникла на пересечении истории и ряда других дисциплин — демографии, социологии, экономики, исторической географии, этносоциологии и пр.

Американская историческая урбанистика или *урбан-история* включает в себя исследования самого разного плана. Так, один из известных представителей «новой истории города», профессор Гарвардского университета С. Тернстром в 1964 г. опубликовал работу «Нищета и прогресс. Социальная мобильность в городе XIX столетия». В этой монографии при помощи количественных методов были исследованы данные переписей городского населения с целью ответить на вопрос, почему у рабочего класса США,



в отличие от Западной Европы, в рассматриваемую эпоху отсутствовал радикализм. Ученый выдвинул гипотезу: причина этого в том, что у американского рабочего всегда существовала возможность продвигаться по имущественной и социальной лестнице.

Историк изучил группу простых рабочих небольшого городка Ньюбернпорт в штате Массачусетс в XIX в. и показал, что, работая достойно, рабочие постоянно улучшали свое материальное положение. Зарплата рабочих постоянно возрастала — за счет прибавок за квалифицированный труд, за рост профессионализма, за преданность фирме, т. е. за 5, 10, 15 лет отданных предприятию и других доплат. Все эти факторы приводили к тому, что американский рабочий в целом был доволен своей жизнью, заинтересован в сохранении существующих отношений, установленных порядков. Кстати, С. Тернстром пришел к важному выводу, что при существовавших условиях труда и жизни среди американских рабочих было мало тех, кого называют «перекати-поле»; люди были склонны жить на одном месте — им присущ низкий уровень социальной мобильности.

Примером проводимых в рамках «новой истории города» исследований другого типа является осуществленный под руководством профессора Пенсильванского университета Т. Хершберга грандиозный «Проект социальной истории Филадельфии» («Philadelphia Social Science History Project»). Его целью было рассмотрение на примере истории крупнейшего города США в XIX в. социальных следствий двух процессов: урбанизации и индустриализации. Первую часть работы составило создание источникового комплекса. Работа началась со сбора и систематизации сведений; на следующем этапе эти материалы были переведены в компьютерный банк данных. Было собрано огромное количество сведений, касающихся профессиональной карьеры 2,5 млн жителей города, а также городского строительства, транспорта, промышленных предприятий и деловых контор и пр. На следующем этапе ученые осуществили обработку этих материалов по разным рубрикам: чернокожее население и белые, по нациям (немцы, ирландцы, славяне и т. д.), профессии, семьи, грамотность, вероисповедание (все эти сведения были почерпнуты из переписей населения).

На третьем этапе было предпринято комплексное изучение жизни рабочих; на основе промышленных переписей исследовалась социальная жизнь предприятий. Город был поделен на отдельные сектора и изучена жизнь отдельных районов. Так как Филадельфия, как и всякий город, место жительства не только рабочих — то проводились исследования и городской элиты. В целом проект вышел огромным по масштабу, в нем приняли участие несколько сот человек.

С начала 1970-х гг. в исторической урбанистике стала активно изучаться история иммигрантов. Американские ученые обратили внимание к жизни иммигрантских общин, процессу ассимиляции или, напротив, этническим барьерам и границам между ними. Историки пришли к выводу, что разные группы иммигрантов, приезжая в США, организуют свою жизнь согласно привычкам, традициям и привязанностям, привезенным ими из Старого Света.

Популярной темой «новой истории города» является городская география, изучение группировки жителей по социальному признаку — выделение богатых, бедных районов и гетто. Так, много внимания уделяется вопросам возникновения гетто и специфических условий жизни в них. Говорят о негритянских и латиноамериканских гетто. Раньше их рассматривали как пассивные объекты ассимиляции. Новые социальные историки пришли к другим выводам: по их мнению, этническая культура в руках негров и «латинас» становится орудием защиты, она воздвигает границу и сохраняет сообщество, даже может быть именно благодаря гетто. Еще одной темой является городская преступность, в том числе русская и итальянская мафия.

\*\*\*

Под влиянием исследований «новой социальной истории» понятие единого американского характера уступило место представлениям о плюрализме культур, в котором образ жизни и культура «белого англосакса протестанта мужчины» стал восприниматься только как один из возможных. От концепции «плавильного котла» американской нации ученые обратились к образу мозаики, плюралистического общества; от понятия «культурной ассимиляции» — к «этнической общности». Основными стали понятия «альтернативные стили жизни», «поднимающееся сознание». Историки осознали существование отдельных историй для образа жизни и деятельности каждой общности — групповой, расовой, этнической. История «черного» населения, индейцев, женщин, различных этнических групп была включена в «новую социальную историю».

Благодаря деятельности представителей этого направления понятие «цивилизация» в американской историографии охватывает теперь весь американский народ — не только средний класс, но и различные социальные группы; учитывается роль народных масс.

#### ИСТОЧНИКИ

Дэвис Н. З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. — М., 1999.



Келли Дж. Социальные отношения полов и методологическое значение истории женщин // Женщины и общество. — Вып. 2. — Тверь, 2002.

Конзен К. Н. Количественные методы и «новая история города» // Количественные методы в советской и американской историографии / отв. ред. И. Д. Коваленко, В. А. Тишков. — М., 1982.

Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. — Ч. 2. — Харьков; СПб., 2001.

#### ЛИТЕРАТУРА

Бородкин Л. И., Селунская Н. Б. Методы изучения социальной истории в американской историографии (по поводу «Проекта социальной истории Филадельфии») // История СССР. — 1978. — № 2.

Гульбин Г. К. Г. Гатман и Н. З. Дэвис против деперсонификации личности в истории (из истории американской радикальной историографии 1960 — 1970-х гг.). Деп. в ИНИОН. — Томск, 1992.

Гульбин Г. К. К вопросу о новых течениях в современной историографии США. Деп. в ИНИОН. — Томск, 1988.

Гульбин Г. К. К характеристике теоретико-методологических взглядов Н. Дэвис // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 21. — Томск, 1994.

Гульбин Г. К. О развитии американской новой социальной истории в 1960 — 1980-х гг. // К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли. — Томск, 1994.

Гульбин Г. К. Об идейно-теоретических основах американской новой социальной истории // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 22. — Томск, 1996.

Дубовицкий Г. А. Новая социальная история в историографии США // Вопросы истории. — 1989. — № 2.

Листиков С. В., Станкевич С. Б. Изучение социальной истории в США // Современная зарубежная немарксистская историография: критический анализ / отв. ред. В. Л. Мальков. — М., 1989.

Могильницкий Б. Г. Гендерные исследования в контексте современных историко-методологических поисков. Опыт Натали Земон Дэвис // Гендерная идентичность в контексте разных историко-культурных типов. Стратегия и методика гендерного образования. Программы спецкурсов. — Томск, 2003.

Могильницкий Б. Г. Гендерные исследования: опыт Натали Земон Дэвис // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. — Вып. 3. Историографическая революция. — Томск, 2008.

Могильницкий Б. Г. Становление «новой социальной истории» // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. — Вып. 3. Историографическая революция. — Томск, 2008.

Пушкарева Н. Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. — М., 1998.

Ратмэн Д. Б. «Новая социальная история» в США // Новая и новейшая история. — 1990. — № 2.

*Репина Л. П.* Гендерные исследования, историческая периодизация и проблема синтеза // Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. — М., 2002.

*Репина Л. П.* «Женская история»: проблемы теории и метода // Средние века. — Вып. 57. — М., 1994.

*Репина Л. П.* История и социология: основные тенденции в современной англо-американской урбанистике // История и историки. — М., 1984.

*Смит С.* Постмодернизм и новая социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. — 1997. — № 8.

*Соколов А. Б.* Американская историография во второй половине XX — начале XXI в. Гендерная история // Соколов А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. — Ярославль, 2007.

*Соколов А. Б.* Американская историография во второй половине XX — начале XXI в. Новая социальная история // Соколов А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. — Ярославль, 2007.

*Соколов А. К.* О применении новых методов в исследованиях историков США // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях / отв. ред. И. Д. Коваленко. — М., 1981.

*Тишков В. А.* Изучение истории семьи и статуса женщин в США // Вопросы истории. — 1988. — № 4.

*Тишков В. А.* Историческая демография в США // Историческая демография. Проблемы, суждения, задачи. — М., 1989.

*Ярская-Смирнова Е. Р.* Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. — Ч. 1. — Харьков; СПб., 2001.

## ГЛАВА 11

### «Новая историческая наука» в Великобритании. Социальная история

Теория экономического роста У.Росту • Локальная история

- ✓ Дж. Тревельян «Социальная история Англии» (1944)
- ✓ Э. Карр «Что такое история» (1961)
- ✓ Дж. Пламб «Дилемма историка» (1964), «Смерть прошлого» (1969)
- ✓ Э. Томпсон «Становление английского рабочего класса» (1963); «Этическая экономия английской толпы в XVIII веке» (1971)
- ✓ «Введение в английскую историческую демографию» (под ред. П. Ласлетта) (1966)
- ✓ «Домашнее хозяйство и семья в прошлые времена» (под ред. П. Ласлетта) (1972)
- ✓ «Общество в XIX веке» (под ред. Э. А. Ригли, 1972)
- ✓ Дж. Рюде «"Толпа" в истории. 1730—1848» (1959)



- ✓ Э. Хобсбаум «Примитивные бунтовщики»
- ✓ С. Поллард «Идея прогресса. История и общество» (1968)
- ✓ Общество по изучению рабочего класса (1960, Шеффилд)
- ✓ Группа по истории народонаселения и социальных структур (1964, Кембридж) (1959)
- ✓ Историческая мастерская (1967)
- ✓ Центр социальной истории (1984, Оксфорд)
- ✓ Британское общество социальной истории (1976)
- ✓ К. Томас «Религия и упадок магии» (1971)
- ✓ П. Берк «Народная культура в Европе раннего Нового времени» (1978)
- ✓ Ч. Ф. Адамс «Запустение города: Ковентри и городской кризис конца Средних веков» (1979)
- ✓ К. Райтсон «Английское общество в 1580—1680-е гг.» (1982)

### **11.1. Методологические дискуссии 1960-х гг.: в поисках новых подходов**

Становление «новой исторической науки» в Великобритании произошло в послевоенные десятилетия. Социально-политические сдвиги, произошедшие в мире в результате Второй мировой войны, оказали сильное воздействие на развитие британской историографии. Значительную роль в возникновении новых подходов и концепций сыграла развернувшаяся научно-техническая революция. Формирование новых тенденций в британской исторической науке в немалой степени было связано с ростом идейного влияния марксизма и процессами радикализации сознания интеллигенции.

В послевоенные годы в исторической школе Великобритании разразился кризис: распространился пессимизм, идеи релятивизма, отрицание роли истории как научной дисциплины. На этом фоне начались поиски новых подходов. Предпосылкой развития «новой исторической науки» в Великобритании явилось становление новых исторических субдисциплин, и особенно социальной истории<sup>1</sup>. Заметным явлением стала книга кембриджского историка Дж. М. Тревельяна «Социальная история Англии» (1944).

Сложение «новых путей» в историографии Великобритании началось с развернувшихся в 1960-е гг. методологических дискуссий. В январе — марте 1961 г. автор трудов по истории Октябрьской революции и Советской России *Эдвард Карр* (1892 — 1982) прочитал в Кембридже курс лекций под общим названием «Что такое история?». Прочитанное вскоре было выпущено отдельным изданием; кое-что также прозвучало по радио. Выступления Э. Карра стали

<sup>1</sup> В отличие от США, в британской исторической науке относительно мало внимания было уделено психистории и связанной с методами клиометрии «новой экономической истории».

одним из значительных событий британской историографии послевоенного периода. По своей идейной направленности они напоминали «бои за историю», которую вели основоположники «Анналов». Это был манифест в защиту исторической науки, обосновывающий ее научность и социальную значимость применительно к реалиям XX в. Подчеркивалась активная роль субъекта-творца в познании, необходимость интерпретации; важность решения историками проблем, порождаемых настоящим. Существует, как утверждал Э. Карр, две противоположные позиции историка-исследователя. Одна из них — это история «ножниц и клея», простое комбинирование фактов. Согласно второй позиции, прошлое и настоящее отождествляются, девизом становится утверждение: «Факты истории — ничто, интерпретация — все». Сам же Э. Карр в противовес таким подходам полагал, что история — это диалог между настоящим и прошлым, непрерывный процесс взаимодействия между исследователем и историческими фактами. Ученый ввел понятие *время историка*, утверждая, что чем радикальнее изменяется эпоха, в которой живет историк, тем основательнее должен меняться он сам, его взгляды.

Начинание Э. Карра поддержали. В 1963 г. дискуссия о новых путях в истории продолжилась на страницах журнала «Паст энд Презент» (англ. «Past and Present» — «прошлое и настоящее»), где вышла серия статей под общим заголовком «История, социология и социальная антропология», посвященных вопросам о месте истории в системе наук, о ее сближении с социологией и антропологией.

Развернулись размышления о кризисе исторического знания и возможностях его преодоления. Профессор Кембриджского университета *Джон Пламб* (1911 — 2001) в своей статье «Дилемма историка» (1964), а позднее в монографии «Смерть прошлого» (1969) с тревогой констатировал падение значения и влияния исторической науки. Ученый размышлял о месте истории в системе общественных дисциплин, о необходимости междисциплинарного подхода.

В 1966 г. три специальных выпуска приложения популярной газеты «Таймс» были посвящены материалам проведенного по ее инициативе симпозиума по проблемам исторической науки<sup>1</sup>. Речь в них шла о «грядущей революции» в историописании, о переходе от политической истории к социальной, базирующейся на передовых методах всех общественных наук. Эти события научной жизни стали прологом формирования в Великобритании «новой научной историографии», и в частности «новой социальной истории».

<sup>1</sup> Эти публикации были приурочены к 60-летию Британской исторической ассоциации.



## 11.2. Формирование в 1960—1970-е гг. «новой социальной истории»

Сложение и развитие «новых путей» в Великобритании пришлось на 1960—1970-е гг. «Новую историческую науку» в этой стране возглавили «левые» — либеральные историки Э. Карр, Дж. Барраклоу, Дж. Пламб, С. Поллард, а также историки-марксисты и близкие к марксизму Э. Томпсон, К. Хилл, Р. Хилтон, Э. Хобсбаум, Дж. Рюде и др. В условиях господства традиционной консервативной историографии в области политической и административной истории ведущей областью британской «новой исторической науки», «экспериментальной лабораторией» «нового исторического синтеза» стала социальная история.

К социальной истории относятся работы, которые освещают все разнообразие жизни и деятельности людей в историческом прошлом: условия труда и быта, особенности образа жизни, элементы материальной и духовной культуры. В первой половине XX в. эта проблематика отождествлялась с изучением трудящихся классов буржуазного общества; началось также систематическое изучение социальных движений капиталистической эпохи. Но во второй половине XX в. социальная история приобрела качественно новый облик.

Одним из «отцов» британской «новой социальной истории» является историк-марксист *Эдвард Томпсон* (1924—1993). Именно с публикацией ставшей впоследствии знаменитой книги Э. Томпсона «Становление английского рабочего класса» (1963) обычно связывают рождение «новой социальной истории». Другим инициатором создания британской «новой социальной истории» стал специалист по истории Древнего мира, тоже марксист Дж. Моррис. В 1952 г. именно по его инициативе и при поддержке компартии было организовано издание уже упоминавшегося выше регулярного исторического журнала «Паст энд Презент», в котором радикально настроенные либеральные и коммунистические историки стали сотрудничать с социологами и антропологами. «Паст энд Презент» превратился в своего рода британский аналог «Анналов», центр объединения новаторской науки.

Бурный рост социальной истории происходил на комплексной методологической основе. Представители «новой социальной истории» испытали сильное идейное влияние французской школы «Анналов», а также марксизма и социологии М. Вебера (для новаторской английской историографии характерна значительная социологизация). В области теории наблюдался синтез различных подходов — от глобальной истории в духе Ф. Броделя до теории стадий экономического роста английского историка-экономиста

У.Ростоу. Сильное влияние на «новую социальную историю» оказали также традиции различных школ локальной истории, историческая география и демография.

Представители «новой социальной истории» понимали ее предмет по-разному. Целью одних являлось структурное изображение общества, создание мозаики различных сторон обыденной жизни человеческих групп и индивидов. Другие историки видели самоцель в изучении социальных структур, институтов и организаций. Делались попытки придать социальной истории тотальный характер. Один из ее сторонников, например, писал, что «социальная история не есть часть истории, она представляет собой всю историю с социальной точки зрения». Согласно точке зрения одного из самых известных представителей этого направления, Э.Хобсбаума, социальная история есть история общества, и нет ничего, что не имело бы к ней отношения. Исходя из этих положений, ставилась задача синтеза, интеграции исторических дисциплин вокруг социальной истории. Ей отводилась роль не просто области знаний об определенной сфере прошлого, но формы существования исторической науки, базирующейся на междисциплинарности.

Выделилось несколько групп исследований: демографическая история, историческая урбанистика, история различных классов и социальных слоев, история общественных преобразований, история социального протеста и социальных движений и т.п. Сюда же включились история семьи, преступности, образования, детства, социальная история религии, социальная история медицины и пр.

В рамках «новой социальной истории» сформировались «новая рабочая история», «женская история», крестьянские исследования. Зачастую эти направления были связаны с развитием массовых общественных движений. Историки обратились к имевшей старинные национальные традиции «локальной истории», «устной истории» и пр. Причем основная проблематика концентрировалась вокруг истории Английской буржуазной революции, промышленного переворота, рабочего движения.

Допускались различные методы и подходы. Были привлечены статистические, математические и другие нетрадиционные методы, использовались устные источники, данные демографии и антропологии.

В русле нового направления были созданы многочисленные региональные общества местных историков — городов, графств. Они организационно оформились со своими научными обществами, журналами и школами. Так, в 1964 г. под влиянием «Анналов» возникла исследовательская группа в Кембридже, занимающаяся изучением истории народонаселения и социальной



структуры английского доиндустриального общества, т.е. демографической историей. Причем участие в работе этой группы приняли не только историки, но и социологи, демографы, географы. Более того, была поставлена задача координации усилий сотен любителей на местах, которые занимались сбором и первичной систематизацией данных местных источников, которые затем отсылались в Кембридж, где проводилось обобщение и компьютерная обработка.

В центре внимания Кембриджской группы стояли проблемы семьи, родственных и личных связей в небольших социальных и профессиональных группах. Особый акцент делался на изучении демографического режима раннего Нового времени и связи его изменений с промышленной революцией, воздействия процесса индустриализации на социальную структуру.

Первой официальной публикацией группы стал написанный под руководством П. Ласлетта учебник «Введение в английскую историческую демографию» (1966), который получил впоследствии международный успех. В 1972 г. вышли коллективные монографии «Общество в XIX веке» (ред. Э. А. Ригли) и «Домашнее хозяйство и семья в прошлые времена» (ред. П. Ласлетт). В этих исследованиях применялся междисциплинарный подход: были привлечены методы социологии и антропологии, количественные методы в духе Р. Фогеля. Деятельность кембриджской группы получила международную известность.

В Оксфорде в 1967 г. возникло другое объединение историков профессионалов и любителей — так называемая «историческая мастерская». Его представители приступили к изучению «истории снизу», «народной истории» — как результата деятельности масс людей. Изучалась повседневная жизнь, быт и культура рабочего класса; привлекались нетрадиционные источники: музыкальный фольклор, иконография; большое внимание было уделено устной истории и локальным исследованиям. История британского рабочего движения рассматривалась со стороны трудящихся классов, «снизу».

С 1975 г. стал выходить «Журнал исторической мастерской». В 1980-е гг. его коллектив выступил в поддержку женского феминистического движения, объединился с ним: с 1982 г. у журнала появился новый подзаголовок «Журнал историков-социалистов и феминистов». Начала широко исследоваться тема женщин в истории.

В 1984 г. на базе оксфордской исследовательской группы был создан Центр социальной (прежде всего «рабочей») истории. Работающие в его рамках ученые подчеркивали важность социальных функций истории, ориентируясь на массы и работу с ними (история не только писалась для рабочих, но и самими рабочи-

ми). Если до середины 1970-х гг. интенсивно изучалась проблема социальной и духовной жизни рабочих эпохи XIX—XX вв., то позднее произошло расширение проблематики за счет изучения самых разных проблем всеобщей истории (семьи, детства, женщин, народной культуры), но главной проблемой по-прежнему осталась предыстория и история капитализма.

Другие центры социальной истории были созданы в Лондоне, Уорике, Ланкастере, Сассексе, Эссексе, Лестере, Бирмингеме и пр. — каждый со своими специализациями, но в рамках все тех же устной, локальной, «рабочей» истории, истории «народной культуры», истории образования и пр.

Деятельность провинциальных центров стали координировать национальные общества и журналы. Наибольшую популярность приобрел «Паст энд Презент». В центр внимания издателей журнала были помещены переходный от феодализма к капитализму период, революция XVII в., промышленный переворот, массовые народные движения и протесты эпохи Средневековья и Нового времени. Как и в «Анналах», наибольшее внимание на страницах журнала было уделено средневековой и раннему Новому времени; относительно мало внимания, по крайней мере первоначально, отводилось древности и новейшей истории. В 1976 г. было организовано «Британское общество социальной истории».

Одним из самых известных представителей британской новой социальной истории является Э. П. Томпсон. На его научное мировоззрение и выбор исследуемой проблематики оказал влияние тот факт, что еще в 18 лет он вступил в коммунистическую партию. Томпсону довелось воевать против фашизма, он командовал противотанковым подразделением в Северной Африке и Италии. Огромное воздействие на ученого оказали венгерские события 1956 г. и роль в них Советского Союза, под воздействием которых Э. Томпсон порвал с коммунистической партией, хотя продолжал считать себя марксистом.

В знаменитой книге Э. Томпсона «Становление английского рабочего класса» в центре внимания помещено формирование английского рабочего класса и его самосознания. Историк проследил формы самоорганизации рабочих и складывания у них в ходе промышленного переворота и сопутствовавших ему изменений условий жизни «нового сознания». Английский ученый показал гетерогенность рабочего класса, ядро которого составляли, по его мнению, не фабричные рабочие, а «депрессивные» ремесленники, — сапожники, обувщики, строительные рабочие, мелкие торговцы, у которых не было и не могло быть единого классового сознания.

Хрестоматийной стала и другая работа Э. Томпсона — «Этическая экономия английской толпы в XVIII в.» (1971). Ученый об-



ратился в ней к истории социального протеста. Он изучал сознательность и организованность народных движений. В его работе нашли себе место такие темы, как хлебные бунты, революционное подполье, чартизм и пр. Э. Томпсон показал, что идея всеобщей забастовки использовалась рабочими как средство давления на промышленников, борьбы против олигархии, способ вызывать революцию. Еще одна проблема, к которой обратился ученый — развитие образования в период промышленного переворота.

Активно участвовали в становлении «рабочей» истории и «истории снизу» Э. Хобсбаум и Дж. Рюде. В 1959 г. первый из них опубликовал работу «Примитивные бунтовщики»<sup>1</sup>, второй — «“Толпа” в истории. 1730 — 1848». Ученые исследовали движения народных масс и их механизмы. Значительный вклад в изучение Английской революции середины XVII в. внес историк-марксист *Кристофер Хилл* (1912 — 2003); неслучайно в британской историографии XVII столетие иногда даже называют «веком Хилла».

В середине XX в. в британской «новой социальной истории» произошла реанимация популярной в XIX в. идеи прогресса, но в новом видении. В 1950 — 1960-е гг. приобрела популярность *теория стадий экономического роста* У. Ростоу. В рамках этой теории идея прогресса рассмотрена через призму понятия *модернизации*, были поставлены проблемы становления и развития *индустриального общества*. Постулировались идеи консенсуса классов, неизменности соотношения господства и подчинения в истории; разрабатывалась теория общества всеобщего благоденствия. В качестве примера рецепции теории У. Ростоу можно привести книгу одного из виднейших представителей шеффилдского «Общества по изучению рабочего класса» *Сиднея Полларда* (1925 — 1998) «Идея прогресса. История и общество» (1968).

### 11.3. Британская «социальная история» в 1980 — 1990-е гг. Исследование народной культуры. «Новая локальная история»

1960-е — первая половина 1970-х гг. прошли для британской «новой социальной истории» под знаменем сотрудничества с социологией и демографией. С начала 1980-х гг. в «новой социальной истории» выросло значение антропологии, произошел сдвиг

<sup>1</sup> Следует упомянуть, хотя мы не касаемся его в рамках рассматриваемой темы, многотомный обобщающий труд Э. Хобсбаума, посвященный истории Европы XIX — XX вв., вызвавший широкий резонанс и в кругах специалистов, и в средствах массовой информации: «Век Революции. 1789 — 1848» (1963), «Век капитала. 1848 — 1875» (1975), «Век империи. 1875 — 1914» (1987), «Век крайностей: мировая история. 1914 — 1991» (1996).

исследовательских интересов от изучения структур, подобных социологическим, к ментальным представлениям, ценностям, обычаям, моделям поведения. Историки начали широко исследовать массовое поведение, соотношение в нем стихийного и сознательного элементов. А. Макфарлейн, Э. П. Томпсон, К. Томас, П. Берк и другие исследователи обратились к изучению истории народной культуры, «истории снизу» (позднее «истории изнутри»). Внимание сконцентрировалось на культуре незлиты — чувствах, верованиях, духовной жизни низших слоев, интерес сместился к изучению общественных отношений в непроизводственной сфере: организации потребления и досуга, массовому обыденному сознанию и ценностям. Это направление явило собой английский вариант французской истории ментальности или исторической антропологии. Британская социально-антропологическая история при сохранении собственной самобытности вобрала лучшие традиции других национальных научных школ.

Народная культура стала трактоваться в рамках «социальной истории» очень широко как система понятий, представлений, ценностей, верований, символов, ритуалов — разделяемых абсолютным большинством общества, но имеющих и множество региональных вариантов и различий в соответствии с социальным статусом, профессиональными занятиями, общим образовательным уровнем ее носителей. Исследования «народной реформации» или «народной религии» связывались с исследованиями особенностей идеологии различных социальных слоев и интеллектуальной гегемонии господствующих классов.

Одна из тем в изучении народной культуры — магия, язычество и народная религия. Так, например, в книге К. Томаса «Религия и упадок магии» (1971) исследована история Англии XVI—XVII вв. Автор изучил систему верований в сверхъестественное и ее материальные предпосылки. В книге нашли себе место такие темы, как народное целительство, астрология, ведовство, вера в фей, духов, знамения и пр. Историк выявил факт ограничения функций магии «практической сферой» — защитой против колдовства, несчастных случаев, краж, болезней, пожаров, гибели скота и посевов и прочих бедствий; она не содержала связной картины мира, объяснения сущего, как и представлений о посмертном существовании. Томас пришел к выводам о разрыве между двумя культурами и двумя стилями жизни; о постепенном упадке народной культуры. Вокруг этих и других положений книги развернулась активная полемика.

На монографии другого английского историка *Питера Берка* (род. в 1937 г.) «Народная культура в Европе раннего Нового времени» (1978) были воспитаны целые поколения молодых историков-культурологов в Европе и Америке. Ученый подошел к про-



блемам народной культуры комплексно, показав ее общие черты и те различия, которые существовали в ее среде; а также связь установок простонародного сознания с социальными движениями, взаимодействие культуры «низовой» с культурой «образованных»; трансформацию культуры в XVI—XVIII вв. и ее причины. П. Берк использовал различные виды источников, но предпочтение было отдано фольклору — балладам, песням и разного рода историям.

Важное место в книге занял раздел, в котором автор обратил к такому распространенному феномену средневековой культуры, как карнавал. Он изучил праздничную культуру в целом и карнавальное сознание людей эпохи позднего Средневековья. П. Берк старался выявить связь персонажей карнавала с древней мифологией, проанализировал соотношение мифа и ритуала (культов весны и плодородия), изучил полисемантические смыслы карнавала (образ перевернутого мира, снятие табу, разгул страстей, социальный беспорядок и вседозволенность)<sup>1</sup>.

Имеющая богатые традиции в британской историографии *локальная история* (она вошла в круг исторических исследований с 1930-х гг.) пережила в процессе становления «новой исторической науки» настоящее «второе рождение» и превратилась в локальную социальную историю. Особенно большое количество локально-исторических работ, направленных на создание коллективной биографии деревенской, городской, приходской общины, появилось в 1970—1980-е гг. Эти работы базировались на комбинации методов исторической географии, экономической истории, микросоциологии и социальной антропологии. При этом были использованы местные источники, фиксирующие различные социальные роли, коммуникативные связи и аспекты деятельности того или иного члена локальной общины в разные периоды его жизни.

В локально-исторических работах анализируются демографическая ситуация, структура семьи и домохозяйства, порядок и правила наследования собственности, системы родственных и соседских связей, социальная и географическая мобильность, локальные политические структуры и социокультурные характеристики — т. е. все проявления жизни общины.

С середины 1980-х гг. стала издаваться серия монографий под общим названием «Региональная история Англии», призванная обобщить на региональном уровне результаты локальных исследований.

<sup>1</sup> В 1990 г. этот историк выпустил получившее большой резонанс в международной научной среде аналитическое исследование «Французская историографическая революция. Школа «Анналов» в 1929—1989 гг.».

Образцом исследования локальной антропологически ориентированной социальной истории является книга Ч. Ф. Адамса «Запустение города: Ковентри и городской кризис конца Средних веков» (1979). Работа посвящена истории указанного в названии города в XV—начале XVI в. На основе единственной городской переписи дореформенной эпохи автор воссоздал средний жизненный цикл горожанина с характерной чередой социальных ролей. В книге прослежена смена поколений, ритмы повседневной жизни, городской фольклор, ежегодные традиционные ритуалы и пр.

Другой историк, проводящий исследования в русле «новой локальной истории», К. Райтсон, опираясь на десятки локально-исторических исследований и собственные материалы, создал обобщающий труд «Английское общество в 1580—1680-е гг.» (1982). В нем идет речь о крупных социальных сдвигах XVI—XVII вв., вызванных демографическими, экономическими, культурными и административными изменениями в национальном масштабе. Исследователь показал усложнение и углубление социальной стратификации на местах, перестройку в локальных социальных отношениях, с одной стороны, и интенсификацию взаимодействия между локальными сообществами и более тесную интеграцию последних в национальную общность — с другой. Институты брака и семьи, внутрисемейные отношения, социальные группы и вертикальные связи локального уровня рассмотрены в контексте макропроцессов.

\*\*\*

В 1970—1980-е гг. в Великобритании в рамках «новой социальной истории» наблюдался настоящий бум конкретно-исторических исследований: изучались условия труда, быта, сознания, рост народонаселения, демографические изменения в связи с индустриализацией и урбанизацией. Стали исследоваться микро- и макросреды — семья, группа, фабрика, город, графство и пр. В своих сущностных чертах это направление явилось аналогом французской «новой истории», ориентирующимся на научность, обладающим социальным и эпистемологическим оптимизмом, реанимировавшим идеи прогресса, но в новом видении. Сегодня британская «новая социальная история» имеет за плечами уже несколько десятилетий развития.

Расширение структуры исторического знания выразилось в укреплении позиций социальной истории в британской академической науке, что заметно повлияло на систему преподавания и подготовки кадров в университетах и политехнических институтах. Это проявилось в увеличении объема учебных курсов по социальной истории, во введении новых специализаций и в создании при высших учебных заведениях новых научных центров и объединений.



#### ИСТОЧНИКИ

- Берк П.* Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории. — 1993. — М., 1994.
- Берк П.* «Новая история», ее прошлое и будущее // Альманах исследований всеобщей истории. XVI—XX вв. — Вып. 3. — Интеллектуальная история. — Вып. 1. — Екатеринбург, 2004.
- Джойс П.* Конец социальной истории? // Современные методы преподавания новейшей истории. — М., 1996.
- Карр Э.* Русская революция от Ленина до Сталина. 1917—1922. — М., 1990.
- Кларк П.* Время, пространство и социальный диалог: социальные изменения в британских городах в XVIII в. // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. — М., 1999.
- Ласлетт П.* История и общественные науки // Философия и методология истории. — М., 1977.
- Прайс Р.* Конец социальной и рабочей истории // Современные методы преподавания новейшей истории. — М., 1996.
- Райтсон К.* «Разряды людей» в Англии при Тюдорах и Стюартах // Средние века. — Вып. 57. — М., 1994.
- Рюде Дж.* Народные низы в истории. 1730—1848 гг. — М., 1984.
- Стоун Л.* Будущее истории // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. — 1994. — Т. 2. — Вып. 4.
- Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. — М., 2003.
- Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии. — М., 1959.
- Фитьян-Адамс Ч.* Англия Хоскинса: гений локальной истории и его тема // Диалог со временем: историк в меняющемся мире. — М., 1996.
- Хилтон Р., Фаган Г.* Восстание английского народа в 1381 г. — М., 1952.
- Хобсбаум Э.* Век империи. — Ростов н/Д, 1999.
- Хобсбаум Э.* Век капитала. — Ростов н/Д, 1999.
- Хобсбаум Э.* Век Революции. — Ростов н/Д, 1999.
- Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Европы. — 2000. — № 1.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. — СПб., 1998.
- Хобсбаум Э.* Эхо Марсельезы. — М., 1991.
- Хобсбаум Э.* От социальной истории к истории общества // Философия и методология истории. — М., 1977.
- Хобсбаум Э.* Рабочая история и идеология // Современные методы преподавания новейшей истории. — М., 1996.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Барг М. А.* «Народная история» в современной английской историографии // Новая и новейшая история. — 1987. — № 4.
- Барг М. А.* Предисловие // Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730—1848 гг. — М., 1984.

*Зверева Г. И.* Историческое знание в Великобритании второй половины XX века: пути «новой социальной истории» // Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. — М., 2002.

*Зверева Г. И.* Организация исторической науки в университетах Великобритании // Новая и новейшая история. — 1990. — № 2.

*Зверева Г. И.* Организация исторической науки в Великобритании в новое и новейшее время. — М., 1986.

*Зверева Г. И.* Основы современной организации исторической науки в Великобритании // Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. — М., 1991.

*Зверева Г. И., Репина Л. П.* Новые тенденции немарксистской историографии Великобритании // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. — М., 1989.

*Зверева Г. И., Репина Л. П.* Социальная история и «новая историческая наука» в Великобритании // Новая и новейшая история. — 1988. — № 2.

*Кабанов В. Т., Репина Л. П.* Современная британская историография. Биографический справочник. — М., 1980.

*Карначук Н. В.* Раскрытие проблем народной культуры в конкретно-исторической тематике // Карначук Н. В. Проблемы взаимоотношений народной и элитарной культур в Средние века в современной историографии: дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1996.

*Карначук Н. В.* Реформа народной культуры в Европе на рубеже Нового времени // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 21. — Томск, 1994.

*Кром М. М.* Возникновение исторической антропологии в Великобритании (60—70 гг.) // Кром М. М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. — СПб., 2000.

*Кром М. М.* Классика исторической антропологии 70—80-х гг. (Избранные работы) // Кром М. М. Историческая антропология: пособие к лекционному курсу. — СПб., 2000.

*Могильницкий Б. Г.* Западная историческая мысль 1960-х годов: преодоление «кризиса основ» // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. — Вып. 2. Становление «новой исторической науки». — Томск, 2003.

*Могильницкий Б. Г.* Западная историческая мысль и марксизм (1960—1970-е гг.) // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. — Вып. 2. Становление «новой исторической науки». — Томск, 2003.

*Мучник В. М., Николаева И. Ю.* Английская историография 1980-х гг. и народная культура // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 21. — Томск, 1994.

*Репина Л. П.* и др. «Новая локальная история» и микроистория // Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. — М., 2004.

*Репина Л. П.* На пути к новому синтезу: перспективные тенденции в современной британской историографии // Методологические и исторические вопросы исторической науки. — Вып. 21. — Томск, 1994.



*Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история // Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. — М., 1991.

*Репина Л. П.* Новая локальная история // Репина Л. П. Социальная история в историографии XX столетия: курс лекций. — М., 2001.

*Репина Л. П.* Опыт британской социальной истории // Социальная история в историографии XX столетия. Курс лекций. — М., 2001.

*Репина Л. П.* Современная демократическая историография в Великобритании: организация, проблематика, методология // Проблемы британской истории. — М., 1987.

*Согрин В. В.* Мировоззрение и методология // Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. — М., 1991.

*Согрин В. В.* Тенденции и закономерности рабочего движения // Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. — М., 1991.

*Соколов А. Б.* Британская историография во второй половине XX — начале XXI века // Соколов А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. — Ярославль, 2007.

*Стефанович П. С.* Изучение «народной религии» Позднего Средневековья и раннего Нового времени в британской историографии (смена исследовательских парадигм) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная историография. — (Сер. 5. История): Реферативный журнал. — М., 2001. — № 1.

*Уварова Т. Б.* П. Берк. Историческая антропология Италии начала Нового времени: Эссе о восприятии и коммуникации // Культура и общество в Средние века в зарубежных исследованиях: реферативный сборник. — М., 1990.

*Шарифжанов И. И.* «Новые пути» в истории // Шарифжанов И. И. Современная английская буржуазная историография. Проблемы теории и метода. — М., 1984.

*Шарифжанов И. И.* Британская школа историков-марксистов // Шарифжанов И. И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. — Казань, 2004.

*Шарифжанов И. И.* История или историческая социология? Основные концепции социализма в Англии // Шарифжанов И. И. Английская историография в XX в. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. — Казань, 2004.

*Шарифжанов И. И.* К новому историко-методологическому синтезу // Шарифжанов И. И. Английская историография в XX в. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. — Казань, 2004.

*Шарифжанов И. И.* Неолиберальные концепции исторического процесса // Шарифжанов И. И. Английская историография в XX в. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. — Казань, 2004.

## РАЗДЕЛ IV

### МИКРОИСТОРИЯ В НЕМЕЦКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

---

#### ГЛАВА 12

#### Немецкая «история повседневности»

«История повседневности» • Устная история.

- ✓ «Хохлармаркская книга для чтения: уголь не был всем: 100 лет истории Рурской области» (1981)
- ✓ «Повседневная история и социальная культура в Рурской области, 1930—1960» (под ред. Л. Нитхаммера) (1983—1985)
- ✓ «Положение женщин в мире труда и в семье в Германии в 1945—1949 гг.» (1984—1986)
- ✓ М. Клаус «Девушки в Третьем Рейхе: Союз немецких девушек (BDM)» (1983)

#### 12.1. Специфика немецкой «истории повседневности»

Как мы выяснили, 1960—1980-е гг. стали временем торжества «новой научной истории», в которой событийный пласт (хронологическое изложение событий) оказался оттесненным на задний план. В ответ зазвучало немало упреков в том, что из истории исчез человек — например, в таких направлениях, как глобальная история в духе Ф. Броделя или клиометрия; было выдвинуто требование обратного порядка — обратиться к повседневной жизни обыкновенных людей. На этой волне в исторической науке Германии возникло интересное направление — *история повседневности* или «история снизу» (нем. Alltagsgeschichte, Geschichte von unten)<sup>1</sup>. Объектами исследования в истории повседневности стали не клю-

<sup>1</sup> Помимо Германии, рассматриваемое направление получило широкое распространение в Австрии и Швейцарии. В самой Германии кроме «истории повседневности» сформировался целый ряд новаторских направлений, среди которых можно назвать историческую социальную науку или «билефельдскую школу» (Х.У. Велер, Ю. Кокка), школу исторической антропологии (Х. Медик, А. Ничке), «женскую» и гендерную историю (А. Кун, К. Хаузен, Х. Вундер, У. Даниэль) и пр.



чевые исторические события и великие личности, но жизнь простых людей. Историки направили свой взгляд на безымянных участников истории, которые не столько творили ее, сколько испытывали на себе ее силу. Специфической чертой этого направления явился интерес к субъективной стороне истории, к психологии; исследовательское внимание обратилось на восприятие и переживания людей и влияние на них общественных структур и процессов.

В рамках «истории повседневности» изучаются небольшие человеческие общности: приход, церковь, деревня, отдельные семьи. Вырос интерес к истории отдельной провинции, городка, исторической периферии, городскому кварталу, улице, одному дому или, например, пивной как месту общественного собрания (так, в период Веймарской Германии именно пивные были местом сбора национал-социалистов), столовой, прачечной и т.д. Было создано множество местных и даже домашних музеев. Так, например, в г. Констанце было организовано несколько домашних музеев по истории труда и быта, в г. Гамбурге — музей труда, в г. Вуппертале — музей ранней стадии индустриализации.

В изучении «истории повседневности» стали широко привлекаться нетрадиционные источники. Поскольку так называемое «безмолвствующее большинство» — толпа, народ — практически не оставили официальных документов, то в поле интересов исследователей попали материальные предметы (одежда, жилища, утварь, предметы труда, фотографии и пр.). Но главное в повседневной истории — это интервью, записи устных рассказов. На первый план выдвинулась практика устных опросов.

*Устная история* (*oral history*) возникла в США еще в 1930-е гг. В 1967 г. была создана «Ассоциация устной истории США», в рамках этого направления ежегодно проводятся коллоквиумы. С 1930-х гг. зародились традиции «устной истории» и в нашей стране. В ФРГ в последние десятилетия XX в. *oral history* вошла в практику университетских семинаров. Исследователи, занимающиеся ею, прежде всего собирают и публикуют материалы, таким образом самостоятельно создавая новые источники.

Среди последователей «истории повседневности» можно назвать *Альфу Людтке* (род. в 1943 г.) (чьи статьи, посвященные предмету и сущности «Alltagsgeschichte», хорошо известны российскому читателю) и *Луца Нитхаммера*.

## 12.2. Изучение повседневной жизни и социальной культуры трудящихся Рурской области

Одной из самых распространенных тем в немецкой «истории снизу» стало изучение повседневной жизни и социальной куль-

туры трудящихся масс. В ФРГ вышло в свет немало работ по этой теме, созданных историками-непрофессионалами, любителями (критики называют их «босоногими историками») на основе материалов «устной истории». Образцом подобного исследования является книга, написанная коллективом историков-любителей и рабочих из Рурской области. В течение нескольких лет они изучали историю старейшего квартала Хохлармарк небольшого города Ройхлингсхаузена. Участники проекта каждую неделю встречались с жителями квартала, слушая и записывая их рассказы о прошлой жизни, о работе, о чем думали, спорили, чему радовались или огорчались. В результате было собрано множество устных рассказов, а также фотографий, дневников, писем, стихов, песен; многие материалы полностью были опубликованы. В книге, получившей название «Хохлармаркская книга для чтения: уголь не был всем: 100 лет истории Рурской области» (1981), затрагиваются такие темы, как возникновение поселка, миграции населения, занятия, семейная жизнь, участие в революции 1918 г., сопротивление фашизму, «экономическое чудо» 1950-х гг. и его влияние на жизнь квартала, современная ситуация. Издание богато иллюстрировано факсимиле документов, фотографиями, рисунками, карикатурами и пр. Создание подобных работ, как утверждают «историки повседневности», доступно практически всем.

На материалах устных опросов создаются и серьезные профессиональные исследования. Одно из них, подготовленное группой молодых ученых (интервьюирование проводили и студенты) из городов Эссена и Хагена под руководством профессора эссенского университета *Луца Нитхаммера* (род. в 1939 г.) получило название «Повседневная история и социальная культура в Рурской области, 1930 — 1960» (1983 — 1985). Исследователи взяли 200 многочасовых интервью у пожилых людей (рабочих, служащих, домохозяйек) об их жизни в 1930 — 1960-е гг. Опрашиваемых интересовала повседневная жизнь трудящихся, отношения в семье, между поколениями, восприятие происходивших в стране событий: фашизма, войны, лагерей смерти, пленных, рабочих других национальностей, пригнанных во время войны, и пр. Была поставлена цель проследить преемственность и разрыв в сознании и поведении рурских рабочих в годы фашизма и в послевоенное время. Интересно, что большинство опрошенных называли 1930-е гг. по сравнению с 1920-ми нормальными, поскольку им были присущи устойчивость быта, постоянная работа, уверенность в завтрашнем дне — в отличие от Веймарской республики, когда развернулся социально-экономический кризис, которому способствовали инфляция, банкротство, неудовлетворенность и, как следствие, рост самоубийств. Опросы показали, что разрыв в сознании связан с войной и возвращением в 1950-е гг. к нормаль-



ной жизни; причем гранью становится не 1945 г., а 1948 г., когда была осуществлена денежная реформа и началась стабилизация жизни.

Основываясь на этих и других примерах исследовательской практики по «истории повседневности», следует отметить, что они не только позволяют увидеть новые ракурсы и грани прошлого, но нередко и пересмотреть многие устоявшиеся положения.

### 12.3. «Повседневная история» женщин в годы фашистской диктатуры

Обширная часть исследований по истории повседневности посвящена истории женщин, ведь именно они традиционно обеспечивают стабильность быта, домашней жизни. Был создан целый ряд исследовательских центров, изучающих историю женского труда, роль женщин в семейной и общественной жизни в разные исторические эпохи, но особенно в годы Второй мировой войны и послевоенный период.

В качестве примера одной из исследовательских программ можно назвать проект под названием «Положение женщин в мире труда и в семье в Германии в 1945—1949 гг.», в рамках которого были подготовлены и вышли в свет в 1984—1986 гг. два тома документов, характеризующих жизнь женщин в послевоенной Германии. Материалы показали, что в те годы женщины трудились на производстве наравне с мужчинами, более того, они обеспечивали более или менее стабильную повседневную жизнь, не говоря уже о том, что именно женщины по преимуществу разгребали развалы и приводили в порядок улицы. Но как только оживилось производство, и появилась мужская рабочая сила, общество опять оттеснило женщин к знаменитой триаде трех «К»: кухня, церковь, дети. Были проанализированы и формы участия женщин в политической жизни в послевоенный период.

В 1980-е гг. вышло в свет большое количество публикаций по истории повседневности эпохи фашистской диктатуры. В их рамках изучалось восприятие фашизма в германском обществе 1930—1940-х гг.; интерес оказался обращен главным образом к социально-психологическому плану. Целью стало воссоздание жизни «маленьких людей» в период нацизма; национал-социализм получил освещение как бы «снизу», «изнутри».

Так, например, в исследовании *М. Клауса* «Девушки в Третьем Рейхе: Союз немецких девушек (BDM)» (1983) рассмотрена история фашистской женской молодежной организации. Но внимание автора сконцентрировано не на деятельности самого союза,

а на субъективных переживаниях и поведении его членов. Исследователь предпринял попытку объяснить кажущиеся сегодня несколько странными высказывания пожилых женщин, знающих о преступлениях фашистов и переживших ужасы войны, что время, проведенное в рядах девичьего аналога «Гитлерюгенда», было для них прекрасным периодом. Анализ этого феномена делает более понятным, как фашизм «обретал власть над сердцами».

В качестве источников были использованы архивные документы, пресса, документы союза, но главное — материалы многочисленных бесед. Всего было опрошено 49 женщин, лично или по телефону (при этом делались магнитофонные или письменные записи). Автор осторожно направлял разговор, чтобы добиться максимальной самостоятельности опрашиваемых, чтобы их высказывания о мировоззрении прошедших лет не были предопределены самими вопросами.

Были проанализированы официальные документы союза. На их основании М. Клаус пришел к выводу, что идеалы трех «К» были чужды его руководителям. Напротив, они хотели сделать союз политической организацией, отвратить молодое поколение от кухни и церкви, воспитать политическую сознательность. Однако в субъективных переживаниях девушек эта идея не находила отклика. Все опрошенные, которым в те годы было 11 — 14 лет, вступили в союз не по политическим убеждениям и соображениям, а вследствие чисто эмоциональных переживаний. Они искали друг друга для общения, стремились обрести групповую солидарность, чувство защищенности, «мы». От национал-социалистической идеологии девушки были далеки, в их умы она не проникала. Они руководствовались другими мотивами — верой в фюрера и любовью к нему, любовью к Родине. Причем требование веры фюреру воспринималась девушками как радость. Их привлекали идеи служения обществу, образцы добродетели высшего порядка; они испытывали чувство воодушевления, готовность к самопожертвованию, желание быть нужными.

Однако убежденными национал-социалистками эти девушки не стали. Это проявлялось, например, в отношении к еврейскому вопросу. Многие из них вследствие пропаганды безотчетно боялись евреев и коммунистов, но не все и не всегда. Женщины вспоминали: общественный долг повелевал им рассматривать евреев как врагов; однако спрятавшихся от арестов соседей не выдавали. Девушки беседовали с пригнанными из других стран рабочими, хотя это было под строжайшим запретом. Чувство долга перед фюрером нередко отступало перед человечностью.

Другое предписание, которое девушки выполняли охотно и сознательно, — идеи физического воспитания, занятия спортом. Приветствовался крайний аскетизм в одежде и внешности — от-



сутствие косметики; рациональное питание. Идеи простоты и естественности поведения находили доверие. Распространены были сексуальные запреты: утверждалось, что это евреи и большевики развратны и уделяют много внимания сексу. Отношения с юношами носили дружественный и простой характер. Девушки думали о будущем материнстве; у них были сформированы представления о своей расовой чистоте и избранности. Господствовали представления, что муж и отец должны быть представителями арийской расы, а главное предназначение женщины — воспитывать здоровых детей для будущего великой Германии.

В заключение М. Клаус пришел к выводу, что девушки бесознательно добровольно подчинялись давлению союза, что и позволяло интегрировать их в национал-социализм. За это они получали призрачное счастье единства. Не было истеричного поклонения; они поступали, как представлялось нужным, разумным ради обретения уверенности в себе и удовлетворения своих жизненных потребностей. Девушки были действующими лицами и объектами действий других, одновременно преступницами и жертвами.

Таким образом, при обращении к «истории повседневности» картины периода фашизма перестают быть черно-белыми и обретают цвет. С одной стороны, Клаус сделал вывод, что в сознании человека в эпоху Третьего рейха присутствовал конформизм. Однако исследователь показал, что система фашизма не создала тоталитарного общества в полном смысле слова. Жизнь оказалась более сложной и многогранной. Возможности неконформистского поведения существовали, несмотря на слежку, преследования, террор.

\*\*\*

На первое место в «истории повседневности» вышла социальная практика людей. Повседневные события стали рассматриваться, во-первых, как отражение субъективной ориентации людей, и, во-вторых, как составляющая глобально-исторических событий и процессов. Помимо истории рабочих, «истории женщин», истории фашистского времени, среди наиболее популярных тем в немецкой «истории повседневности» можно назвать также «историю старости», историю школы и молодежной субкультуры и некоторые другие. Общей характерной чертой этого направления является то, что большое значение в нем отведено не только собственно исследовательской практике, но и сбору и публикации документов и воспоминаний.

Некоторые исследователи относятся к последователям «истории повседневности» с иронией, утверждая, что они «размывают» настоящую науку, используют не те источники, изучают не тех

людей, им свойственна излишняя детализация. Серьезные споры развернулись, в частности, между представителями «истории повседневности» и немецкими социальными историками. Этому направлению действительно не хватает теоретической ориентированности, обобщений. Однако есть и много плюсов: такие исследования истории «маленького человека», «маленького местечка» помогают человеку в поисках своей маленькой родины, своих исторических корней. Немецкая «история повседневности» явилась своего рода аналогом истории ментальности во Франции или социально-антропологической истории в Великобритании. Однако, в отличие от других стран, в Германии историки повседневности главное внимание сосредоточили не на средневековой эпохе и Начале нового времени, а на жизни и быте людей в недавнем прошлом, в XIX и особенно XX в.

#### ИСТОЧНИКИ

Беседа с проф. Альфом Людтке о развитии Alltagsgeschichte // Социальная история. — 2007. — Вып. 7. — М., 2008.

Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 г. // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. — 1999. — М., 1999.

Людтке А. Полиморфная синхронность: немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // Конец рабочей истории? / под ред. М. ван дер Линдера. — М., 1996.

Людтке А. Что такое «история повседневности»? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. — М., 1999.

#### ЛИТЕРАТУРА

Арнаутова Ю. Е. Между «обществом» и культурой»: о некоторых особенностях становления исторической антропологии // Одиссей. Человек в истории / под ред. А. Я. Гуревича. — М., 2004.

Ким С. Г. Историко-антропологические исследования в немецкой науке 80-х гг. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 24. — Томск, 1999.

Ким С. Г. К характеристике исторической антропологии ФРГ // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 21. — Томск, 1994.

Кром М. М. Историческая антропология и Alltagsgeschichte в Германии // Кром М. М. Историческая антропология: пособие к лекционному курсу. — СПб., 2000.

Курьянович А. В. История повседневности: особенности подхода, цели и методы // История в XXI в.: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества / под ред. В. В. Перова. — М., 2001.



*Оболенская С. В.* «История повседневности» в современной историографии ФРГ // *Одиссей. Человек в истории* / под ред. А. Я. Гуревича. — М., 1990.

*Оболенская С. В.* Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского Вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования истории повседневности // *Одиссей. Человек в истории* / под ред. А. Я. Гуревича. — М., 1996.

*Патрушев А. И.* Историческая наука Федеративной Республики Германии. От идеалистического историзма к социально-критической теории. История повседневности // *Историческая наука в XX в. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки* / под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. — М., 2002.

## ГЛАВА 13

### Итальянская микроистория

Микроистория.

- ✓ Журнал «Квадерни сторици»
- ✓ К. Гинзбург «Приметы: уликовая парадигма и ее корни» (1979); «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» (1976)
- ✓ Дж. Леви «Образы биографии» (1989); «Нематериальное наследство. Карьера одного экзорциста в Пьемонте XVII века» (1985)
- ✓ М. Грибауди «Рабочий мир и рабочий миф. Социальные пространства и группы в Турине в начале XX века» (1987)
- ✓ С. Черутти «Город и ремесла. Рождение корпоративного языка (Турин, XVII—XVIII вв.)» (1990)

#### 13.1. Особенности итальянской микроистории

*Микроистория* как исследовательское направление сложилась в Италии в конце 1970-х гг. Среди ее наиболее видных представителей можно назвать *Дж. Леви*, *К. Гинзбурга*, *К. Пони*, *Э. Гренди*. При всех существующих между ними различиях в темах и подходах, микроисториков отличает изменение объектов исследования, общее пристрастие к выбору очень небольших исторических сюжетов — истории одного человека, одного дня, одной деревни, непродолжительного периода. Но исследуемые эпизоды и казусы связываются ими с некими общественными матрицами.

Одним из наиболее важных проектов итальянских микроисториков стало издание исторического журнала «*Квадерни стори-*

чи» (итал. *Quaderni Storici* — «исторические тетради»). Обычно этот журнал уподобляют английскому «Паст энд Презент» и французским «Анналам».

Второе начинание микроисториков — книжная серия «Микроистория» (*Microstorie*), выходящая с 1980 г. в туринском издательстве Эйнауди под руководством Дж. Леви и К. Гинзбурга. Сегодня издано уже более двух десятков небольших по объему работ, в центре которых находится один частный сюжет: биография монахини или молодого художника, индустриальное развитие или социополитическая динамика в конкретной области, уголовное дело, карьера экзорциста, карнавальный или государственный праздник.

Вначале итальянскими микроисториками не было выдвинуто никакого манифеста или программной статьи, но постепенно к ним пришло признание, они обросли учениками, стали вести академические споры и рассуждать о методе. Так, например, работа К. Гинзбурга «Приметы: уликовая парадигма и ее корни» (1979), вызвавшая поток полемической литературы, содержит обоснование научной парадигмы микроисторической школы.

Изначальный пафос «отцов-основателей» микроистории был сродни интенциям сторонников «новой исторической науки» во Франции и направлен главным образом против событийной политической истории, а также против социально-структурной истории, увлекавшейся количественным анализом. Они ратовали за изучение внутреннего мира человека, за исследование самых разнообразных аспектов социального опыта и критиковали предшествующую историографическую традицию за схематизм, погоню за объективными процессами и структурами и за высокомерно-пренебрежительное отношение к действующим субъектам истории.

Однако микроисторики критиковали и историко-антропологические подходы за отказ социальным актерам в автономии — так как ментальность, по определению, разделяется всеми и определяет деятельность актеров истории. Сторонники микроистории желали предложить новую версию истории, сделать ее более человеческой, эмпирически насыщенной, интересной для чтения.

Что касается целей и методов микроисторического анализа, то решающим в его определении стало изменение масштаба исследования. Принципиально утверждается, что от выбора масштаба рассмотрения объекта зависят и результаты его познания. Изменение фокуса, по мнению микроисториков, означает не только увеличение или уменьшение размера изображаемого, но и изменение его вида и фона. Получается другая реальность, ибо происходит выбор того, что изображается. Важен не просто микропринцип, а принцип изменения.

Микроисторики стремятся к изучению разнообразия противоречивых и неоднозначных опытов и социальных представлений,



посредством которых люди конструируют мир и свои действия. Важную роль при этом заняло понятие *контекста*; осуществляется некое «собрание» множества контекстов. Микроистория постулирует, что каждый исторический актер участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и уровней — от самого локального до глобального; между локальной и глобальной историей нет разрыва<sup>1</sup>. Обращение к первоначальному опыту индивидуума, группы, небольшой территории, по мнению сторонников этого направления, как раз и позволяет уловить конкретный облик глобальной истории.

Как утверждают представители микроистории, писать микроисторическое исследование намного сложнее, чем всякое иное, потому что оно предполагает доскональное знание контекста реалий в сочетании со способностью за «уликами» увидеть общее. По словам французского ученого Ж. Ревеля, в работах микроисториков присутствуют «великие перемены века», но «сквозь пыль ничтожных событий».

«Ахиллесовой пятой» микроисторических исследований является проблема репрезентативности. Вопрос о том, может ли изучение микрособытий приводить к выводам общего значения, был поставлен почти сразу же с возникновением этого направления. Итальянские историки попытались найти выход из этой ситуации. Э. Гренди предложил оксюморон *исключительные нормы*, К. Гинзбург ввел понятие *парадигмы знака*. Итальянские ученые заявили, что сумасшедшие, больные, маргиналы, любые подчиненные группы, находящиеся на обочине общества, могут поведать об этом обществе больше, чем центральные группы. А так как при изучении микроистории неизбежно присутствует фрагментарность данных, то не столь важно, в какой степени та или иная выведенная учеными модель может быть подтверждена статистически; важнее, как она ведет себя в экстремальных условиях, когда один из параметров подвергается сильной деформации. Например, случай с мельником Меноккио в знаменитой книге К. Гинзбурга абсолютно нетипичен, но он дает очень богатую информацию о различных пластах культуры, о «возможном и невозможном». Однако спор о поисках репрезентативности микроисторического исследования остался открытым до сегодняшнего дня.

Иногда в рамках микроистории предлагается иной способ письма (хотя отказываются от традиционной формы изложения мате-

<sup>1</sup> Понятие *актер* также имеет весьма конкретную смысловую нагрузку — согласно концепции итальянских микроисториков индивиды не являются простыми выразителями анонимных сил, их «агентами», но сами определяют свои шансы и используют их.

риала далеко не все микроисторики и даже не большинство). Так, «Сыр и черви» К. Гинзбурга написан в форме судебного отчета по материалам двух инквизиционных судов. Впрочем, особый стиль присущ также знаменитой книге американской исследовательницы Н. З. Дэвис «Возвращение Мартина Герра» (о которой пойдет речь в следующей теме) и некоторым другим трудам представителей иных направлений и школ. Эксперимент с формами в литературе, развернувшийся после выхода в свет романов М. Пруста и Д. Джойса, подхватили и историки. Исследователи как бы приглашают читателя самому участвовать в конструкции и объекта исследования, и его толкования.

В конце 1980-х гг. стало заметным увлечение микроисториков биографиями и обновление проблематики и методологии биографических исследований. Этот процесс получил обоснование в программной статье Дж. Леви «Образы биографии» (1989), где он выдвигает концепцию так называемой *модальной биографии*. В качестве примера биографических исследований, бытующих на «микроисторической почве», можно назвать написанную Дж. Леви книгу о Дж. Ч. Кроче.

### 13.2. Практика конкретно-исторических исследований по микроистории

В рамках итальянской микроистории накоплены несхожие и разнообразные опыты исследования. Одним из наиболее известных ее представителей является профессор университетов Болоньи и Лос-Анджелеса *Карло Гинзбург* (род. в 1939 г.). Его книга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.», изданная в 1976 г. (на русский язык она была переведена в 2000 г.), стала настоящим бестселлером. Ученый исследовал в ней верования, установки сознания и поведения человека из народа, простолюдина. Он стремится восстановить картину мира жившего во Фриули в Венецианской области некоего мельника Доменико Сканделла, прозванного Меноккио. Фигура фриульского мельника, почти всю жизнь проведенного в небольшом горном селении Монтерале, достаточно своеобразна. Он дважды предстал перед судом инквизиции — в 1584 и 1599 гг., причем второй процесс кончился для него трагически — был вынесен приговор, за которым последовала смерть на костре.

Как уже говорилось, книга написана в форме отчета о судебном расследовании (тем более что в качестве источников были использованы сохранившиеся в архивах материалы следствия). Ученый постарался раскрыть нравственный, духовный мир, мир фантазий своего героя с помощью документов, исходивших от



людей, которые послали его на костер. Такая реконструкция умонастроений стала возможной благодаря особенностям деятельности инквизиции, писцы которой фиксировали показания обвиняемых предельно точно, стремясь передать даже интонацию.

В монографии исследован феномен сознания представителя простонародья, не только опиравшегося на устную традицию, но и активно использовавшего, осмысляя на свой лад, произведения высокой ученой культуры. Как показал К. Гинзбург, фриульский мельник оказался носителем картины мира, необычной для простолюдина. Меноккио вел обычную для селянина жизнь: держал мельницу, арендовал участки земли, был женат, имел детей, в местном обществе ему доверяли, избирая деревенским подеста и даже приходским старостой. Но, как выяснилось, он был деревенским мыслителем со своими религиозными и философскими идеями, отношением к церкви и клиру, восприятием мироздания. К. Гинзбург обнаружил хорошее знакомство своего героя с реформационными идеями и мыслями гуманистов. Меноккио критиковал папу и итальянские власти, хранил Библию на итальянском языке, отказывался от почитания священных образов и реликвий. Он признавал право быть священником за каждым, видел цель верующего в вере в Бога и в добродетельной жизни в любви к ближним, утверждал равенство всех вер. Хотя фриульский мельник считал себя правоверным христианином, но его представления во многом расходились с католической ортодоксией (так, в Христе он видел лишь одного из божьих детей; по его мнению, не только христианин, но и еретик, турок, иудей могут обрести спасение).

К. Гинзбург рассмотрел возможность контактов Меноккио с евангелическими сектами, реконструировал круг доступных тому книг, и пришел к выводу о значительной самостоятельности, самобытности мысли своего героя, который как бы «нанизывал» заимствованные им идеи на собственные представления. По мнению историка, речь идет об автономной форме крестьянского радикализма. Так, Меноккио уподоблял космогенез образованию сыра в молоке, а появление ангела и Бога — зарождению в сыре червей.

Ярко и подробно в книге описан сам процесс исследования: критика документов и проблема их интерпретации; аргументация стала частью изложения. Это диалог с читателем, которого автор вовлекает в процесс своей работы — таков один из важнейших принципов микроисторического историописания. Как писал К. Гинзбург, гипотезы сомнения и неуверенность становились частью рассказа, и поиск истины развивался в составную часть изложения полученной все же истины.

Другой известный представитель итальянской микроистории профессор Венецианского университета Дж. Леви — ученый-экс-

периментатор, не связанный единственным сюжетом. Одна из широко известных его работ «Нематериальное наследство. Карьера одного экзорциста в Пьемонте XVII века» (1985) посвящена исследованию биографий жителей небольшой пьемонтской деревни, Сантены, за пятьдесят лет (вторая половина XVII — начало XVIII в.).

С целью реконструкции политики повседневной жизни Леви собрал биографии всех жителей деревни исследуемого периода. Ученый поставил цель выявить социальные стратегии, к которым прибегали разные действующие лица в их повседневной жизни в зависимости от их положения и личных, семейных, групповых и других возможностей. Он показал присутствие «макроистории» — утверждение в Пьемонте абсолютистского государства, европейскую войну, соперничество крупных аристократических домов — сквозь «пыль ничтожных событий». В Сантене пересекались различные силы и влияния — в его жизнь стремились вмешаться крупный город Турин, расположенный неподалеку «средней руки» город Кьери, архиепископ Туринский, крупные землевладельцы округа, не говоря о группировках внутри самой деревни. Эти различные силы уравновешивали друг друга, и деревня оставалась «себе на уме», отстранившись от маневров абсолютистского государства. В Сантене в течение 40 лет заправлял нотариус-подеста Дж. Ч. Кроче. Он отлично знал все связи и умел их использовать, неизменно выступая посредником как внутри деревни, так и вне ее. Дж. Ч. Кроче не был особенно богат, его статус не давал ему особых полномочий, он не принадлежал и к миру сильных «мира сего»; но зато этот человек обладал, так сказать, «нематериальным капиталом». Информированность, ум, оказанные услуги позволяли ему наилучшим образом руководить жизнью деревни. По мнению ученого, Чезаре Кроче был необычной личностью, так как после его смерти его не смог заменить никто другой. И деревне пришлось выйти из своего полуподпольного существования, локальное управление развалилось, в свои права вступило централизованное государство.

При посредстве архивных материалов была воссоздана целая толпа персонажей, которые вмешивались в политику, ограничивали сферу деятельности государства, но одновременно способствовали его строительству. Вторая глава книги посвящена истории трех семей исполщиков Сантены, выбранным из нескольких сотен им подобных. Остальным уделено меньше внимания, но все они фигурируют в приведенной в книге таблице. Ученый вычленил из истории трех семей элементы общей модели. Они очень различны, поэтому сделали возможным выявить в коллективном поведении определенной социальной группы сразу и закономерности, и специфическое.



М. Грибауди в своей монографии «Рабочий мир и рабочий миф. Социальные пространства и группы в Турине в начале XX в.» (1987) исследовал процесс формирования рабочего класса в масштабе отдельного города. Ученый задался вопросом, одина ли рабочая культура, порождает ли она сходное поведение людей. На основании собранных им устных свидетельств о семейном прошлом рабочих исследователь показал разнообразие форм вхождения в рабочий класс и существования в нем. Он проследил пути отдельных лиц, вскрыл множество разных опытов, многообразие контекстов, в которые они вписывались, внутренние и внешние противоречия, носителями которых они являлись. Грибауди воссоздал географическое и профессиональные перемещения, демографическое поведение, стратегию установления связей, сопровождающих переезд из деревни в город; попытался установить, какие конкретные элементы составили путь каждой анализируемой семьи, как формировались ее социальная идентичность, какие механизмы определили гибкость одних и инертность других, как происходило подчас резкое изменение ориентиров и устремлений каждого индивида. Были реконструированы разные жизненные опыты и облики рабочих, и это прояснило динамику их объединения в группы и разъединения.

С. Черутти в книге «Город и ремесла. Рождение корпоративного языка (Турин, XVII—XVIII вв.)» (1990) отказалась от традиционного рассмотрения ремесленной среды в категориях принадлежности к тому или иному цеху, несмотря на то что в Турине цеховая система представлялась весьма развитой. В центр внимания попали семейные и индивидуальные стратегии социального поведения. Оказалось, что социальные и профессиональные идентичности каждый раз не были даны заранее, а являлись результатом взаимодействия конкретных причин индивидуального выбора семейных традиций и амбиций, поддержки и противодействия окружающей социальной среды, поступков людей. Социальные структуры тоже не были проигнорированы автором, исследовательница показала, что они определяли границы возможного в действиях человека. Как продемонстрировано в книге, мир ремесленников был полон конфликтов, споров, временных соглашений. При этом индивидуальные семейные стратегии обрели социальное значение. Вырисовывается широкое пространство городских связей с его возможностями и ограничениями, где ориентировались и делали свой выбор социальные актеры.

Список написанных на итальянской почве микроисторических исследований можно было бы продолжить. В целом нужно отметить, что исходным посылом микроисторического подхода была цель обогатить социальный анализ, предложить большее число его вариантов, более сложных и более подвижных; ученые стре-

милась выяснить правила устройства и функционирования социального целого. В ходе исследований стала выявляться целая сеть тесных связей и взаимоотношений (конкуренция, солидарность, объединение и пр.).

Микроисторики полагают, что исторический феномен может быть воссоздан только через реконструкцию действий всех его участников и видят одну из своих главных задач в установлении многочисленных и разнообразных связей между действующими лицами истории, именно в этом усматривая возможности ее понимания и объяснения. «Мозаика миниатюр» позволяет рассмотреть отдельные составляющие социокультурного контекста событий или явлений. Как и «история повседневности», микроистория открывает субъективную сторону исторических процессов, роль в них конкретных людей или групп — носителей конкретной культуры, а не анонимных «народных масс». Усиленное внимание исследователей обращено на единичные ситуации. В возможности раскрыть их многозначность, построить «силовое поле» взаимосвязей, охватывающих как структуры, так и действующих лиц, — микроисторики видят залог успеха постижения макроистории.

\*\*\*

Разумеется, возможности микроистории не безграничны, прежде всего потому, что уровень обобщения далеко не всегда отвечает ожиданиям. Но важным оказывается именно обращение к индивидууму и его социальным связям. При этом подход к социальному осуществляется через «нити» частных судеб отдельных людей или групп, а за этими судьбами проступает единство пространства и времени, весь клубок связей, в который они вписаны.

Как западные, так и российские историки живо откликнулись на брошенный итальянскими коллегами «микроисторический вызов». Подходы итальянской микроистории были подхвачены и развиты рядом французских исследователей, включая таких известных представителей школы «Анналов», как Б.Лепти и Ж.Ревель. В немецкой историографии на стыке микроистории и исторической антропологии работает известный историк Х.Медик. Отечественный альманах «Казус» рассматривает себя в качестве версии микроисторического направления на российской почве. Между исторической антропологией и микроисторией велись и ведутся серьезные споры. Но классические историко-антропологические труды, как, например, «Монтайю» французского историка Э.Ле Руа Ладюри, «Аженская коммуна» российского ученого В.М.Райцеса, «Возвращение Мартина Герра» американской исследовательницы Н.З.Дэвис, могут служить образцами микроисторических исследований.



## ИСТОЧНИКИ

- Гинзбург К.* Германская мифология и нацизм. Об одной старой книге Жоржа Дюмезиля // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 31.
- Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания Новейшей истории / пер. М. П. Айзенштар, Б. Т. Кабанова и др.; отв. А. О. Чубарьян, Ф. Гори и др. — М., 1996.
- Гинзбург К.* Мифы, эмблемы, приметы. Морфология и история. — М., 2004.
- Гинзбург К.* Моя микроистория // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. — 2005. — М., 2006.
- Гинзбург К.* Образ шабаша ведьм и его истоки // Одиссей. Человек в истории / под ред. А. Я. Гуревича. — М., 1990.
- Гинзбург К.* Опыт истории культуры: философ и ведьмы // Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М., 1993.
- Гинзбург К.* Предисловие к книге «Сыр и черви. Образ мира у мельника XVI в.» // Современные методы преподавания Новейшей истории. — М., 1996.
- Гинзбург К.* Приметы: уликовая парадигма и ее корни // Новое литературное обозрение. — 1994. — № 8.
- Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. — М., 2000.
- Гренди Э.* Еще раз о микроистории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. — М., 1997.
- Леви Дж.* Биография и история // Современные методы преподавания Новейшей истории. — М., 1996.
- Леви Дж.* К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. — М., 1996.
- Черутти С.* Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. — М., 2006.
- Черутти С.* Социальный процесс и жизненный опыт: индивиды, группы и идентичности в Турине XVII в. // Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории. — СПб., 2003.
- Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл М.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории / под общ. ред. М. Крома. — СПб., 2003.

## ЛИТЕРАТУРА

- Бессмертный Ю. Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории / под ред. А. Я. Гуревича. — М., 1995.
- Козлов С.* «Определенный способ заниматься наукой»: Карло Гинзбург и традиция // Гинзбург К. Мифы, эмблемы, приметы. Морфология и история. — М., 2004.

*Кром М. М.* Итальянская микроистория // Кром М. М. Историческая антропология. — СПб., 2004.

*Кром М. М.* Классика исторической антропологии 70—80-х гг. (Избранные работы) // Кром М. М. Историческая антропология. — СПб., 2004.

*Кудрявцев О. Ф.* Карло Гинзбург и его книга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» // Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. — М., 2000.

*Оболенская С. В.* Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования истории повседневности // Одиссей. Человек в истории / под ред. А. Я. Гуревича. — М., 1996.

*Пушкарева Н. Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история. 2007. — Вып. 7. — М., 2008.

*Савельева И. М., Полетаев А. В.* Микроистория и опыт социальных наук // Социальная история. Ежегодник. 1998—1999. — М., 1999.

*Соколов А. Б.* Микроистория // Соколов А. Б. Введение в современную западную историографию. — Ярославль, 2002.

*Уваров П. Ю.* «Новая историческая наука», «история в осколках», новые «вызовы» и «повороты» (1970-е — начало 1990-х годов) // Уваров П. Ю. Франция XVI в. Опыт реконструкции по нотариальным актам. — М., 2004.



## РАЗДЕЛ V

### ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.

---

#### ГЛАВА 14

#### Современное состояние западной исторической мысли

Антропологический поворот • Дискурс • Нарратив.

XX столетие ознаменовалось обновлением принципов классического европейского историзма, результатом чего стало формирование нового образа человека в истории. Отечественный историк М. А. Барг назвал этот длительный процесс историографической революцией. Преобразования в области историописания начались уже с первых десятилетий XX в., однако своего пика они достигли в 1960—1970-х гг. — время формирования и расцвета «новой научной истории». Именно на эти десятилетия пришелся период крайнего сциентизма, математизация исторической науки, господство структурной истории, интерес к массовым явлениям в ущерб отдельным группам и личностям, чрезмерное внимание к общему в ущерб специфическому. Но в последнюю треть XX в. столетия широко развернулся процесс гуманизации истории, и, как представляется, к началу нового, XXI в. уже можно уверенно говорить об изменении образа исторической дисциплины и самого ремесла историка.

В конце прошлого и на рубеже нового, XXI, века возникла культурная ситуация, которую принято обозначать как **антропологический поворот**. Эта метафора схватывает некий формирующийся новый стиль, имеющий ряд отличительных черт.

Во-первых, происходит расставание с духом сциентизма и сопутствующей ему макропроблематикой. Историография зачастую абстрагируется от прошлого «как это собственно было» в его целостности, ограничиваясь лишь коллажем из многочисленных исторических срезов. Осознание неоднородности культуры привело к актуализации исследований на микроуровне. Причем характерно то, что историки стремятся увидеть за конкретным уникальным явлением контекст эпохи, объединить микроисторию и макропроцессы.

Во-вторых, важнейшей чертой нового подхода стала гуманизация истории — возвращение от обстоятельств к культуре и человеку, о чем писал еще М. Блок. Но существующая во времена М. Блока обстановка в исторической науке, как и ближайшие перспективы ее развития не дали реальных возможностей осуществить это на практике. Иная ситуация сложилась, начиная со второй половины XX в., когда выяснилось, что структурные модели оказались эвристически недостаточными. В национальных исторических школах на первый план выдвинулись дисциплины, которые ранее других ощутили перемены — во Франции «история ментальности», третье и уже четвертое поколение «Анналов», в ФРГ «история повседневности» и историческая антропология, в Великобритании антропологически переориентированная социальная история, в Италии микроистория.

В-третьих, важное место в современной историографии заняли идеи предпосылочности познавательной деятельности историка, необходимости его постоянной авторефлексии. Л. Ранке предлагал исследователю быть «объективным», т. е. забыть себя, познавая историю. Теперь от историка требуется, наоборот, постоянно помнить о себе в процессе познания, по возможности выводя в сознание предпосылки собственных построений. Широко используются идеи М. М. Бахтина о диалоге историка и источника, внеаходимости исследователя. Большое место занимают проблемы интерпретации текста, его адекватного прочтения — **дискурса**. При этом частью изложения становится вводимый в текст авторский комментарий, теоретические пассажи.

В-четвертых, важным принципом современной историографии выступает изменение самой формы изложения, возвращение от наукообразного стиля к литературному, к **нарративу** как форме представления. История усиливается элементами рассказа, целью становится яркая презентация, направленная не только к разуму, но и к чувству читателя, новое сближение с литературой. Деятельность историка начинает выступать не как научная процедура, а как лингвистическая конструкция, даже поэзия.

И наконец, еще одна важная примета нового стиля историописания — осознанный как ценность плюрализм. Происходит признание бесспорной ценности различных концепций и проектов, переосмысление подходов; выражается сомнение в великих идеях, проверенных теориях — но не абсолютизация ни одного из них. Напротив, осознается, что многообразие смыслов предполагает их диалог. Подчеркивается кумулятивный — накопительный характер исторической дисциплины, преемственность, возможность выбора методологии и методики анализа; синтез традиций — подходов школы «Анналов», марксизма, семиотики, квантификации, истории ментальности и пр.



Эти черты нового стиля можно обнаружить в быстро ставших классическими трудах американских историков «Возвращение Мартина Герра» Н. З. Дэвис и «Великая казнь кошки» Р. Дарнтон.

## ГЛАВА 15

### «Возвращение Мартина Герра» Н. З. Дэвис как пример историописания эпохи «антропологического поворота»

Маргинал • Девиантное поведение.

✓ Натали Земон Дэвис «Возвращение Мартина Герра» (1983)

Настоящим бестселлером стала книга «Возвращение Мартина Герра» (1983), принадлежащая перу известной американской исследовательницы Н. З. Дэвис (о ней уже шла речь выше в связи с изучением «истории женщин»). В основу сюжета книги легла произошедшая в одной из лангедокских областей в середине XVI в. и восстановленная по архивным судебным документам история. Из южно-французской деревни Артига ушел один из жителей, Мартин Герр (как стало позднее известно, он отправился воевать за испанскую корону), а через несколько лет произошла замена его другим человеком — беглецом из деревни Сага Арно де Тиллем. Тилль присвоил себе не только имя, обличье, собственность, но и жену Мартина Герра. Сначала односельчане, включая членов семьи, как ни в чем не бывало, признали его, но потом появился донос, дело дошло до суда, и Лжемартин был приговорен к смертной казни. После апелляции дело попало в Тулузский парламент и почти уже решилось в пользу самозванца, как появился настоящий Мартин Герр, и Арно де Тилль все-таки был повешан.

Н. З. Дэвис в своем исследовании проанализировала нестандартное поведение участников этой ситуации, реконструировав возможные мотивы их поступков. Опираясь на материалы источников, она постаралась выявить привычки и стандарты сознания и поведения, которые сформировались в различных местностях и регионах. В итоге Н. З. Дэвис нарисовала образы двух *маргиналов*, не сумевших органически вписаться в жизнь тех деревень, где им довелось вырасти. Достоверность такого прочтения была достигнута благодаря виртуозному сопоставлению известных фактов биографий героев с социокультурными стереотипами их окружения, что позволило выявить возможные социально-типичные

мотивы поведения личности, даже в случаях, когда речь идет о **девиантном (отклоняющемся) поведении**.

Обратившись к факту недавней эмиграции семьи Дагерров (так сначала звучала фамилия Герра) из испанской Баскони, Н. З. Дэвис изучила вынесенные оттуда стереотипы. Перед семьей стояла необходимость идентифицироваться с нормами нового мира — деревни Артига. Американская ученая задалась вопросом, удалось ли Геррам стать своими, и дала на этот вопрос положительный ответ. Герры изменили фамилию на артигский лад; о многом говорил сам факт женитьбы единственного сына Герров на дочери состоятельных Ролсов Бертранде. Исследовательница обратилась к социокультурным представлениям крестьянской среды и историко-демографическим параметрам. Н. З. Дэвис провела сопоставление возраста заключенного брака (он был ранним — в 12—13 лет) с существующими обычаями (традиционно браки в Лангедоке в эту эпоху заключались в 18—19 лет), и это дало ей основание говорить о признании семьи на новом месте.

Почему же Мартина Герра ждала неудача, он не смог найти себя, идентифицироваться, и покинул деревню? Одна из гипотез ученой состоит в том, что необычное для Лангедока имя Мартин, которым здешние крестьяне называли ослов и медведей, могло сделать Герра еще в детском возрасте объектом насмешек сверстников. Другое предположение, которое сделала исследовательница, состоит в том, что Мартин потерпел фиаско как мужчина. В семье долго не было детей, что негативно воспринималось окружающими. При отсутствии зачатия после определенного времени мужчине ждал обряд шаривари, он превращался в объект всеобщих насмешек.

При помощи этих и других подобных процедур Н. З. Дэвис удалось воссоздать образ человека с девиантным типом поведения. В книге делается постоянная оглядка на конкретно-исторический контекст, ведутся поиски социально-типичного в поведении. Согласно концепции идентичности Э. Эриксона (к которой, не называя ее прямо, все время обращается автор), социализация личности происходит путем идентификации с окружающими людьми; большей частью этот процесс имеет бессознательный характер. В условиях социального кризиса механизмы социализации не срабатывают; и личность не может принять жизненный стиль, уготовленный традиционным укладом. Наступает кризис идентичности, индивид оказывается не способным отвечать ожиданиям и требованиям окружающих, что и ведет, как ярко показано в монографии, к девиантному поведению.

С не меньшим тщанием Н. З. Дэвис нарисовала портрет другого героя — Арно де Тилля. В его случае кризис идентичности проявился едва ли не более ярко, чем у Мартина Герра. В эпоху, когда наиболее энергичные и предприимчивые люди устремлялись



в сферу торговли и предпринимательства, условия реализации на этом поприще сильно различались по регионам. В области, где была расположена деревня Сага, сеньоры ограничивали права местных жителей на владение таверной и бойней, вмешивались в их частную жизнь. Поэтому бойкий на язык, общительный, имеющий мало склонности к крестьянскому труду, де Тилль не смог найти себя и на поприще предпринимательства. Невостребованные способности вылились в разгульную жизнь (за которую он получил соответствующее прозвище — «Пансет» — брюхо), а затем в своеобразном бегстве, на манер Герра, из родной деревни. Испытывая кризис идентичности в отсутствии возможности заняться делом, которое соответствовало бы его натуре, на новом месте, в Артига, де Тилль нашел более широкие возможности стать «сельским купцом» и вести добропорядочную жизнь.

## ГЛАВА 16

### **«Великая казнь кошки» Р. Дарнтон: на пересечении микро- и макроистории**

✓ Р. Дарнтон «Кошачье побоище и другие эпизоды французской культурной истории» (1985); «Великая казнь кошки»

В своем напумевшем эссе «Великая казнь кошки» — которое потом вошло в качестве одной из глав в книгу «Кошачье побоище и другие эпизоды французской культурной истории» (1985) — американский историк, профессор Принстонского университета *Роберт Дарнтон* (род. в 1939 г.) обратился к истории, произошедшей в 30-е гг. XVIII в. Через 30 лет один из ее участников, Никола Конт, написал по этому поводу курьезные мемуары. Никола вспомнил один случай из своей жизни, когда был подмастерьем в одной из парижских типографий. Они с товарищем выразили своим хозяевам недовольство своей жизнью. Подмастерья были недовольны тем, что их кормили не за одним столом с хозяевами и зачастую плохой, «кошачьей» едой — подгорелыми или даже гнилыми кусками мяса, которые не ели даже кошки. Подмастерья стали ночами устраивать «кошачьи концерты» под окнами хозяев, не давая им спать; а когда получили приказ расправиться с уличными котами, убили любимую кошку хозяйки, причем обставили как казнь и веселились от души. И по прошествии многих лет эта история кажется Никола смешной. Автор исследования задался вопросом о природе их веселья, поскольку современному человеку ритуальное убийство беззащитного животного не кажется смешным — и это показатель той дистанции, которая отделяет нас от рабочих доин-

дустриальной эпохи. Эта история стала для Р.Дарнтон поводом поразмыслить об иной, отличной от современной ментальности, «ухватить» чужую знаковую систему и попытаться распутать ее.

Казнь кошки парижскими подмастерьями выступает для американского историка как отражение суммы глубинных культурных стереотипов, как символ, причем символ многозначный. Р.Дарнтон истолковал происшедшее как косвенное проявление социальной напряженности в отношениях между подмастерьями и семьей мастера. Историк отметил понижение социального статуса подмастерьев в XVIII в., то, что они перестали быть, как прежде, младшими членами семьи мастера, но при этом не порвали с ней вовсе — что придало конфликту дополнительную остроту. Их поступок, по мнению ученого, выступил как компенсаторная реакция, символический эквивалент восстания. При этом, как отметил Дарнтон, подмастерья и домашняя кошка как бы находились в одном семиотическом пространстве — в пограничье между хозяйским домом и улицей, конкурируя друг с другом за место под солнцем.

Автор обратился к фольклорной и культурной традиции, к значению кошек в карнавальной культуре. Американский историк выделил несколько архаических культурных стереотипов, актуализацией которых, по его мнению, и было рассматриваемое событие. Во-первых, казнь кошки выступила как эквивалент средневекового обряда шаривари. Р.Дарнтон показал, что именно кошка играла в шаривари главную символическую роль (неслучайно этот обряд назывался «кошачьим концертом»). Во-вторых, казнь кошки являлась отголоском средневековых ведовских процессов — ведь в средневековье это животное была главным олицетворением ведьмы и ведовства. В-третьих, кошка — это символ дома, домашнего тепла, и ее убийство стало символическим разрушением домашнего очага, от которого подмастерьям ничего не доставалось. Наконец, для западной культуры кошка — олицетворение сексуальности и плодотворности, в первую очередь женской; и ее казнь можно толковать как символическое насилие над ненавистной работникам хозяйкой.

Все эти смыслы, по мнению ученого, не исключают, а дополняют друг друга. В целом же приведенный эпизод из жизни двух парижских подмастерьев стал основой для воссоздания ментальности французских городских низов в годы, предшествующие Великой французской революции. Историк ввел в изложение и элемент исторической динамики. Он показал, что исходным толчком в активизации архаических культурных стереотипов в исследуемом им случае стало напряженно переживаемое подмастерьями изменение их социального статуса.

Р.Дарнтон стремился к пересмотру позиций традиционной историографии Французской революции, пытаясь прийти к ре-



шению вопроса о ментальности ее участников и о глубине проникновения в массы в XVIII в. идей Просвещения. Ученый пришел к выводу, что ментальность низов определялась скорее культурными традициями, а не новыми идеями.

\*\*\*

«Антропологический поворот» — наблюдаемый в историографии последних десятилетий XX—начале XXI в. процесс, в русле которого происходит обновление и переосмысление всех традиционных сложившихся отраслей исторического знания. В самых различных исторических субдисциплинах наблюдается выход на первый этап изучения индивидуального и коллективного поведения и сознания, выявления человеческого измерения исторического процесса; включение в свой предмет сферы человеческого сознания как неотъемлемой структуры социальной жизни, поворот «лицом к человеку», прежде всего к «обычному», «простому» человеку.

На рубеже XX—XI вв. наступил очередной период бурных методологических поисков, в ходе которого рождаются все новые концепции, формируются разнообразные научные стратегии<sup>1</sup>. В этой перспективе вернемся еще раз к мысли о том, что историку, в какой бы исследовательской области он не работал, необходимо уметь использовать в собственной деятельности лучшие достижения исторической, шире — гуманитарной мысли.

#### ИСТОЧНИКИ

*Дарнтон Р.* Братство: взгляд еретика // Одиссей. Человек в истории. — М., 1994.

*Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище. — М., 2002.

*Дарнтон Р.* Кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. — М., 2002.

*Дэвис Н. З.* Возвращение Мартина Герра. — М., 1990.

*Дэвис Н. З.* Еще раз о самозванцах: от Мартина Герра до Сомерсби // *Nota historicus*. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2 кн. — Кн. 2. — М., 2003.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Анкерсмит Ф.* Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. — М., 1996.

*Барг М. А.* Книга, ставшая классикой // Дэвис Н. З. Возвращение Мартина Герра. — М., 1990.

<sup>1</sup> В качестве показательного для этого процесса примера можно назвать деятельность таких приобретающих в последние годы все большую популярность направлений, как «новая культурная история», «интеллектуальная история», наконец, близкое к указанным движениям четвертое поколение «Анналов».

*Бессмертный Ю. Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // *Одиссей. Человек в истории.* — М., 1995.

*Гуревич А. Я.* «Избиение кошек в Париже», или Некоторые проблемы символической антропологии // *Труды по знаковым системам.* Т. 25. Семиотика и история. — Тарту, 1992.

*Кром М. М.* Как историки читают антропологов // *Кром М. М. Историческая антропология: пособие к лекционному курсу.* — СПб., 2000.

*Кром М. М.* Классика исторической антропологии 70—80-х гг. (Избранные работы) // *Кром М. М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу.* — СПб., 2000.

*Могильницкий Б. Г.* Гендерные исследования в контексте современных историко-методологических поисков. Опыт Натали Земон Дэвис // *Гендерная идентичность в контексте разных историко-культурных типов. Стратегия и методика гендерного образования: программы спецкурсов.* — Томск, 2003.

*Могильницкий Б. Г.* Гендерные исследования: опыт Натали Земон Дэвис // *Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в.: Курс лекций.* — Вып. 3. Историографическая революция. — Томск, 2008.

*Мучник В. М.* Актуальность мифа. О тенденциях развития исторического сознания в канун III тыс. // *Историческая наука и историческое сознание.* — Томск, 2000.

*Мучник В. М.* Историческое сознание на пороге XXI века. От «логоса» к мифу // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* — Вып. 25. — Томск, 1999.

*Николаева И. Ю., Мучник В. М.* Некоторые аспекты ментальности доиндустриальных цивилизаций в интерпретации современной историографии // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* — Вып. 21. — Томск, 1994.

*Николаева И. Ю., Мучник В. М.* От классики к постмодерну: о тенденциях развития современной западной исторической мысли // *К новому пониманию человека в истории.* — Томск, 1994.

*Патрушев А. И.* Некоторые тенденции в развитии западной исторической науки на пороге XXI в. // *Историческая наука в XX в. Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки.* — М., 2002.

*Соколов А. Б.* Американская историография во второй половине XX—начале XXI в. Новая культурная история // *Соколов А. Б. Введение в историографию Нового и Новейшего времени стран Западной Европы и США.* — Ярославль, 2007.

*Соколов А. Б.* Микроистория // *Соколов А. Б. Введение в современную западную историографию.* — Ярославль, 2002.

*Соколов А. Б.* Новая культурная история: предмет и методы исследования // *Соколов А. Б. Введение в современную западную историографию.* — Ярославль, 2002.

*Соколов А. Б.* Постмодернизм и его влияние на исторические исследования // *Соколов А. Б. Введение в современную западную историографию.* — Ярославль, 2002.



## КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К КУРСУ

---

### КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В каком году Т. Моммзену была присуждена Нобелевская премия в области литературы?
2. Когда вышла в свет книга О. Шпенглера «Закат Европы»?
3. В каком году был основан журнал «Анналы»?
4. Какому времени посвящено исследование Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика, капитализм»?
5. Когда был основан Дом наук о человеке (Париж)?
6. Когда в школе «Анналах» возникает так называемое «третье поколение»?
7. С какого года начинается изложение событий в книге Э. Ле Руа Ладюри, посвященной истории климата?
8. В каком году был основан исторический журнал «Паст энд Презент», британский аналог «Анналов»?
9. К каким последствиям для исторической науки привели катаклизмы рубежа XIX—XX вв. (Первая мировая война, социалистическая революция в России, экономический кризис 1929 г.)?
10. Какое событие положило начало формированию «новой исторической науки»?
11. Какой эпохе развития исторической мысли соответствует концепция «глобальной истории»?
12. С какими общественными событиями связано возникновение в Анналах «третьего поколения»?
13. О какой «революции» в исторической науке говорил Э. Ле Руа Ладюри после своей поездки в США?
14. К какому историческому периоду наиболее часто обращаются исследователи «новой социальной истории» в Великобритании?
15. Какой эпохе посвящено исследование Р. Фогеля «Железные дороги и экономический рост Америки. Очерки по эконометрической истории» (1964)?
16. Какому времени посвящена работа М. Клауса «Девушки в Третьем Рейхе. «Союз немецких девушек»» (1983)?
17. Какой ученый написал книгу, воплотившую в себе идею кризиса западной культуры на рубеже XIX—XX в.
18. Какой ученый, коллега М. Блока, участвовал в основании журнала «Анналы» и в создании нового направления?
19. Кто стал общепризнанным лидером «второго поколения» «Анналов»?
20. Кто написал книгу «Цивилизация средневекового Запада»?
21. Кто был одним из первых представителей психоистории, автором книги «Молодой Лютер» (1958)?

22. Какой британский историк прочитал в январе — марте 1961 г. курс лекций в Кембридже «Что такое история?» и положил начало дискуссиям о «новых путях» в историографии?

23. Кто автор работы «Время на кресте»?

24. Какой американский историк, автор книги «Черная семья в рабстве и в свободе», выступал против расистских теорий?

25. Как называется книга М. Блока, посвященная «ремеслу» историка?

26. Как называется подход к изучению прошлого с привлечением методов других наук?

27. Какое время Ф. Бродель считает «подлинной вотчиной историка»?

28. Как называется направление исторической науки, занимающееся изучением истории отдельных местностей, городов и поселений?

29. Какое направление в рамках количественной истории основывается на внутреннем анализе содержания многочисленных и единообразных источников?

30. Каким термином принято обозначать комплекс неосознанных коллективных представлений и чувств, массовую психологию, «умственный инструментарий», при помощи которого поток впечатлений перерабатывается в упорядоченную картину мира?

31. Как называет Э. Фромм комплекс садомазохистских черт личности, стремление к «негативной свободе», следствием которых стало возникновение в XX в. ряда тоталитарных режимов?

32. Каково одно из центральных понятий психоанализа и психоистории, обозначающее тождественность человека самому себе, чувство адекватности и стабильности, личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к внешнему миру?

33. Какая страна стала родиной «новой исторической науки»?

34. В каком городе вышел первый номер «Анналов»?

35. Какая страна стала родиной клиометрии?

36. Социальной истории какого города посвящен грандиозный проект под руководством профессоров Пенсильванского университета?

37. Где возникла «Историческая мастерская» — объединение историков, занимающееся «историей снизу», «народной историей»?

38. Какому региону посвящена первая монография Ф. Броделя?

39. Какому региону США посвящено сенсационное исследование «Время на кресте» (1974)?

40. В какой стране возникло историографическое направление «история повседневности»?

#### КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Назовите известных российских историков XIX в. и проанализируйте, были ли их творчеству присущи черты классического историзма.

2. Назовите примеры отечественных исторических исследований, которые, по вашему мнению, можно условно отнести к «новой научной истории», «новой социальной истории», исторической антропологии.



3. Определите, к какому из существующих на Западе исследовательских направлений ближе ваше курсовое (дипломное) сочинение. Обоснуйте свой ответ.

#### ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ ДОКЛАДОВ, РЕФЕРАТОВ, КУРСОВЫХ РАБОТ

1. Позитивизм и научная история. Формирование исторической школы.
2. Марк Блок и Люсьен Февр: борьба за обновление исторической науки.
3. Историко-социологическая концепция Фернана Броделя.
4. Филипп Арьес: история Запада через призму восприятия смерти.
5. Изучение картины мира и стереотипов поведения традиционного общества в сочинениях Жака Ле Гоффа.
6. Представления средневекового общества о самом себе: исторические исследования Жана Делюмо, Эммануэля Ле Руа Ладюри, Жоржа Дюби.
7. Европейская цивилизация классической эпохи в исследованиях Пьера Шоню.
8. Междисциплинарный подход в истории: уроки французской школы «Анналов».
9. Французская школа «Анналов»: современный этап.
10. Теоретические основы клиометрии.
11. Судьбы количественной истории в российской исторической науке.
12. «Новая социальная история»: предмет и направления исследований.
13. Американская «история женщин» и гендерная история: концептуальный аппарат и области исследования.
14. «История женщин» и «новая культурная история» в творчестве Натали Земон Дэвис.
15. Американская «психоистория»: теоретические положения и исследовательская практика.
16. Теория социального характера и авторитарной личности Эриха Фромма: возможности применения неопрейдизма в истории.
17. Исследования тоталитаризма в рамках американской «психоистории».
18. Концепция идентичности и модель лидера-новатора в трудах Эрика Эриксона.
19. Тенденции и закономерности рабочего движения в британской «новой социальной истории».
20. Изучение истории культуры в современной британской историографии.
21. Эрих Хобсбаум: опыт понимания европейской истории XIX — XX вв.
22. «Новая локальная история» и микроистория: общее и особенное.
23. Опыты микроистории в трудах Карло Гинзбурга.

24. Микроисторический «вызов» итальянских историков и современная историческая наука.
25. Школа исторической антропологии в Германии в контексте формирования «новой исторической науки».
26. Историческая демография на Западе: школы, направления исследований, итоги.
27. «Вызовы» и «повороты»: историческая наука в контексте общего развития гуманитарного знания в XX в.
28. «Новая историческая наука» на Западе: варианты развития.
29. Постмодернизм и его влияние на исторические исследования.
30. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: новейшие тенденции.
31. Организация исторической науки в странах Запада.
32. Организация исторического образования в странах Запада.
33. Арон Яковлевич Гуревич и отечественная школа исторической антропологии и социальной истории.
34. Томская историографическая школа: от западных новаций к поискам новой методологии истории.



## СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

---

**Авторитарный характер** — термин, введенный Э. Фроммом; означает комплекс садомазохистских черт личности, проявляющихся в стремлении к подчинению и господству. Сущность садизма состоит в стремлении к власти, мазохизм, напротив — чувство слабости, приниженности, стремление подчиняться. Садизм и мазохизм выступают как два способа преодоления отчуждения, часто сочетающиеся в одной и той же личности.

**«Антропологический поворот»** — наблюдаемый в историографии последних десятилетий XX в. процесс, в русле которого происходит обновление и переосмысление всех традиционно сложившихся отраслей исторического знания. В самых различных исторических субдисциплинах на первый план выходит изучение индивидуального и коллективного поведения и сознания, выявление человеческого измерения исторического процесса, включение в свой предмет сферы человеческого сознания как неотъемлемой структуры социальной жизни, поворот «лицом к человеку», прежде всего к «обычному», «простому» человеку.

**Бессознательное** — совокупность психических процессов, не представленных в сознании субъекта; одно из центральных понятий в *психоанализе* З. Фрейда; в психологии К. Г. Юнга наряду с индивидуальным выделяется коллективное бессознательное.

**Верификация** (от лат. *verus* — истинный и *facio* — делаю) — проверка, эмпирическое подтверждение теоретических положений науки.

**Время длительной протяженности** (франц. *long durée*) — термин, введенный Ф. Броделем; предполагает рассмотрение истории в широких временных рамках, изучение глубинных исторических процессов: медленно меняющихся в течение столетий и даже тысячелетий взаимоотношений общества и природы, привычек мышления и поведения и пр.

**Гендер** («пол-род», «социокультурный пол») — понятие, альтернативное понятиям «пол-секс» или «биологический пол»; подчеркивает социальный характер неравенства между полами и его социальное конструирование, исключая биологический детерминизм. При посредстве этого термина утверждаются представления о том, что отношения между мужчинами и женщинами — не просто отражение природных свойств, а продукт культурно-исторического развития.

**Гендерная история** — направление в исторической науке, изучающее эволюцию гендерных взаимоотношений в процессе истории; включает историю женщин, историю мужчин, историю взаимоотношений между полами, историю гомосексуализма.

**Гипотетическая дедуктивная модель** — термин, введенный Р. Фогелем в рамках *количественной истории (клиометрии)*; означает теоретическое воссоздание и изучение так называемых *контрфактических ситуаций*, т. е. тех ситуаций, которых на самом деле не было, но которые могли бы быть при наличии или отсутствии определенных условий.

**Глобальная история** — концепция, предложенная Ф. Бродемом; исследование прошлого, которое стремится к всестороннему охвату человеческой деятельности, как и взаимоотношений человека и природы; модель действительности, которая рассматривается как «эшелонированная» в глубину, структурированная; предполагает *междисциплинарный подход*, объединение усилий различных наук о человеке.

**Гносеология** — представления о возможностях познания, теория познания.

**Девиантное поведение** — отклоняющееся от социальной нормы (асоциальное) поведение.

**Дискурс** — первоначально термин в филологии и лингвистике, означает внутренний мир текста, присущие конкретному тексту законы существования и функционирования; ставятся проблемы интерпретации текста, его адекватного прочтения. В середине XX в. в рамках так называемого *лингвистического поворота* термин был распространен за пределы лингвистики, как специфические тексты стали рассматриваться и изучаться любые социальные структуры.

**Европоцентризм** — присущий западной исторической мысли угол зрения на всемирную историю, в котором ведущая роль в процессе исторического развития отводится европейской (шире — западной) цивилизации; наиболее высокую оценку получают европейские нормы и ценности.

**Идентичность** — твердо усвоенный и лично принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру.

**Историографические источники** — работы исследователей-историков, которые могут иметь форму выдвигающих оригинальные идеи монографий или отдельных статей; а также материалы научных дискуссий и рецензии, которые помогают определить общественную значимость трудов ученых.

**Историография** — история исторической науки в целом или ее отдельных разделов.

**Историческая антропология** — течение в исторической науке, возникшее во второй половине XX в., для которого характерен сдвиг интересов от исследования социальных структур и процессов к культуре в ее антропологической интерпретации, т. е. к изучению обыденного сознания людей прошлых эпох, устойчивых массовых ментальных представлений, символических систем, обычаев и ценностей, психологических установок, стереотипов и моделей поведения. В исторической антропологии активно заимствуются специфические познавательные приемы и методы антропологов.

**Историческая демография** — историческая субдисциплина, предметом исследования в которой является движение народонаселения.



Основные параметры исторической демографии — брачность, фертильность, смертность, миграционные процессы и пр.

**Историческая урбанистика** («новая городская история», **урбан-история**) — субдисциплина в рамках социальной истории, в которой специальным предметом изучения становится город. При этом город рассматривается, с одной стороны, как частное выражение более крупных систем (цивилизаций, государств, обществ, способов производства), с другой — как комплексный объект (система или подсистема) в единстве своих многообразных хозяйственных, организационных, административно-политических, военно-стратегических и других функций.

**«История женщин»** — возникшее во второй половине XX в. направление в исторической науке, изучающее женские практики и женский опыт в социальной и культурной деятельности; его представители стремятся объяснить неравные общественные позиции мужчин и женщин в истории.

**«История повседневности»** — направление в исторической науке, впервые появившееся в Германии и Австрии; занимается изучением жизни простых людей, «безымянных участников», которые не столько сами творят историю, сколько «испытывают на себе ее силу». Для «истории повседневности» характерен интерес к субъективной стороне истории, исторической психологии.

**Казус** (от лат. *casus*) — случай, происшествие, приключение.

**Капитализм** — 1) термин, используемый Ф. Броделем; экономическая система, в которой, в отличие от *рыночной экономики*, торговля ведется на дальние расстояния, имеется возможность свободного маневрирования, устанавливаются сложные связи, происходит получение высоких прибылей при небольшом числе партнеров-участников; 2) в рамках марксизма — общественно-экономическая формация, основанная на владении капиталистами денежными средствами (капиталом) и эксплуатации ими труда не имеющих собственных средств наемных рабочих.

**Классический историзм** — *парадигма* истории, господствовавшая в исторической науке XIX в.; ее стержнем было прогрессистски-линейное видение исторического развития и представления о возможностях объективного познания прошлого.

**Клиометрия (количественная или квантитативная история)** — направление в исторической науке, впервые возникшее в США в 50—60-е гг. XX в.; предполагает использование в исследовании прошлого компьютерных технологий, создание математических моделей, привлечение процентных соотношений, графиков, таблиц, численных статистических данных и пр. Появление клиометрии стало толчком для формирования так называемой *новой научной истории*.

**Клиополитология** — исследовательское направление, рассматриваемое как часть так называемой *новой политической истории*; изучает политические процессы с применением количественных методов.

**Контент-анализ** (от англ. *contents* — содержание) — метод количественно-качественного анализа документов в целях выявления или измерения социальных фактов и тенденций, отраженных этими документами; при этом документы изучаются в их социальном контексте. В ка-

честве объектов контент-анализа чаще всего выступают сообщения печати, радио, телевидения, протоколы, письма, анкеты и т.д., содержащие данные, которые можно подвергнуть формальной и статистической обработке. Метод был заимствован историками из социологии.

**Контрфактическая ситуация** — термин, введенный Р. Фогелем; теоретически воссоздаваемая ситуация, которая могла возникнуть в истории в случае наличия или отсутствия определенных условий.

**Конъюнктура** — термин, используемый Ф. Бродезем; определенный период исторической эволюции с характерными для него сочетаниями разных тенденций. Существуют конъюнктуры, затрагивающие экономику, культуру, политику и пр.; к конъюнктуре относятся изменения в демографической сфере, в технологии производства, социальные кризисы и пр.

**Кризис идентичности** — термин, введенный Э. Эриксоном; означает потерю человеком идентичности или личной тождественности в результате резкого изменения индивидуальных или социальных условий существования.

**Кризис исторической науки** — закономерный этап в развитии исторической дисциплины, знаменующий собой изменение существующих научных основ и мировоззрения историков; ведет к смене *парадигмы*.

«**Лингвистический поворот**» — осуществляемый в рамках *структурализма* поворот к изучению языков и знаков различного рода; применение специальных методов лингвистики в исследовании культуры и самых различных феноменов и продуктов культурной деятельности.

**Локальная история** — направление в исторической науке, ориентированное на изучение коллективной биографии деревенской, городской, приходской общины; рассматриваются все проявления жизни общины: локальные политические структуры, социальная и географическая мобильность, система родственных и соседских связей, структура семьи и домохозяйства и пр. Для локальной истории характерно использование местных источников, интерес к жизни простых людей и конкретным социальным условиям, в которых они действуют.

**Маргинал** — человек, разорвавший связи со своей социальной группой без последующего вхождения в другую; он либо сам отвергает общество, либо оказывается отвергнутым со стороны последнего. Маргинальность выступает как результат конфликта с общепринятыми нормами, выражение специфических отношений с существующим общественным строем. Под маргинальностью может пониматься промежуточное положение не только отдельных индивидов, но и целых социальных групп.

**Марксизм** — философское и социологическое учение, оказавшее огромное влияние на историческую науку конца XIX—XX вв. Общество рассматривается в рамках марксизма как целостный организм, в котором производительные силы и производственные отношения определяют другие сферы общественной жизни: политику, государство, право, мораль, а также философию, религию, искусство, науку. Их единство и взаимодействие представляет собой общество на определенном этапе развития — так называемую общественно-экономическую формацию.



● **Медиевистика** — раздел исторической науки, изучающий историю Средневековья.

● **Междисциплинарный подход** — подход к изучению истории, предполагающий использование в изучении прошлого методов различных гуманитарных и иных дисциплин.

● **Ментальность** (от позднелат. *mentalis* — умственный) — образ мыслей, совокупность влияющих на поведение умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе.

● **Микроистория** — направление в ряде западных исторических школ XX в., в котором в фокус исследования помещаются небольшие исторические объекты — один человек, один день, одна деревня, непродолжительный период и т. п. Исследуемые эпизоды и казусы связываются в микроистории с некими более широкими общественными матрицами.

● **Мировая экономика** — термин, используемый Ф. Броделем в его концепции *глобальной истории*. В отличие от *мира-экономики* мировая экономика простирается на весь земной шар и представляет собой рынок всего мира; формируется только в Новое время.

● **Мир-экономика** — термин, введенный Ф. Броделем; означает особый социальный организм или цивилизацию, которая представляет собой пространственно-временное единство со своими пределами, а также социальной и политической целостностью. В ходе исторического развития различные миры-экономики соперничают и сменяют друг друга.

● **Направление в исторической науке** — группа историков, объединенная общими методологическими принципами, их интерпретацией, а также общей проблематикой работ; может быть ответвлением какого-либо течения.

● **Нарратив** — повествовательная форма изложения материала, целью которой является яркая презентация, направленная не только к разуму, но и к чувствам читателя; использование учеными не только и не столько наукообразного, сколько литературного стиля изложения.

● **Неофрейдизм** — совокупное обозначение ряда возникших в психологии XX в. концепций; в отличие от классического *фрейдизма* особый упор в неофрейдизме делается не на биологические факторы, а на социальные мотивы поведения индивида или групп индивидов.

● **«Низы среднего класса»** — термин, введенный Э. Фроммом; эту социальную группу составляет мелкая буржуазия — лавочники, ремесленники, служащие, находящиеся в социальном плане в промежуточном положении между крупной промышленной и финансовой буржуазией, с одной стороны, и рабочими — с другой.

● **«Новая историческая наука»** — научное течение в западной исторической науке, возникновение которого в начале XX в. связано с деятельностью французской школы «Анналов»; впоследствии далеко перешагнуло пределы Франции. Расцвет «новой исторической науки» на Западе приходится на вторую половину XX в., когда в ее рамках сформировался целый ряд новаторских исследовательских направлений и школ.

● **«Новая научная история»** — совокупное название ряда новаторских направлений в западной историографии преимущественно середины

XX в., ориентирующихся на достижения в точном и естественно-научном знании. К «новой научной истории» обычно относят психоисторию, клиометрию, «новую социальную историю» в ее первоначальном варианте и некоторые другие направления.

**«Новая социальная история»** — течение в исторической науке XX в., выдвинувшее задачу интерпретации исторического прошлого в терминах социальности, описывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними. Для «новой социальной истории» характерен уход от традиционной проблематики «классической» социальной истории, ограниченной изучением борьбы партий, общественных движений и организаций; а также приверженность *междисциплинарному подходу*.

**«Новая политическая история»** — исследовательское направление в западной исторической науке второй половины и конца XX в., направлено на изучение традиционного с момента зарождения исторической науки предмета (государственной, дипломатической, военной истории, биографий действовавших в сфере политики великих личностей) с применением различных инновационных подходов.

**«Новая экономическая история»** — возникшее в 1950—1960-е гг. в исторической науке США направление, базирующееся на применении в изучении экономической истории математических и статистических методов, экономической теории и компьютерных технологий.

**Онтология** — раздел философии; учение о бытии, в котором исследуются всеобщие основы и принципы бытия, его структуры и закономерности.

**Парадигма** — лежащая в основе науки концептуальная схема, модель постановки научных задач и их решения; предполагает методологические и теоретические представления, а также понятийный аппарат и конкретные исследовательские методики

**Позитивизм** — философское направление, возникшее во второй половине XIX в.; оказало сильное воздействие на историю. С одной стороны, то, что в рамках позитивистской парадигмы исторической науке была отведена роль «собираательницы» фактов — «позитивных данных», способствовало приросту фактического материала и разработке методов критического анализа документов; с другой стороны, позитивизм не предполагал никаких исторических обобщений, кроме простых социальных закономерностей.

**Презентизм** (от англ. *Present* — настоящее время, современность) — направление в методологии истории XX в. (особенно распространенное в США в 1920—1940-х гг.), которое рассматривало историческую науку не как отражение объективных, имевших место в прошлом явлений, а лишь как выражение идеологических отношений современности; отвергалась возможность получения объективной исторической истины.

**Психоанализ** — метод психотерапии и психологическое учение, развитое З. Фрейдом в конце XIX — начале XX в., ставящее в центр внимания бессознательные психические процессы и мотивации; особое внимание в психоанализе уделяется детскому периоду индивидуального психического развития, а также сексуальному и самосохранительному ин-



стинктам. Оказал сильное влияние на литературоведение, искусствоведение, историю и другие гуманитарные науки.

**Психоистория** — историческая субдисциплина, изучающая прошлое комбинированными методами *психоанализа* и истории. В психоистории, основывающейся в большей мере не на классическом психоанализе, а на неопрейдизме, акцент делается на социальные мотивы поведения, происходит переориентация с изучения детства на взрослый период жизни; изучаются исторические биографии, поведение больших и малых социальных групп, большое внимание уделяется изучению переходных периодов в истории.

**Релятивизм** (от лат. *relatives* — относительный) — методологический принцип, акцентирующий относительность и условность знания и ведущий к отрицанию возможности познания объективной истины.

**Рыночная экономика** — термин, используемый Ф. Броделем; представляет собой повседневный рыночный обмен, местную торговлю или обмен на небольшой территории — с регулярным, рутинным, предсказуемым характером. Такой экономике присущи лавки, ярмарки, торговцы вразнос, кредитные операции; в ней много участников, между которыми идет конкурентная борьба.

**Семиотика** — наука, исследующая функции знаков и знаковых систем в человеческом обществе (естественные и искусственные языки и некоторые явления культуры).

**«Сериальная» история** — термин, введенный французским ученым П. Шоню; синоним *количественной истории*. В «серийной» истории отдается предпочтение не изолированным фактам, но множественным однородным историческим данным, поддающимся объединению во временные серии с учетом сравнимых единиц в равные промежутки времени на длительном временном отрезке.

**Социализация** (от лат. *socialis* — общественный) — процесс включения индивида в определенную группу с присущим ей мироощущением и жизненным стилем, который должен привести к достижению чувства устойчивости и непрерывности «я» при всех внешних изменениях, т. е. к завершению процесса обретения идентичности.

**Социальный характер** — термин, введенный Э. Фроммом; означает совокупность черт и психологических свойств, присущих группе индивидов, находящихся на сходных социальных позициях.

**Структура** — термин, лежащий в основе концепции *глобальной истории* Ф. Броделя; в определении этого ученого означает явление, обусловленное безличными силами (географическими, климатическими и пр.) и не меняющееся столетиями и даже тысячелетиями. Под структурой может подразумеваться духовный склад или глубоко укоренившиеся обычаи, привычки образа жизни, мышления, этические предрассудки; самые глубинные явления в экономике, обладающие устойчивостью во времени и сопротивляемостью к изменениям — инертные, медленно эволюционирующие в длительной временной протяженности.

**Структурализм** — явление в гуманитарном познании, включающее философские представления, методологические установки и специфику научного анализа; пик его распространения пришелся на середину

1950-х — рубеж 1960 — 1970-х гг. Это явление межнаучное, затронувшее многие дисциплины — философские науки, социальную теорию, культурологию, антропологию, литературоведение, психологию, искусствоведение и историю. Структуралистский метод заключается в попытке выявить общие структуры человеческой деятельности; обнаружить внутреннюю структурную логику и механизмы функционирования культуры.

**Сциентизм** (от лат. *scientia* — наука) — абсолютизация роли науки в системе культуры, в духовной жизни общества; в исторической науке использование в качестве образца принятых в естественно-научном знании, математике методов и подходов.

**Теория стадий экономического роста** — концепция, предложенная английским историком-экономистом У. У. Ростоу; основана на популярной на Западе идее прогресса, рассматриваемом через призму понятий «модернизации» и «индустриального общества». Во всемирной истории были выделены периоды доиндустриального (традиционного) общества, общества эпохи промышленного переворота, индустриального общества и общества всеобщего благоденствия. Позднее концепция была дополнена понятием постиндустриального общества.

**Течение в исторической науке** — наиболее широкая аморфная группа историков, объединенная самыми общими методологическими принципами.

**Тоталитаризм** (от позднелат. *totalis* — весь, целый, полный) — одна из форм авторитарного государства (тоталитарное государство), характеризующаяся его полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни общества, фактической ликвидацией конституционных прав и свобод, репрессиями в отношении оппозиции и инакомыслящих.

**Устная история** (англ. *oral story*) — направление в исторической науке, возникшее в США, России и некоторых других странах в 1930-е гг.; основано на практике устных опросов.

**Фрейдизм** — общее обозначение философско-антропологической и психологической концепции З. Фрейда и развившихся на ее основе учений и школ. Фрейдизм не тождествен *психоанализу* — конкретному методу исследования бессознательных психических процессов. Исходя из учения Фрейда о бессознательном, фрейдизм придает большое значение в развитии культуры и социальной жизни первичным влечениям.

**Харизма** (греч. *charisma* — милость, божественный дар) — исключительная одаренность. Харизматический лидер — человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом, основанным на специфических качествах его личности — мудрости, героизме, «святости».

**Школа в исторической науке** — группа ученых, ответвление течения или направления; могут быть последователями одного учителя или группироваться вокруг университета или научного центра. В рамках школы используются общая методология и методические приемы.



## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

---

- Адо А. В., Дементьев И. В., Патрушев А. М.* Историческая наука в XX в. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. — М., 2002.
- Анналы на рубеже веков. Антология. — М., 2002.
- Афанасьев Ю. Н.* Ведущее направление французской историографии // Афанасьев Ю. Н. Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. — М., 1989.
- Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии». — М., 1980.
- Бернар Лепети и Жан-ив Гренье о журнале «Анналы» // Одиссей. Человек в истории. — М., 1994.
- Бессмертный Ю. Л.* Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994—1997 гг. // Новая и новейшая история. — 1998. — № 4.
- Бессмертный Ю. Л.* Многоликая история (Проблема интеграции микро- и макроподходов) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2000. — М., 2000.
- Бессмертный Ю. Л.* Предисловие // Культура и общество в средние века в зарубежных исследованиях: реферативный сборник. — М., 1990.
- Бессмертный Ю. Л.* Школа «Анналов»: весна 1989 // Европейский альманах. 1990. — М., 1991.
- Бургьер А.* Историческая антропология и школа «Анналов» // Антропологическая история: подходы и проблемы. Материалы российско-французского научного семинара: в 2 ч. — М., 2000. — Ч. 2.
- Вжозек В.* Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей. Человек в истории. — М., 1991.
- Гарскова И. М.* Количественные методы и ЭВМ для историка. (Обзор англо-американских изданий) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. — М., 1981.
- Гуревич А. Я.* «Новая историческая наука» во Франции: достижения и трудности (критические заметки медиевиста) // История и историки. Историографический ежегодник. 1985. — М., 1988.
- Гуревич А. Я.* Загадка школы «Анналов». «Революция во французской исторической науке», или Об интеллектуальной ситуации современного историка // Мировое древо. Arbor mundi. — 1993. — № 2.
- Гуревич А. Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.
- Гусейнова А. С.* и др. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. — М., 1984.

- Гутнова Е. В.* Историография истории Средних веков. — М., 1985.
- Далин В. М.* Историки Франции XIX—XX вв. — М., 1981.
- Дьюкс П.* История в современном мире (Современное состояние исторической науки Великобритании) // Вопросы истории. — 1989. — № 9.
- Зверева Г. И.* Организация исторической науки в Великобритании в Новое и Новейшее время. — М., 1986.
- Интервью с Жаком ле Гоффом // Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.
- Интервью с Жаком ле Гоффом // Мировое древо. Arbor mundi. — М., 1993. — № 2.
- Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого / под ред. Ю. Л. Бессмертного. — М., 1999.
- Историография истории Нового времени стран Европы и Америки / под ред. И. Н. Дементьева. — М., 1990.
- Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки / под ред. И. Н. Дементьева. — М., 2000.
- Историческая наука и историческое сознание. — Томск, 2000.
- К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли. — Томск, 1994.
- Ким С. Г.* Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика. — Томск, 2002.
- Ким С. Г.* Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика. — Томск, 2002.
- Ким С. Г.* К характеристике теоретико-методологических дебатов в современной историографии ФРГ // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 25. — Томск, 1999.
- Ковальченко И. Д.* Количественные методы в исторических исследованиях // Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М., 1987.
- Количественные методы в зарубежной исторической науке (историография 70—80-х гг.): научно-аналитический обзор. — М., 1988.
- Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособие. — М., 1984.
- Количественные методы в советской и американской историографии / отв. ред. И. Д. Коваленко., В. А. Тишков. — М., 1983.
- Конец рабочей истории? / под ред. М. ван дер Линдена. — М., 1996.
- Кром М. М.* Историческая антропология: пособие к лекционному курсу. — СПб., 2000.
- Ле Гофф Ж.* «Анналы» и «новая историческая наука» // Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской исторической школы «Анналов». — М., 1993.
- Ле Гофф Ж.* Существовала ли французская историческая школа «Анналов»? // Французский ежегодник. — 1968. — М., 1970.
- Ле Гофф Ж.* Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. — Т. 2. — Вып. 4. — М., 1994.
- Медик Х.* Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. — 1994. — Т. 2. — Вып. 4.



Международный коллоквиум «Школа «Анналов» вчера и сегодня» // Новая и новейшая история. — 1990. — № 6.

Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. — Томск, 2002.

Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в.: курс лекций. — Вып. 1: Кризис историзма. — Томск, 2002.

Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в.: курс лекций. — Вып. 2. Становление «новой исторической науки». — Томск, 2003.

Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в.: курс лекций. — Вып. 3. Историографическая революция. — Томск, 2008.

Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Гульбин Г. К. Американская буржуазная психоистория. Критический очерк. — Томск, 1985.

Москвитина-Эске Н. С. Историография ФРГ: логика новаций и механизм преемственности // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 21. — Томск, 1994.

Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории / под ред. М. Крома. — СПб., 2003.

Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. — М., 1996.

Ревель Ж. Микро-исторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории / под ред. А. Я. Гуревича. — М., 1996.

Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998.

Репина Л. П. и др. Социальная история и историческая антропология // Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. — М., 2004.

Репина Л. П. Социальная история в историографии XX столетия: курс лекций. — М., 2001.

Репина Л. П. Социальная история в современной историографии: метод, материалы к спецкурсу. — М., 2001.

Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиавистике // Одиссей. Человек в истории / под ред. А. Я. Гуревича. — М., 1990.

Репина Л. П. Социальная история на пороге XXI в.: от междисциплинарного анализа к новому историческому синтезу // Социальная история: проблемы синтеза / отв. ред. В. В. Согрин. — М., 1994.

Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. — М., 2004.

Смирнов В. П. История и специальность историка во Франции. 1945—1995 / под рук. Ф. Бедарида. — Париж, 1995 // Новая и Новейшая история. — 1997. — № 5.

Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. — 1997. — № 8.

Современная зарубежная историография: критический анализ / отв. ред. В. Л. Мальков. — М., 1989.

Современные методы преподавания новейшей истории. — М., 1996.

*Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П.* Современная историография Великобритании. — М., 1991.

*Соколов А. Б.* Введение в историографию Нового и Новейшего времени стран Западной Европы и США. — Ярославль, 2007.

*Соколов А. Б.* Новая социальная история: предмет и направления исследований. История семьи. Новая история медицины. Ландшафтная история. // Соколов А. Б. Введение в современную западную историографию. — Ярославль, 2002.

*Соколов А. Б.* Французская историография // Соколов А. Б. Введение в историографию Нового и Новейшего времени стран Западной Европы и США. — Ярославль, 2007.

*Соколова М. Н.* Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. — М., 1979.

Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М., 1993.

*Тишков В. А.* История и историки в США. — М., 1985.

*Тош Д.* Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. — М., 2000.

*Хвостова К. В.* Методологические проблемы применения количественных методов в западной историографии // Современная зарубежная немарксистская историография: критический анализ / отв. ред. В. Л. Мальков. — М., 1989.

*Шарифжанов И.* Современная английская буржуазная историография. Проблемы теории и метода. — М., 1984.

*Шарифжанов И. И.* Английская историография в XX в. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. — Казань, 2004.

*Шеуджен Э. А.* Историография: история исторической науки. — М., 1999.

*Шкуратов В. А.* Историческая психология. — Ростов н/Д, 1994.

#### **Повторяющиеся издания**

История и историки / отв. ред. М. В. Речкина, Л. Н. Сахаров. — М., разл. вып.

Методологические и историографические вопросы исторической науки / отв. ред. А. И. Данилов, Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева. — Томск, разл. вып.

Одиссей. Человек в истории / под ред. А. Я. Гуревича. — М., разл. вып.

Arbor mundi. Мировое древо. — М., разл. вып.



## ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

### РАЗДЕЛ I

#### ВВЕДЕНИЕ В ЗАРУБЕЖНУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ

Глава 1. Понятие историографии и ее значение для исторической науки.....	6
Глава 2. Историческая наука в XIX в. Классический историзм.....	8
Глава 3. Кризис исторического сознания на рубеже XIX—XX вв. ....	11

### РАЗДЕЛ II

#### «НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА» ВО ФРАНЦИИ

Глава 4. Формирование школы «Анналов». М. Блок и Л. Февр.....	13
4.1. Возникновение школы «Анналов». Основные идеи нового направления.....	13
4.2. Творчество М. Блока. «Апология истории».....	14
4.3. «Бои за историю» Л. Февра.....	16
Глава 5. Второе поколение «Анналов». Фернан Бродель.....	20
5.1. Особенности второго поколения школы «Анналов».....	20
5.2. Творческий путь Ф. Броделя.....	21
5.3. Теория разных скоростей времени.....	25
5.4. Концепция глобальной истории.....	26
Глава 6. «Анналы» в 1970—1980-е гг. «Раздробленная» история.....	31
6.1. Третье поколение школы «Анналов»: теория, предмет исследования, метод.....	31
6.2. «Сериальная» история Пьера Шоню: исследования по исторической демографии.....	34
6.3. Э. Ле Руа Ладюри: от концепции «истории без людей» к «этнографическому роману».....	37
Глава 7. История ментальности или историческая антропология.....	41
7.1. История ментальности как новая парадигма истории.....	42
7.2. «История смерти» в контексте исторической антропологии.....	44

### РАЗДЕЛ III

#### **«НОВАЯ НАУЧНАЯ ИСТОРИЯ» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Глава 8. Американская психоистория.....	52
8.1. Неофрейдизм и возникновение психоистории.....	52
8.2. Теория авторитарной личности и социального характера Эриха Фромма.....	54
8.3. Концепция идентичности Э. Эриксона.....	58
Глава 9. Количественная история в американской историографии...	64
9.1. Общая характеристика количественной истории.....	65
9.2. Роберт Фогель об особенностях клиометрии. Исследования Р. Фогеля по экономической истории.....	66
9.3. Контент-анализ как один из методов количественной истории.....	70
9.4. Применение количественных методов в изучении политической и демографической истории.....	73
Глава 10. Американская «новая социальная история».....	77
10.1. Особенности американской «новой социальной истории».....	78
10.2. «История семьи». Исследования семей бедняков и афроамериканцев.....	79
10.3. «История женщин» и гендерная история.....	81
10.4. Историческая урбанистика. Исследования истории рабочих, иммигрантов и других городских слоев.....	83
Глава 11. «Новая историческая наука» в Великобритании. Социальная история.....	87
11.1. Методологические дискуссии 1960-х гг.: в поисках новых подходов.....	88
11.2. Формирование в 1960—1970-е гг. «новой социальной истории».....	90
11.3. Британская «социальная история» в 1980—1990-е гг. Исследование народной культуры. «Новая локальная история».....	94

### РАЗДЕЛ IV

#### **МИКРОИСТОРИЯ В НЕМЕЦКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Глава 12. Немецкая «история повседневности».....	101
12.1. Специфика немецкой «истории повседневности».....	101
12.2. Изучение повседневной жизни и социальной культуры трудящихся Рурской области.....	102



12.3. «Повседневная история» женщин в годы фашистской диктатуры.....	104
Глава 13. Итальянская микроистория.....	108
13.1. Особенности итальянской микроистории.....	108
13.2. Практика конкретно-исторических исследований по микроистории.....	111

## РАЗДЕЛ V

### ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.

Глава 14. Современное состояние западной исторической мысли...	118
Глава 15. «Возвращение Мартина Герра» Н. З. Дэвис как пример историописания эпохи «антропологического поворота».....	120
Глава 16. «Великая казнь кошки» Р. Дарнтонa: на пересечении микро- и макроистории.....	122
Контрольные вопросы и задания к курсу.....	126
Словарь основных понятий и терминов.....	130
Список литературы.....	138

*Учебное издание*

**Зайцева Татьяна Игоревна**

**Зарубежная историография: XX — начало XXI века**

**Учебное пособие**

Редактор *И. В. Пучкова*

Технический редактор *Н. И. Горбачева*

Компьютерная верстка: *А. В. Бобылева*

Корректор *Н. В. Козлова*

Изд. № 101115474. Подписано в печать 25.11.2010. Формат 60 × 90/16.  
Гарнитура «Newton». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,0.  
Тираж 1500 экз. Заказ № 31049.

Издательский центр «Академия». [www.academia-moscow.ru](http://www.academia-moscow.ru)  
125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1, пом. 266.  
Адрес для корреспонденции: 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, а/я 48.  
Тел./факс: (495)648-0507, 616-0029.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.60.953.Д.007831.07.09 от 06.07.2009.  
Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством  
электронных носителей в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».  
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. [www.sarpk.ru](http://www.sarpk.ru)